

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ В.Н. ШУБКИНА

- 3 ЧЕРЕДНИЧЕНКО Г.А. Владимир Николаевич Шубкин: судьба и творчество
14 КОНСТАНТИНОВСКИЙ Д.Л. Окно, распахнутое Шубкиным: молодежь
в образовании и на рынке труда
25 АСТАФЬЕВ Я.У. В.Н. Шубкин как исследователь катастрофического сознания

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 34 КАРАЧАРОВСКИЙ В.В., ГУРУЛЕВА М.Н. Ловушка мотивации на российском
рынке труда
47 ПОПОВ А.В., СОЛОВЬЕВА Т.С. Перспективы занятости населения России
по оси «центр – периферия» (на примере Вологодской области)

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

- 60 ЛЕБЕДЕВ С.Д., БЛАГОЕВИЧ М., ШАПОВАЛОВА Л.В. Ревитализация религии:
к пониманию перспектив современной религиозной ситуации
76 БУРОВА Е.Е., ДЖАМАНБАЛАЕВА Ш.Е. Религиозная ситуация в современном
Казахстане (опыт социологической реконструкции)

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

- 86 ДОРОФЕЕВА З.Е., КОЗЫРЕВА П.М. Трансформация практик вовлеченности
родителей в жизнь детей
101 БЕЗРУКОВА О.Н., САМОЙЛОВА В.А. «Ненужные» дети? Ценности родительства,
права отцов и матерей в социокультурных установках россиян

СОЦИОЛОГИЯ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

- 112 ГО Лицзюнь, СЮЙ Цзяци, ЧЭНЬ Пэйцзюнь. Российские СМИ о XX съезде
Коммунистической партии Китая

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

- 122 ШМЕРЛИНА И.А. «Социальная форма» в контексте социальной философии
С.Л. Франка
132 ГОЛОВИН Н.А. Мировоззренческие и общенаучные предпосылки логико-
смыслового метода «Динамики» Питирима Сорокина: опыт их реконструкции
-

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- 143 МОНД Д.Л. Доверие как личное благо в контексте социального капитала

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 154 АВДОШИНА Н.В., БОЧАРОВ В.Ю. Человек в информационном обществе: продолжение дискурса
157 ИСТОМИНА О.Б. Социальные процессы в современном российском обществе
159 НЕКЛЮДОВА Н.П., ПЫШМИНЦЕВА О.А. О XIV Уральском демографическом форуме

ЮБИЛЕИ

- 161 Поздравляем В.В. Гаврилюк
163 Поздравляем И.В. Журавлеву
164 ОСИНСКОМУ И.И. – 90 лет!

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 166 ЗБОРОВСКИЙ Г.Е., АМБАРОВА П.А. О воспроизводстве специалистов интеллектуального труда: институциональные дисбалансы и разрывы

IN MEMORIAM

- 173 А. Турен
175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 6. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и обязательно три печатных экземпляра на адрес редакции. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

К 100-летию В.Н. Шубкина

© 2023 г.

Г.А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ШУБКИН: СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО

ЧЕРЕДНИЧЕНКО Галина Анатольевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (galcher2211@gmail.com).

Аннотация. Мемуары о Владимире Николаевиче Шубкине его ученицы, помощницы, соавтора добавляют к хорошо известным сведениям о нем как авторе известного новосибирского исследования о жизненных путях молодежи, основателе социологии образования и молодежи в нашей стране картину связи самых важных вех его биографии-судьбы и более широкого поля дальнейшего творчества. Показаны его черты характера и исследовательская позиция. Особо освещаются его публицистические работы, которые также составляли основу его социологического творчества. Один из родоначальников развития количественной социологии в стране, Шубкин видел ограничения данных методов, полагал, что социологический анализ должен сочетаться с гуманистическими представлениями о человеке.

Ключевые слова: В.Н. Шубкин • мемуары • социологические исследования • новосибирское исследование • социологическая публицистика

DOI: 10.31857/S013216250027362-1

Более тридцати лет я проработала рядом с Владимиром Николаевичем как ученица, помощник, соавтор. Во многом благодаря ему я и стала социологом. Владимир Николаевич был хорошим рассказчиком и очень любил говорить о своей жизни, об истории страны, современности и официозной идеологии. Печать его слов и моего «включенного наблюдения социолога» будут в последующем изложении, которое я постараюсь вести во взаимосвязи: биография-характер-судьба и социолог-публицист-личность.

Биография Владимира Николаевича хорошо известна, о ней немало публикаций, воспоминаний друзей и коллег, его собственных рассказов [Шубкин, 1999; In Memoriam, 2010]. Обозначу только самые значимые вехи его биографии, которые, прежде всего, образуют связь судьбы и дальнейшего творчества.

Он родился 9 августа 1923 г. в Барнауле. Его отец был преподавателем словесности Барнаульской женской гимназии, затем педагогом советской школы. Мама также была преподавателем литературы. В 1937 г. отец был репрессирован, мать уволили из школы, но самому Володе дали возможность закончить десятилетку, с выпускным праздником в вечер-ночь на 22 июня 1941 г. Как сына «врага народа» его не брали ни на учебу в военные училища, ни на фронт добровольцем. Однако как член сборной Алтая по лыжам он попадает на формирование в Сибири отрядов военных лыжников и, в конце концов, оказывается на фронте под Сталинградом: «23 августа 1942 года я впервые поймал в панораму (пушечный прицел) немецкий танк. Тогда мы не знали, что это был самый драматический,

по характеристике маршала Василевского, день Второй мировой войны: прорвав все линии нашей обороны, немцы вышли к Волге» (из его статьи в «Литературной газете»¹).

После войны он окончил экономический факультет МГУ, работал в Москве преподавателем политэкономики, защитил кандидатскую диссертацию. Затем перешел в Институт философии АН СССР, где на рубеже 50–60-х гг. участвовал в одном из первых социальных исследований – села Копанка в Молдавии [Шубкин, 1970: 78–109]. Когда начал создаваться Новосибирский Академгородок, туда В.Н. Шубкина с женой (занимавшей аналогичную профессиональную позицию) пригласил академик М.А. Лаврентьев. После недолгой работы у А.Г. Аганбегяна в Институте экономики промышленного производства СО АН СССР, где начинали разрабатывать экономико-математические методы исследований, Шубкин переходит в Институт истории, философии и филологии СО АН СССР, поскольку уже к этому времени был (по его словам) «заражен социологией».

В 1962 г. он проводит первое исследование выпускников средних школ об их планах в связи с выбором профессии и реальных шагах по продолжению образования и/или трудоустройству. И вскоре появляются его статьи в журналах «Вопросы философии» и «Коммунист» [Шубкин, 1964; 1965], где было показано, что дети номенклатуры и интеллигенции имели гораздо больше шансов поступить в вузы, чем дети рабочих и крестьян, последние чаще оказывались в техникумах и ПТУ. По сути, он первым в стране показал социологическими фактами ложность фундамента официальной идеологии – социального равенства рабочих, крестьян и интеллигенции при «ведущей роли» рабочего класса. Благодаря новосибирскому исследованию (как оно реферируется Американской социологической ассоциацией) Шубкина заслуженно причисляют к одному из основателей социологии образования и социологии молодежи в нашей стране. Развертывание и продолжение в течение десятилетий этого исследовательского проекта – стержень научной деятельности Шубкина.

В 1966 г. он в числе первых защищает докторскую диссертацию по социологической тематике – методологии социологических исследований [Шубкин, 1966]. В том же году впервые (как и все советские социологи) участвует в IV Всемирном социологическом конгрессе в Эвиане (Франция), где завязывает знакомства с рядом известных зарубежных социологов. Большими его друзьями-коллегами были В.Э. Шляпентох, Б.А. Грушин, В.А. Ядов, Б.М. Фирсов. В 1969 г. он переезжает в Москву и начинает работать в недавно созданном Институте конкретных социальных исследований АН СССР под руководством академика А.М. Румянцева. В 1970 г. выходит его известная монография «Социологические опыты» [Шубкин, 1970].

Вскоре после прихода нового директора ИКСИ ряд ведущих специалистов покинули этот институт по идеологическим основаниям, и Шубкин в 1973 г. оказывается во главе отдела Института международного рабочего движения АН СССР. В то время там уже работают многие ведущие социологи – Л.А. Гордон, Э.В. Клопов, А.А. Галкин и др. Владимир Николаевич упорно продвигает свою проблематику. Проводит повторное исследование реальных жизненных путей, разыскав бывших выпускников средних школ Новосибирской области (с участия в этом исследовании я и начала работу с Шубкиным), и публикует результаты в «Литературной газете», затем в публицистической книге «Начало пути» [Шубкин, 1979].

Человек, закаленный судьбой, Шубкин не поддавался ни идеологическому, ни административному давлению. С «солдатской смекалкой» (как говорил он сам) Владимир Николаевич уворачивался, не сдавал своих научных установок: задание руководства заниматься тематикой рабочего класса социалистических стран он приспособливает в свою пользу. В рамках работы организованных тогда Проблемных комиссий международного сотрудничества академий наук социалистических стран (Т.Т. Тимофеев возглавлял одну из них – по теме «Рабочий класс в мировом революционном процессе») Владимир Николаевич договаривается с венгерским социологом Ф. Гажо о проведении сравнительного

¹ Шубкин В.Н. Один день войны // Литературная газета. 1987. 23 сентября.

международного социологического исследования жизненных путей трудящейся молодежи. С 1976 по 1980 г. этот проект был реализован социологами Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии и советской стороной – командой Шубкина. Для современного читателя необходимо уточнить, что в научных учреждениях при тогдашних идеологических институциях социалистических стран могло осуществляться (тоже благодаря «смаккалистости», а чаще напрямую) в полной мере объективное социологическое изучение социальных процессов. В нашей стране подобные исследования велись в парадигме изучения социальных проблем (например, социальных проблем молодежи или развития рабочего класса). Такая постановка выводила на результаты, противостоящие благой идеологической картине об объекте. Таким образом участникам данного проекта удалось добиться значительных результатов, и прежде всего организационно-методологических.

Будучи ученым секретарем этого проекта, вспоминаю тогдашние сложности международных контактов и поездок, которые сегодня даже трудно представить и молодому, и взрослому читателю. И в этих препятствующих контактах условия (используя подвернувшиеся конференции, симпозиумы, а также в ходе рабочих встреч, организуемых венгерской и болгарской стороной, как правило два раза в год) удалось принять единый блок вопросов анкеты и осуществить в каждой стране-участнице эмпирические исследования. Вопросы выборки решались каждой стороной самостоятельно. В России была опрошена молодежь (до 30 лет), занятая на предприятиях промышленности, строительства, торговли и обслуживания г. Костромы. Далее была совместно разработана и реализована единая система кодировки информации, а потом и единая схема статистической разработки эмпирических данных. Был осуществлен обмен между странами-участницами статистическими разработками эмпирической информации. При подготовке итоговой совместной монографии участники вышли на тематическую специализацию каждой страны-участницы, когда каждая команда участников разрабатывала свою тему на базе эмпирического материала из всех стран. Монография была сначала опубликована на русском языке в Будапеште [Трудящаяся молодежь..., 1980; Трудящаяся молодежь сегодня..., 1984], затем уже в отредактированном виде – в странах-участницах на своих языках. На Совещании вице-президентов академий наук социалистических стран по общественным наукам (на основе представления венгерской стороны) коллективу авторов из пяти стран была присуждена международная премия за выдающиеся совместные исследования в области общественных наук. Советским участникам дипломы вручал вице-президент АН СССР академик П.Н. Федосеев 4 марта 1985 г.

Во второй половине 1980-х гг. тот же международный коллектив подготовил еще одну совместную монографию по молодежной проблематике [Социальные аспекты формирования..., 1986]. Следует сказать, что Шубкин был неформальным лидером этого международного коллектива благодаря не только своему авторитету социолога, но главное – исключительному демократизму. В те годы многие представители социалистических стран, привыкшие к главенствующей позиции «большого брата», были насторожены и одновременно готовы проявлять «послушность» относительно всех установок, исходивших от представителей советской стороны. Владимир Николаевич на корню сломал эти стереотипы и поддерживал демократичную рабочую обстановку, в которой важнейшим показателем был профессионализм.

В 1991 г., когда к руководству Институтом социологии РАН пришел В.А. Ядов, Шубкин с небольшим коллективом сотрудников перешел в этот институт, где продолжились исследования образовательных и профессиональных путей разных групп молодежи. В конце своего творческого пути Владимир Николаевич больше работал как публицист и литератор. Вел совместно с В.Э. Шляпентохом международный сравнительный проект о страхах людей разных стран [Страхи и тревоги россиян, 2004].

Демократизм Владимира Николаевича зримо проявлялся в общем ориентире исследований и выборе объектов изучения. Его всегда интересовали судьбы самых массовых групп молодежи. Начиная опросы выпускников средних школ Новосибирской области, он

включал в выборку намеренно только обычные общеобразовательные школы. Помню, когда в 1983 г. для нового обследования десятиклассников на тех же объектах мы формировали выборку, он строго следил не только за восстановлением списка прежних поселений, но и школ выборки с целью сохранения их типа – только общеобразовательные, никаких привилегированных специализаций. В конце 1990-х объект изучения был расширен за счет включения выпускников средних специальных учебных заведений и ПТУ (на базе 9-летки), т.е. молодежи более демократического происхождения (см. результаты в коллективной монографии [Когда наступает время, 2001]). Сила воздействия этой цельной научной и гражданской установки В.Н. Шубкина продолжает реализовываться в проблематике, которую избирают исследователи его социологической школы. Это можно видеть в названиях глав нашей следующей коллективной монографии², в осуществленном количественном и качественном исследовании образовательных и профессиональных траекторий молодых рабочих [Константиновский и др., 2013], в исследовательском проекте о путях, которыми приходят (средне- и малоресурсные по происхождению группы молодежи) в заочное высшее образование, и траекториях, которые у них складываются после получения такого диплома [Чередниченко и др., 2020].

Свою позицию социолога и демократа (в том, прежнем изводе дореволюционной российской интеллигенции) он обнаруживал в разных сторонах своего социального бытия. Вот свидетельство его участия в сложном существовании Театра на Таганке, жившего тогда в тисках цензурной машины и вынужденного всякий раз отстаивать запрещенный спектакль в обсуждениях с чиновниками на заседаниях Художественного совета. Шубкин был членом этого совета, состоявшего из людей уникальных. В протоколе обсуждения 31 октября 1981 г. прогона спектакля «Владимир Высоцкий» (выступили: А.М. Володин, Ф.А. Искандер, М.М. Плисецкая, Н.А. Крымова, Б.Ш. Окуджава, Ф.А. Абрамов, Я.Б. Зельдович, Ю.Ф. Карякин, А.А. Мильников и многие другие) можно найти высказывания Владимира Николаевича: «Мне как социологу хотелось бы сказать, что мы вполне не учитывали некоторые стороны таланта Высоцкого. Это стало понятно в день похорон, когда вся Москва двинулась в сторону театра. Талант Высоцкого глубоко пророс во все слои народа. И он сам великолепно чувствовал наше общество. Он был великим социологом, понимал страты, легко входил в любую социальную микросреду и сумел все это отразить в своих образах... И есть еще одна сторона спектакля, которая для меня, как социолога, представляет собой особое значение. У нас сейчас в некотором роде затаскали, затискали понятие нравственности. Если под этим очень важным углом зрения присмотреться к этому спектаклю, то окажется, что он несет для молодежи такой заряд нравственности, что не использовать его – просто грех»³.

Не могу не рассказать о примерах того, как взаимосвязь судьбы и научной, личностной позиции Владимира Николаевича – по неким законам притяжения сопричастных существ – соединяла его с людьми даже далеких (особенно в те времена) стран. В январе 1957 г. Б. Пастернак в Переделкино передает графине Жаклин де Пруайар (славист и переводчица с русского языка) машинопись «Доктор Живаго» (пятый экземпляр, оказавшийся за границей), именно по которой роман был впервые опубликован издателем Фельтринелли. С Жаклин де Пруайар (предки которой по дипломатической линии были связаны с Россией) Шубкин познакомился в Москве, общался в 1960-е гг. во Франции (она стала «невъездной» в СССР), в последний раз был за границей (по ее предложению) приглашенным профессором с курсом «Русская литература и социология» в Университете Бордо.

Когда в 1966 г. на VI ВСК в Эвиане Шубкин впервые на международном уровне докладывает результаты новосибирского проекта, он получает горячий отклик П. Бурдьё.

² Образовательные ресурсы и профессиональные достижения выпускников СПО: десять лет спустя; Трудовые карьеры, «стартовавших» из ПТУ; Сельская молодежь и образование: социальные барьеры и их преодоление; Победители из малоресурсных групп [Константиновский и др., 2011].

³ *Абелюк Е., Леенсон Е.* Таганка: Личное дело одного театра. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 576–577.

Тот дарит ему свою недавно опубликованную книгу «Les héritiers» (Наследники) [Bourdieu, Passeron, 1964] и пронзительно пишет в посвящении: «...в знак большого расположения и как первый акт долгого и плодотворного продолжения обменов» (книга теперь хранится у меня). Нельзя не увидеть некое «сходство в различиях» по результатам этих ранних этапов исследований обоих: Шубкин первым на основе эмпирических данных о выборе образовательного пути школьников показал существование социального неравенства в советском обществе, а П. Бурдьё на большом статистическом материале показал, что главная функция французского университета – воспроизводство властвующей элиты и что в целом Школа воспроизводит социальное неравенство вместо декларированной ей функции социальной мобильности. Сходство также есть в социологической практике, которую В.Н. Шубкин-социолог воплощает, а П. Бурдьё-мыслитель не только реализует, но и теоретизирует: «Один из секретов занятия социологией заключается в умении найти эмпирические объекты, в отношении которых могут быть поставлены действительно исследовательские проблемы общего порядка. ... Логикой исследований является именно такое сцепление проблем, в которое исследователь попадает и которое влечет его как бы помимо воли. ... Теоретическая проблема, переведенная в исследовательский инструмент, начинает работать и становится в какой-то мере самодвижущейся» [Социология под вопросом..., 2005]. Знаки продолжения их сотрудничества видны в следующем. В.Н. Шубкин публикует статью с результатами новосибирского исследования в *Revue française de sociologie* [Shubkin, 1968]; П. Бурдьё в статье «Классовое будущее и причинность вероятного», рассматривая соотношение практик и диспозиций доминируемых слоев в отношении их способности/возможности овладеть своим будущим, ссылается на «пирамиды Шубкина» [Bourdieu, 1974: 9]. Весну 1968 г. Владимир Николаевич проводит в научной командировке в Париже. (Через два десятка лет ряд его сотрудников пройдут длительный этап стажировки и сотрудничества в Центре европейской социологии, руководимом П. Бурдьё.) Сам Владимир Николаевич становится свидетелем студенческого бунта в Париже, перерастающего в снежный ком демонстраций, поддержанных широкими массами трудящихся и рабочим классом.

Как социолог он исключительно достоверно, пронзительно и тем самым уникально откликается на те исторические события, участником и свидетелем которых ему выпало судьбою быть. Когда перевод романа Робера Мёрля «За стеклом» (о противостоянии студентов и ректората в Парижском университете в Нантере весной 1968-го) публикуется в 1972 г. в Москве, Шубкин пишет для журнала «Новый мир» статью, как он называет «с социологическими реминисценциями»⁴. Роман-исследование, занимающий срединное положение между социологическим трудом и художественным произведением, Шубкин разбирает еще и через призму своих собственных воспоминаний, сопоставляет выдержки из текста с материалами исследований и дискуссиями специалистов в тот период. Социолог свидетельствует: конфликт между мечтой и действительностью, ощущение бессилия от не поддающегося никаким существенным изменениям истеблишмента и порожденных им структур – вот где одна из причин ярости студентов, одержимых мечтой о равенстве и справедливости и нетерпением чувств. Шубкин пишет, что главный секрет при чтении романа – возникающее чувство острой подлинности и достоверности, с которыми Р. Мёрль раскрывает тотальный характер конфликта студентов с обществом и заостряет основные социальные идеи романа – отчуждение и сегрегацию. А мы испытываем еще и эффект сопричастности и сопереживания благодаря голосу социолога-свидетеля В.Н. Шубкина.

Сопричастность судьбы и творчества очень ярко проступает в статье «Аттестат зрелости»⁵, которой Владимир Николаевич отозвался на первую публикацию повести В.Ф. Тендрякова «Ночь после выпуска» (журнал «Новый мир», 1974. № 9). Напомним,

⁴ Шубкин В.Н. Читая Робера Мёрля (рецензия с социологическими реминисценциями) // Новый мир. 1974. № 3. С. 258–274.

⁵ Шубкин В.Н. Аттестат зрелости // Литературное обозрение. 1976. № 5. С. 97–104.

что среднюю школу Шубкин окончил в июне 1941 г. Вот как он описывает это событие: «Выпускной вечер в первой средней школе города Барнаула был 21 июня 1941 г. Что ни говорите – событие. Вручение аттестатов, художественная самодеятельность... Бродили всю ночь, а утром в воскресенье оказался какой-то городской праздник, и мы танцевали под аккомпанемент небольшого оркестрика. Но вдруг на сцену вышел человек в сапогах и защитном френче. – Товарищи! – громко сказал он. – Сейчас сообщили из Москвы: сегодня утром фашистская Германия напала на нашу страну. Поэтому праздник отменяется»⁶ – исключительность этого момента своей жизни и истории страны никогда не оставляли не только самосознание Владимира Николаевича, но были неким репером осмысления нравственных и духовных глубин человеческой жизни. Поэтому он откликнулся на повесть В.Ф. Тендрякова не столько по тематической аналогии своих исследований – «выпускной вечер», «выбор пути молодежи после школы» – сколько из-за предельной социальной заостренности произведения. Писатель погружает своих молодых героев в драматическую ситуацию, запуская конфликт тем, что они решились на откровенный, неліцеприятный разговор друг о друге. Обострив ситуацию до крайности, пишет Шубкин, «автор ведет глубинное исследование человеческих характеров», когда вскрываются и проявляются истинные ценности и цели человека в жизни, нормы его отношений с другими, позиции в обществе. В повести Тендрякова, говорит Шубкин, в центре нравственного поиска оказывается личность, ее формирование и становление, исследование сложных связей человека и общества, поэтому она «многое дает если не для ответов, то для уяснения социальных и нравственно-философских проблем, с которыми сталкивается молодежь сегодня».

Шубкин ценностно тяготеет к литературному творчеству. Он не только с большим пиететом относился к ряду писателей и публицистов, но и сам довольно много сделал как публицист, литератор. Он считал, что социология имеет свои ограничения в изучении человека, она не способна отразить наиболее важную сторону его бытия в обществе – его нравственную позицию и поведение. Это – поле деятельности настоящей литературы и потому литература – выше социологии. Благодаря этой другой стороне своего творчества Шубкин парадоксальным образом явился дважды новатором в российской социологии.

Он начинает как горячий сторонник использования математики при изучении социальных закономерностей. Автор и редактор первой в 1960-е гг. монографии о количественных методах в социальных исследованиях [Количественные методы..., 1964], он вводит и утверждает позитивистскую методологию, которую и воплощает в своем исследовании молодежи Новосибирской области. Выход этой книги позволил первым советским социологам разобраться в роли математических методов в исследованиях. Далее, во второй половине 1970-х он заговорил о познавательной ограниченности количественной методологии. Когда еще никто не знает и не помышляет о качественных методах, он предлагает задуматься о том, что социологический анализ должен сочетаться с гуманистическими представлениями о человеке. Обращаясь к публичной социологии в своем эссе «Пределы» в журнале «Новый мир»⁷, с пронзительным беспокойством он поднимает проблему недостаточности, ущербности «количественного усреднения» человеческой личности и говорит о необходимости дополнения и совмещения социального анализа с гуманитарным знанием о человеке. Такое знание, по его мнению, может дать только подлинная литература, обращающаяся к корням и истокам человеческой нравственности. Он подчеркивал, что социолог изучает, строго говоря, не личность, а среднестатистического человека в среднестатистической ситуации. От единственности и неповторимости живого человека в результате его «осреднения» остается, как он говорил, «вагранка». И когда по результатам такого абстрагирования пытаются делать прогнозы поведения человека, неизбежно в социологическом анализе наталкиваются на пределы, которые не

⁶ Шубкин В.Н. Пашкин подарок: повести. М.: Изд. Института социологии РАН, 1999. С. 115–116.

⁷ Шубкин В.Н. Пределы // Новый мир. 1978. № 2. С. 187–217.

преодолимы методами научного знания. Здесь в свои права вступает та литература, которая концентрирует человеческую жизнь в предельных ситуациях, состояниях, на изломах судьбы, когда наиболее полно раскрываются глубинные ценности, нормы, цели человека. Шубкин считал, что драматичность нравственного и социального выбора наиболее остро осознавалась Ф.М. Достоевским, а в позднесоветское время – А.И. Солженицыным и такими писателями, как С. Залыгин, Ф. Абрамов, В. Распутин, В. Астафьев. Смысл предостережений и размышлений (но не морализаторства!) Шубкина не менее ценен, чем его отраслевые исследования. Как публицист, он обращался не только к коллегам, но ко всем, кто мог и хотел его услышать, утверждая ценность и достоинство личности.

В эссе «Пределы» он убедительно показывает диалектику триады (в разных соотношениях живущей в каждом человеке) – возвышения от человека биологического, к человеку социальному и далее к человеку духовному, нравственному. Последнего он противопоставляет человеку социально-рациональному («внешне ориентированному», как сказали бы социологи), ограниченному только заботой о своем всестороннем благополучии. Причем я не помню ни из общей позиции Шубкина, ни из содержания статьи, чтобы он приравнивал своего «человека рационального» человеку западному. Шубкин пишет о соотношении рациональное – нравственное как о всеобщих человеческих универсалиях. Симптоматично, какова была сила воздействия его глубоких рассуждений – после публикации этой статьи в ИМРД АН СССР (где тогда он работал) случилась бурная на нее реакция директора института Т.Т. Тимофеева. Тот публично возмутился, усматривая, что Шубкин именно с него сделал «пасквильный портрет» человека рационального. Владимир Николаевич совершенно нейтрально относился к Западу – и без пиетета, и без завистливой критики. Помню, как он искренне удивлялся такой, как он определил, человеческой незрелости, которую обнаружила сотрудница, бывшая с ним в командировке и восхищенно поражавшаяся (впервые выехав на Запад) только увиденной материальной благоустроенностью. В его реакциях на тот Запад преобладали, прежде всего, интерес и оценки социолога. Вспоминая свою командировку весной 1968 г. в Париж, в разгар студенческих волнений, он рассуждал об элитарности школы и университетов, социальной селекции и ее скрытых механизмах во Франции. Говоря о Польше (еще до появления там движения Солидарности), подчеркивал, что эта страна существенно выбивается из ряда стран тогдашнего социалистического лагеря тем, что в ней существует настоящий рабочий класс, проявляющий свое особое место в обществе, а также такие важные институты, как церковь и собственность крестьян на землю.

Особенностью самосознания Шубкина была его устремленность в предысторию как текущих, так и прошлых событий, это тесно переплеталось как в повседневном общении, так и в его творчестве, уходило корнями в главные переломные вехи его биографии – арест и расстрел отца органами НКВД в 1937 г. и участие в войне. Так, его «сквозной темой» были истоки тоталитаризма. Лично мне именно он в 1970-е гг. открыл и пробудил интерес к трудно «добываемой» тогда (в условиях идеологического контроля) информации об истинной истории страны 1920–1930-х и 1950-х гг. В зрелые годы его больше всего занимала и тревожила проблематика насилия, которому, как он раскрывал в своей публицистике, может противостоять только нравственная «революция». Исключительная острота исторической памяти, как в осмыслении истории и культуры страны, так и своей семьи, отразились в таких его произведениях, как статья «Неопалимая купина. Заметки о традициях русской классики в современной прозе», социологических очерках «Насилие и свобода», повести «Пашкин подарок»⁸.

Всю жизнь Владимира Николаевича мучительно тревожила судьба отца. Семье на запросы о положении Николая Феоктистовича после ареста стандартно отвечали: «Десять

⁸ Шубкин В.Н. Неопалимая купина. Заметки о традициях русской классики в современной прозе // Наш современник. 1981. № 12; Шубкин В.Н. Насилие и свобода. Социологические очерки. М.: На Воробьевых, 1996; Шубкин В.Н. Пашкин подарок: повести. М.: Изд. Института социологии РАН, 1999.

лет без права переписки», а в 1950-е гг. выдали свидетельство о смерти по естественной причине с датой в конце военных лет. У него всегда оставались сомнения в том, что на самом деле указанная формулировка означала расстрел. В перестроечные годы он публикует статьи [Шубкин, 1994; 1993], где, вспоминая судьбу отца, рассуждает о том, что соответствующие органы и советские статистики в заботе о сокрытии слишком больших показателей смертности в 1937–1938 гг. перераспределяли истинные даты смерти расстрелянных на годы войны. Вскоре в барнаульской газете появилось Открытое письмо, адресованное ему работником нынешнего местного КГБ, который цитировал архивное личное дело Николая Феоктистовича Шубкина. Сам Владимир Николаевич, получив доступ к этому архиву, узнал, что по решению тройки отец был расстрелян 2 октября 1937 г. Датью Шубкина-сына своему отцу стала публикация дневника Николая Феоктистовича – преподавателя словесности женской гимназии Барнаула в 1911–1915 гг. Сначала в советское время публикация появилась в журнале «Новый мир» с предисловием С.П. Залыгина⁹ (который в средней школе Барнаула был учеником матери В.Н., преподавателя литературы), потом была издана отдельная книга с предисловием и послесловием Владимира Николаевича¹⁰ (эту книгу, с посвящением В.Н., десять лет назад я передала по просьбе дирекции Краеведческому музею г. Барнаула).

Участие Шубкина в войне оказалось специфичным и по-особому значимым. Оказавшись в 1942 г. на фронте под Сталинградом в качестве рядового, благодаря среднему образованию (очень редкому в солдатской среде) он становится наводчиком артиллерийского орудия. Вспоминания это время, Шубкин предварял таким рассуждением: про войну с крестьянством – раскулачивание – у нас ничтожно мало введенных в культурный оборот (опубликованных) свидетельств, да и художественной литературы, публицистики в сравнении с последующими репрессиями 1937–1938 гг., поскольку в первом случае речь шла о людях «без гласа», «не пишущих», тогда как вторые представляли в массе своей интеллигенцию, и она оставила по себе и продолжает порождать большие пласты различной литературы. Шубкин считал, что аналогично обстоит дело с войной. Ее отразили в литературе люди образованные, а они на войне оказывались в чине как минимум лейтенанта – поэтому и возникла так называемая лейтенантская проза о войне, либо это мемуары военачальников. Положение и тяготы войны, выпавшие на долю солдата, практически никто из образованных/пишущих людей не прожил через себя. Шубкин – исключительный участник войны – из сословия «имеющих глас». Он, вступивший в нее рядовым и прошедший наводчиком артиллерийского орудия, в своих литературных повестях «Социология войны» и «Пашкин подарок»¹¹ свидетельствует, что для бывших на передовой солдат фронт запомнился, прежде всего, как тяжелейший изнурительный труд, холод и голод. Шубкин вспоминал, как под Сталинградом их неделями оставляли без подвоза пищи и продовольствия и как они сами ползали в поля, разыскивали оставшиеся не сожженными полосы пшеницы, нарезали ее штыками в плащ-палатки, обмолачивали и варили. Бой, стрельба, атака были лишь острой приправой к тяжелым солдатским будням. Шубкин, боец, раненый в госпитале и будущий социолог, вынес представление о том, что фронт имел не только длину, но и ширину – в десятки километров промежуточную полосу, состоящую из продовольственного и вещевого снабжения, штабов, госпиталей, политотделов, редакций, стройбатов, заградотрядов, ансамблей, трибуналов и пр. Представители в погонах этой зоны не испытывали ни опасности линии фронта, ни тяжкого

⁹ Сергей Павлович Залыгин (1913–2000) – русский советский писатель. В 1988 г. за большие заслуги в развитии советской литературы и плодотворную общественную деятельность писателю, главному редактору журнала «Новый мир» С.П. Залыгину было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

¹⁰ Шубкин Н.Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии. Из дневника словесника Н.Ф. Шубкина за 1911–1915 годы. СПб.: РХГИ, 1998.

¹¹ Шубкин В.Н. Пашкин подарок: повести. М.: Изд. Института социологии РАН, 1999. С. 115–211, с. 10–69.

труда тыла, однако получали медали и ордена за оборону или взятие городов как фронтовики на передней линии.

* * *

Позволю завершить кратко личным моментом. Как и большинство в те годы, я попала в социологию без базового образования. По распределению после МГУ я оказалась в Отделе социалистических стран ИМРД АН СССР и таким образом стала работать у В.Н. Шубкина. Моими «социологическими университетами» стало погружение с порога в конкретную работу социологического проекта «Начало пути»: розыск бывших респондентов, составление анкеты, почтовый опрос, разработка материалов, интерпретация и т.д. И этот ракурс – от эмпирии к теории (а не наоборот, как положено при обучении студентов) – исходил от Шубкина не только в начале моих штудий, но это была основная исследовательская позиция его школы – соединение социологического факта, добытого эмпирически, и социологического воображения, необходимость которого он всегда подчеркивал. То, что Владимир Николаевич называл «социологическим воображением», было скорее его способом теоретического осмысления – не в форме академических умопостроений – а как постижение взаимосвязей эмпирического факта с многообразием социума. И это шло от его личного уникального социального опыта. Именно такую школу «практической социологии», претендующей на отсутствие разграничений между эмпирией и концептуализацией, я получила возможность воспринять, использовать и развивать в своих исследованиях, продвигая дело Владимира Николаевича Шубкина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Когда наступает время выбора (устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений) / Отв. ред. Г.А. Чередниченко. СПб.: РХГИ, 2001.
- Количественные методы в социологических исследованиях / Под ред. А.Г. Аганбегяна и В.Н. Шубкина. Новосибирск: НГУ, 1964.
- Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М.: ЦСПиМ, 2011.
- Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Рабочая молодежь России: количественное и качественное измерения. [Электронный ресурс]. М.: ЦСИ, 2013. 277 с. 1 CD ROM. ISBN 978-5-906001-08-5.
- Социальные аспекты формирования молодого поколения: тенденции, проблемы, опыт (международное исследование) / Под общ. ред. Ёне Андич и Владимира Шубкина. Будапешт: Институт общественных наук ЦК ВСРП, 1986.
- Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.: Праксис; Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 125–148.
- Страхи и тревоги россиян. СПб.: РХГИ, 2004.
- Трудящаяся молодежь: ориентации и жизненные пути (Опыт сравнительного международного социологического исследования) под общей редакцией Ференца Гажо и Владимира Шубкина. Будапешт: Институт общественных наук ЦК ВСРП, 1980.
- Трудящаяся молодежь сегодня: образование, профессия, мобильность / Под ред. В.Н. Шубкина. М.: Наука, 1984.
- Чередниченко Г.А., Вознесенская Е.Д., Кузнецов И.С. Заочник высшей школы: социальное поведение в сфере образования и на рынке труда: монография / Отв. ред. Г.А. Чередниченко. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 173 с.
- Шубкин В.Н. О мобильности молодежи в связи с выбором профессии // Вопросы философии. 1964. № 8. С. 18–28.
- Шубкин В.Н. О конкретном исследовании социальных процессов // Коммунист. 1965. № 3. С. 48–57.
- Шубкин В.Н. Методологические вопросы анализа общественных явлений (Из опыта конкретных социальных исследований). Дис. на соиск. уч. ст. д. соц. н. Лаборатория по применению статистических и математических методов в экономике Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск, 1966.
- Шубкин В.Н. Социологические опыты (методологические вопросы социальных исследований). М.: Мысль, 1970.

- Шубкин В.Н. Начало пути: Проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы. М.: Молодая гвардия, 1979.
- Шубкин В.Н. Двойной расстрел // Алтай. 1993. № 3. С. 111–122.
- Шубкин В.Н. Свидетельство о смерти // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 124–133.
- Шубкин В.Н. Возрождающаяся социология и официозная идеология // Российская социология шести-десятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
- In Memoriam. Владимир Николаевич Шубкин // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 136–139.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. Les héritiers. Les étudiants et la culture. Paris. Les Editions de Minuit, 1964.
- Bourdieu P. Avenir de classe et causalité du probable // Revue française de sociologie. 1974. No.15-1. P. 3–42.
- Shubkin V. Le choix d'une profession. Résultats d'une enquête sociologique auprès des jeunes de la région de Novosibirsk // Revue française de sociologie. 1968. No. 9 (1). P. 35–50.

Статья поступила: 29.04.23. Принята к публикации: 22.06.23.

VLADIMIR NIKOLAEVICH SHUBKIN: FATE AND CREATIVITY

CHEREDNICHENKO G.A.

Institute of Sociology of FCTAS RUS, Russia

Galina A. CHEREDNICHENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (galcher2211@gmail.com).

Abstract. V.N. Shubkin is known as a sociologist for his Novosibirsk research: this is how he is referred to by the American Sociological Association. The memories of him by his student, assistant, co-author show a broader picture of his creativity, associated, in particular, with special milestones in his biography. V.N. Shubkin also contributed to the development of international comparative sociological research. At the same time, along with sociology, he always gravitated toward journalistic and literary activity. In his essays, the author conveys to the general reader ideas about the possibilities and limits of sociology as the study of human behavior, and speaks of the need to supplement and combine social analysis with humanitarian knowledge about people. Author's understanding of the prehistory of both current and past events allows to respond to current social problems talking about freedom and violence, and questioning morality. In a special way, as an ordinary participant in World War II, V.N. Shubkin describes sociology of this war.

Keywords: V.N. Shubkin, memoirs, sociological research, sociological journalism, Novosibirsk project.

REFERENCES

- When it's time to choose (the aspirations of young people and the first steps after graduation).* (2001) Ed. by G.A. Cherednichenko. St. Petersburg: RKhGI. (In Russ.)
- Quantitative methods in sociological research.* (1964) Ed. by A.G. Aganbegyan and V.N. Shubkin. Novosibirsk, NGU. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A., Khokhlushkina F.A. (2011) *Education and life trajectories of youth: 1998–2008.* Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A. (2013) *Working youth of Russia: quantitative and qualitative measurements.* [Electronic resource]. Moscow: TsSI. 2013. 1 CD ROM. ISBN 978-5-906001-08-5. (In Russ.)
- Social aspects of the formation of the younger generation: trends, problems, experience (international study).* (1986) Under the general editorship of Jone Andich and Vladimir Shubkin. Budapest, Institute of Social Sciences of the Central Committee of the HSWP. (In Russ.)
- Sociology is in question. Social sciences in a post-structuralist perspective. (2005) In: *Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.* Moscow: Praxis; Institute of Experimental Sociology: 125–148. (In Russ.)
- The fears and anxieties of the Russians.* (2004) St. Petersburg: RKhGI. (In Russ.)

- Working youth: orientations and life paths (Experience of a comparative international sociological research)*. (1980) Under the general editorship of Ferenc Gazho and Vladimir Shubkin. Budapest, Institute of Social Sciences of the Central Committee of the HSWP. (In Russ.)
- Working youth today: education, profession, mobility*. (1984) Ed. by V.N. Shubkin. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Cherednichenko G.A., Voznesenskaya E.D., Kuznetsov I.S. (2020) *Part-time student and graduates of higher education: social behavior in education and the labor market*. Ed. G.A. Cherednichenko. Moscow: FCTAS RAS. (In Russ.)
- Shubkin V.N. (1964) On the Mobility of Youth in Connection with the Choice of a Profession. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 8: 18–28. (In Russ.)
- Shubkin V.N. (1965) On a concrete study of social processes. *Kommunist* [Kommunist]. No. 3: 48–57. (In Russ.)
- Shubkin V.N. *Methodological Issues in the Analysis of Social Phenomena (From the Experience of Concrete Social Research)*. (1966) Diss. for the Doctor of Sociology. Laboratory for the Application of Statistical and Mathematical Methods in Economics of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Novosibirsk. (In Russ.)
- Shubkin V.N. (1970) *Sociological experiments (methodological issues of social research)*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Shubkin V.N. (1979) *The beginning of the paths: Problems of youth in the mirror of sociology and literature*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
- Shubkin V.N. (1993) Double execution *Altai* [Altai]. No. 3: 111–122. (In Russ.)
- Shubkin V.N. (1994) Death certificate *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. No.1: 124–133. (In Russ.)
- Shubkin V.N. (1999) Resurgent Sociology and Official Ideology. In: *Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents*. Ed. and ed. foreword G.S. Batygin; Ed.-stat. S.F. Yarmolyuk. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. (In Russ.)
- Shubkin N.F. (1998) *Daily life of an old Russian gymnasium. From the diary of the philologist N.F. Shubkin for 1911–1915*. St. Petersburg: RKhGl. (In Russ.)
- In Memoriam. Vladimir Nikolaevich Shubkin. (2010) *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. No. 4: 136–139. (In Russ.)
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (1964) *Les héritiers. Les étudiants et la culture*. Paris. Les Editions de Minuit.
- Bourdieu P. (1974) Avenir de classe et causalité du probable. *Revue française de sociologie*. No.15–1: 3–42.
- Shubkin V. (1968) Le choix d'une profession. Résultats d'une enquête sociologique auprès des jeunes de la région de Novosibirsk. *Revue française de sociologie*. No. 9 (1): 35–50.

Received: 29.04.23. Accepted: 22.06.23.

Д.Л. КОНСТАНТИНОВСКИЙ

ОКНО, РАСПАХНУТОЕ ШУБКИНЫМ: МОЛОДЕЖЬ В ОБРАЗОВАНИИ И НА РЫНКЕ ТРУДА

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (scan21@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается динамика проекта, начатого В.Н. Шубкиным. Представлены и обсуждаются результаты, полученные в 1960–1990-е гг. Эти данные позволили сделать выводы о том, как социальное поведение молодёжи связано с переменами в экономике и сфере образования. Показано развитие проекта в Институте социологии ФНИСЦ РАН по настоящее время. Обсуждается новая ситуация, вызвавшая прекращение потока молодёжи с высшего образования на среднее профессиональное. Полученные результаты подтверждают, что накопление информации в ходе развития проекта способствует более глубокой интерпретации социальных процессов и открывает возможности для прогнозирования. Особое внимание уделено личности В.Н. Шубкина. Делается вывод, что гуманистическое мировоззрение, выстраданное сложным личным опытом, подталкивало его к новаторству в исследованиях, постановке острых вопросов и исключало технократический подход к социальным проблемам. Подчеркивается, что вклад В.Н. Шубкина в социологию образования имеет исключительную ценность. Ему удалось положить начало важному направлению социальных исследований.

Ключевые слова: социология образования • проект В.Н. Шубкина • социальное поведение молодёжи • образование • рынок труда

DOI: 10.31857/S013216250027363-2

Динамика проекта: 1960–1990-е. Нет лучшего времени для социолога, чем время перемен. В отличие от того, что такое время означает для современников (как резонерски отмечает известная пословица), для социолога это лучшее поле для наблюдений, а затем поиска верной интерпретации происходящего.

Владимиру Николаевичу Шубкину, его коллегам и ученикам, ставшим коллегами, в этом повезло. Шубкину, как «родоначальнику» направления, оставалось не ошибиться в выборе ключевого индикатора. Он был найден и подтвердил свою значимость, как показали исследования, начатые в Сибири и впоследствии проведенные в других регионах (по выражению В.А. Ядова, страна была покрыта анкетами Шубкина). Этим индикатором оказались «всего-навсего» проставленные старшеклассниками средних школ оценки привлекательности профессий.

В 1962 г. в школах Новосибирской области впервые заполняли анкеты, в которых учащимся предлагалось оценить привлекательность десятков различных профессий. Следовало проставить по 10-балльной системе высшие оценки самым привлекательным, с точки зрения старшеклассников, профессиям, низшие оценки – самым непривлекательным и промежуточные – профессиям средней привлекательности. Если подросток ничего не знал о какой-либо профессии, он ставил ноль. В списке профессий, привлекательность каждой из которых предлагалось оценить, были представлены как массовые, так и менее распространённые занятия, связанные с самыми разными сферами деятельности: тяжёлой и лёгкой промышленностью, транспортом и связью, сферой обслуживания, здравоохранением, образованием, культурой, наукой. Список этот диктовали не только исследовательские цели, но и прагматические соображения: социологи должны были показать, что занимаются актуальными проблемами региона, а их труды обещают конкретную полезность, выраженную в практических рекомендациях. Экономика нуждалась

в кадрах; следовательно, инициатива Шубкина и коллег могла быть представлена партийному и академическому начальству как рациональная инициатива. Впрочем, всё это послужило на пользу исследованию, поскольку круг профессий в анкете был для старшеклассников не абстрактным, а близко знакомым. В последующие годы список профессий обновлялся, в нем учитывались происходившие изменения. Опросы повторялись сначала ежегодно, потом с интервалами; впоследствии проведение исследования перешло к Институту социологии ФНИСЦ РАН.

Складывался коллектив единомышленников, опросы проводились год за годом; из череды «моментальных фотографий» каждого года создавалась динамическая картина; фиксировались не состояние, а процесс – ход перемен в привлекательности профессий; создавалась возможность сопоставлять ее с изменениями в обществе.

В данных 1960-х гг. видны отголоски недавних событий – запуска первых советских «Спутников», полёта Юрия Гагарина, очевидна востребованность профессий, так или иначе связанных с наукой и техникой: обращает на себя внимание привлекательность занятий учёных, инженеров [Шубкин, 1970: 189–204]. В 1963 г. привлекательность профессий научных работников – физиков, математиков, химиков – оценивалась старшеклассниками Новосибирской области почти в восемь баллов, близки к ним оценки профессий инженеров и геологов. Здесь же, на вершине своеобразной иерархии привлекательности, – врачи, преподаватели высшей школы. Да и школьные учителя также получали весьма высокие оценки. При этом дети из разных семей – руководителей, специалистов с высшим образованием, служащих со средним профессиональным и общим образованием, рабочих – были солидарны в мнениях [Константиновский, 1999: 246–247, 261–268]. В других регионах страны были получены аналогичные данные.

В 1980-х гг. пришло время трудностей в экономике, соответственно, сложностей в распределении сокращавшегося пирога возможностей, товарного дефицита; потом рынок труда изменился, рухнули карьеры специалистов, дипломы старшего поколения обесценились, – тогда не только прием в вузы резко сократился [Konstantinovskiy, Khokhlushkina, 2000: 36–38], но и вырос отсев из школ [ibid.: 28–33]. В эти годы взлетела привлекательность профессий продавца, бухгалтера: в 1963 г. их оценивали ниже других, между двумя и тремя баллами, но в 1983-м она поднялась до четырех – пяти баллов, а в 1994 г. ещё выше. Привлекательность профессии учителя неуклонно снижалась, приближаясь к оценкам, прежде полученным продавцом [Константиновский, 1999: 129–130]. Результаты исследований показали: привлекательность профессий у молодёжи отчётливо связана с комплексом реалий текущей ситуации и меняется в связи с новыми обстоятельствами [Константиновский, 2008: 132–151]. Научные работники и инженеры переставали быть лидерами привлекательности, теперь они оказались во второй половине списка профессий; математик, как и учитель, оказался рядом с продавцом (что не умаляет значимости профессии продавца). Современники очутились в ином мире, как астронавты в «Возвращении со звёзд» Станислава Лема.

К середине 1990-х гг., когда формировался новый, с иной структурой рынок труда, потребовались специалисты – восстанавливалась привлекательность образования, дети стали возвращаться в школу и стал быстро расти прием в вузы. Кто же приходил на смену прежним образцам жизненной карьеры? Новая ситуация в стране выдвинула новых кумиров, лидеров привлекательности – ими оказались банковский работник, юрист, бизнесмен. Юрист в 1994 г. получил почти максимум – девять баллов [Константиновский, 1999: 250]. Так опять возникла для современников новая реальность.

Оценки привлекательности профессий давали возможность судить о том, какие образовательные и профессиональные карьеры избрали бы старшеклассники, если бы реальность и их личные возможности вполне соответствовали их желаниям, предпочтениям, устремлениям. В действительности не всё получалось так, как хотелось, и школьники это, конечно, понимали. «Что вы думаете делать после окончания школы?» – спрашивалось в шубкинской анкете. Её вопросы просты, но существенны. Недаром респонденты

благодарили на полях за то, что их заставили задуматься над важным. Возможно, это общее правило: главные вопросы нашей жизни весьма просты, но надо их сформулировать (и по возможности ответить на них). Здесь же приводились варианты: работать; совмещать работу с учебой; учиться; прочие планы. Далее следовала конкретизация: отрасль народного хозяйства, учебное заведение, профессия и пр. Анализ этой информации показывал, какую коррекцию вносит учёт реальности в личные планы юношей и девушек при обдумывании будущего. Происходило некоторое «приземление» желаний, поскольку подростки учитывали не только свои склонности, но и, например, академическую успеваемость, принимали во внимание (насколько это удавалось им и их родителям) состояние рынка труда, транспортную доступность учебных заведений и конкурс в них, и пр. Коррекция эта была различной у подростков из городов, сёл, из семей разного социального статуса, детей родителей, имеющих разные профессии. В европейской части России и на Урале, как и в Сибири, нередко выбор падал не на те профессии, которые наиболее привлекательны, а совсем на другие, например, оцениваемые как высокооплачиваемые и/или доступные [Шереги и др., 1997: 18].

Проходили несколько месяцев, и наступал «час истины»: предпочтения и личные планы юношей и девушек поверялись реальностью не в их головах, а в учебных заведениях и на предприятиях. Осенью социологи собирали информацию о том, как в действительности сложились первые шаги выпускников школ. В начале образовательных и профессиональных карьер в полной мере проявлялась их социальная обусловленность, влияние факторов урбанизации, принадлежности к той или иной социальной группе, пола. Школа, где в одних классах по единой программе учились и, год за годом находясь бок о бок, социализировались дети из разных слоёв населения, выравнивала устремления подростков. Но затем их пути расходились. А время, меняя социум в целом, изменяло и эти различия. Вместе с тем становилось ясно, что «информация, полученная об оценках и профессиональных планах, коррелируется с реальным поведением молодёжи при выборе профессии. Это дает основания полагать, что по изменению профессиональных планов и оценок с известной вероятностью можно судить о намечающихся переменах и в поведении молодёжи при выборе профессий» [Шубкин, 1970: 211].

Шубкин дал наглядную картину перехода от намерений (оценок привлекательности профессий и личных планов) к реальному выбору; дал именно изображение, графическую иллюстрацию. Это широко известные шубкинские пирамиды: «сплошная отражает объективные потребности в кадрах по профессиям, пунктирная – личные профессиональные планы» [Шубкин, 1970: 209]. Не следует трактовать пирамиды как описание происходящего только на первых шагах после окончания школы; это может быть и отложенный результат. Шубкин предупреждал, что его пирамиды «нельзя рассматривать упрощённо» [там же]. Это относится и к социальной обусловленности перестраивания одной пирамиды в другую (так как молодёжь с разными социальными характеристиками имеет разные шансы на реализацию намерений), и к другим аспектам этого превращения пирамид; особенно к проявляющимся впоследствии, таким как динамика потребности в кадрах, непрерывное образование, меняющиеся возможности и ограничения социальной мобильности, которые обуславливают перемены и в сплошной пирамиде, и неизбежно связанные с ними – в устремлениях индивидов. Пирамиды – образ обобщенный. Однако зафиксированное в образе, предложенном Шубкиным, очевидно: реальность бесплотно распределяет индивидов в какой-то связи с их устремлениями или без всякой связи по наличествующим в обществе в данный момент позициям; не даром одна из пирамид пунктирная, а другая сплошная [Шубкин, 1970: 208, 210].

Почему Шубкин? Понятно, почему возрождающаяся российская социология обратилась к проблемам молодёжи (В.В. Водзинская, Л.Н. Коган, Ш.Ш. Шоисматуллоев и др.). Но почему лидером в исследованиях ориентаций и реальности оказался именно Шубкин? Что им двигало?

Он шёл в науке в разных направлениях. Но одно свойство одерживало верх и преобладало, за что бы он ни взялся. Писал добросовестно диссертацию по экономике, анализируя деятельность колхозов [Шубкин, 1970: 78–109], – получалось сочувственное исследование социальной жизни села. Строил графы взаимодействия людей в коллективе [Шубкин, 1970: 110–150] – выходил заинтересованный анализ их поведения... Главным оказывались – интерес к людям, человечность в отношении к ним, стремление помочь.

Сложный путь применения количественных методов в социологии привёл его, через пространство разнообразных идей, к маячившим впереди пирамидам.

Гуманизм Шубкина – не умозрительно построенный. Он выстрадан жизненным опытом сына репрессированного учителя, чудом спасённым солдатом Отечественной. В его военной биографии были Сталинград, Перекоп, Севастополь. Гуманизм присутствует – как импульс к исследованию и основной путь анализа – во всех его трудах и напрямую выражен в его публицистике¹ [Шубкин, 1996; 2010: 288–373]. И он жил, как писал в этих работах. В научной биографии Шубкина были разные ситуации, жизнь испытывала его, мяла и тёрла, как и других, всех без исключения, невзирая на достоинства, достижения и регалии; демобилизованный солдат, он оставался в рядах, хотя вставать и идти ему теперь доводилось часто не со всеми, а в одиночку.

Нравственное наследие Шубкина не менее значительно, чем научное; точнее, они сплавлены воедино. Шубкин не склонялся к технократическому подходу в решении проблем, к жёсткому управлению обществом; рассматривая личные планы молодёжи и объективные потребности, он выступал против такого строения общества, когда каждому предназначено определённое место «шестерёнки» в экономической машине. Он стоял на том, что ожидания молодёжи важны, играют существенную роль в жизни общества и должны приниматься во внимание, что особенно важно в социальном управлении.

Развитие проекта в XXI в. Анализ материалов повторяющихся опросов сначала имел целью показать тем, кто скептически относился к социологическим методам, что повторные исследования подтверждают результаты предыдущих; но вскоре выяснилось: наблюдаемое представляет собой не единичное явление, когда можно обойтись его фиксацией, а некий процесс, требующий наблюдения и сопровождения (и, разумеется, попыток постепенной интерпретации); это оказалось главным, что определяет внимание к проекту Шубкина.

Однако социальные процессы, как правило, более длительны, чем жизнь одного человека, и более продолжительны, чем творческая жизнь исследователя. Зато с социальными процессами соперничают по длительности судьбы научных замыслов. Продолжение исследований, начатых Шубкиным, не прекращалось. Продолжалось время перемен, наблюдение за социальными процессами в образовании выявляло специфику их развития и связь с другими социальными процессами. Это требовало готовности к новому, порой неожиданному; расширения подходов к исследованию, сочетания прежних и иных методов. Видоизменяемое, корректируемое по мере происходящего и в меру понимания его, оно дало возможность проследить последовавшую динамику.

Описание дальнейшего развития проекта неизбежно неполное; в нём приведены основные данные, относящиеся непосредственно к теме статьи, чтобы выявить направление наблюдаемого хода процесса от состояния, в котором его зафиксировали первые анкеты Шубкина, к тому виду, в каком он предстает сегодня.

Во всероссийском исследовании начала 2010-х гг. старшеклассникам было предложено оценить профессии из сходного с сибирским по содержанию перечня, тоже по 10-балльной системе, но по трём критериям: общественная значимость, престижность и прибыльность. По критерию общественной значимости оказались выше других оценены врач (8,8), учёный (8,4) и военный (8,2); средние оценки получили преподаватель вуза (7,9), инженер, конструктор, проектировщик (7,8), юрист (7,3), финансист (7,1), фермер

¹ Шубкин В.Н. Пределы. Новый мир. 1978. № 2. С. 187–217.

(6,8), менеджер (6,2) и дизайнер (6,1). По критерию престижности большинство профессий получили средние оценки: врач, военный и юрист – 7,8; финансист, экономист – 7,7; учёный – 7,5; инженер, конструктор, проектировщик – 7,4; дизайнер, модельер – 7,1; преподаватель вуза – 7; менеджер – 6,5. А по критерию прибыльности лидерами стали юрист (8,1), финансист (8) и военный (8); средние оценки достались инженеру, конструктору, проектировщику (7,7), дизайнеру, модельеру (7,5); но и учёному (7,1), врачу (6,8), менеджеру (6,8), преподавателю вуза (6,6) [Константиновский, Попова, 2016: 11–13].

Старшеклассники тех лет были нацелены на поступление в вузы: не только 65,1% 11-классников, но и 46,5% 9-классников указали, что необходимый для жизненного успеха уровень образования – высшее (немалая часть указали и два высших) [Константиновский, Попова, 2014: 7]. В 2000-х гг. вырос спрос на образование (и его формальные признаки), росла значимость обладания вузовским дипломом для получения более или менее достойной позиции на рынке труда и построения успешной карьеры. Рынок труда посылал сигналы, что обладатели вузовских дипломов имеют преимущества в зарплате и лучше защищены от безработицы, чем работники, имеющие меньший формальный уровень образования [Образование..., 2014: 82, 90]. В результате ориентация молодёжи на сферу образования, в особенности на поступление в вузы, не только восстановилась, но и значительно усилилась [Константиновский, Попова, 2016: 5–19].

То были годы, когда несомненной была массовизация высшего образования. Приём в вузы быстро вырос: например, за десятилетие 1995–2005 гг. более чем вдвое [Образование..., 2014: 360]. Этому способствовало и устранение некоторых административных барьеров; вузы получили возможность (а также оказались вынуждены по финансовым причинам) в большей мере пойти навстречу ожиданиям молодых людей и их родителей. Вместе с тем рынок труда не только увеличил спрос на работников с вузовскими дипломами. Он также дифференцировал этот спрос. Отчасти в национальной экономике сформировался спрос на знания, на квалифицированных специалистов. В то же время сформировался и массовый спрос со стороны работодателей на более или менее социализированных молодых людей, которые могли работать там, где требовались такие навыки, например в разрастающейся сфере обслуживания. Наличие подобных навыков стало рассматриваться как результат пребывания в вузе, свидетельством чему был соответствующий диплом. Так дифференциация спроса породила дифференциацию предложения, это был ответ сферы образования на изменение спроса. Массовизация высшего образования была интенсивной и неоднозначной.

Однако ситуация менялась. Первые признаки перемен сразу же были отмечены и рассмотрены на результатах исследований [Константиновский и др., 2013; Новые смыслы..., 2015: 98–122, 184–209]; наконец, использование государственной статистики и материалов РМЭЗ НИУ ВШЭ позволило вполне представить новую ситуацию [Константиновский, Попова, 2020]. По мере того, как формировалось осознание значимости изменений, стала подтверждаться их устойчивость. Обсуждение происходящего продолжилось [Мальцева, Шабалин, 2021; Малиновский, Шибанова, 2022] и вышло за пределы научных дискуссий.

Что произошло? Численность выпускников школ резко уменьшилась вследствие демографических процессов: многочисленные поколения сменились малочисленными. Вузы стали сокращать прием. К тому же увеличивалась доля платного образования (не только высшего, но среднего общего) при снижении доходов населения. Проводились значительные меры по закрытию «слабых» вузов и филиалов (где, как правило, можно было получить образование либо диплом за меньшую стоимость), зачастую расположенных в регионах и потому более доступных для местной молодёжи, чем столичные. В целом доступность высшего образования, таким образом, неуклонно снижалась.

Между тем среднее профессиональное образование, реорганизуемое и поддерживаемое, активно развивалось, улучшалась его материальная база, приходили более квалифицированные преподаватели и мастера, расширялся круг профессий, по которым проходила подготовка, он становился всё более современным – вплоть до компьютерных

технологий [Астафьев, 2022]. Среднее профессиональное образование становилось привлекательным не только по доступности: оно сулило в перспективе меньшие заработки, чем высшее, зато почти гарантировало гораздо меньшую стоимость обучения, более быстрый выход на рынок труда и прочную занятость. В итоге произошло то, чего раньше нельзя было представить: вектор устремлений молодёжи сменился на противоположный, СПО стало переключать на себя спрос на профессиональное образование. Долгое время считавшееся запасным, не лучшим вариантом образовательной карьеры, едва ли не уделом неудачников, среднее профессиональное образование (главным образом подготовка специалистов среднего звена) сделалось победителем высшего. Стали формироваться иная структура образования, другие модели образовательных и профессиональных карьер молодёжи. Опять возник новый мир.

Наследие Шубкина. Учёный оценивается по тому, какое он оставил наследие в науке, какое он оказал влияние на исследования, продолжают ли его замыслы. В отношении Шубкина сомнений не возникает. Конечно, сегодня, случается, одни забывают, каким было начало, другие полагают, что до них ничего не существовало. Это не имеет значения.

Шубкину удалось редкое: он получил и осмыслил в науке новую, им полученную информацию, и ему же удалось добиться практических результатов своих исследований. В первом – он доказал на эмпирических материалах, в противовес утверждениям пропаганды, что советское общество не свободно от социальных различий [Шубкин, 1970: 189–215; Константиновский, Шубкин, 1977: 96–143]. Во втором – на основании анализа демографического эха войны, по его настоянию, были приняты меры по расширенному приёму молодёжи страны на учёбу и работу [Чередниченко, Шубкин, 1985: 92–109], это был прецедент внедрения в практику результата исследования – мечта социолога. Два таких достижения – достойный итог.

У Шубкина в трудной судьбе исследователя были свои пирамиды желаемого и достигнутого. Он размышлял о достойных целях, ставил себе задачи и сознательно двигался к их решению. Отпущенному ему времени надлежало быть использованным для работы. Действительность могла сдвинуть пунктирную пирамиду к сплошной, но не могла её отменить. В трудное время рубежа 2000-х гг. он занялся страхами и тревогами россиян [Шубкин, Иванова, 2004], это считал самым актуальным. Последний период жизни был, выражаясь деликатным языком исследований, скорректирован тяжёлой болезнью. Шубкин жил жизнью института, своего сектора в Институте социологии РАН.

О личности Шубкина сказано и написано немало. Его влияние на современников – результат работы ума и души над формированием своих отношения к действительности, характера, линии жизни. Он принял участие в разных судьбах – и коллег, и, казалось бы, сторонних людей. И принял самым активным образом, как только может гражданин и учёный, участие в жизни общества. В этом его главный пример для исследователей и не только.

Новая ситуация. Важность последних перемен в социальном поведении молодёжи в образовании и на рынке труда, о которых всего несколько лет назад и помыслить было бы странно, нельзя недооценивать. В них проявился значимый сдвиг в социальных ориентациях, более того – в настроении общества.

Родились и обсуждаются позитивные ожидания: можно предполагать, что три важные взаимозависимые компоненты – рынок труда, устремления молодёжи и профессиональное образование – будут в большей мере соответствовать друг другу: молодёжные ориентации окажутся ближе к потребностям в работниках, а образовательная инфраструктура будет больше ориентирована на удовлетворение нужд национальной экономики. Эти вероятные положительные следствия перемен, безусловно, значимы. Сократятся потери, возникающие и в сфере образования, и на рынке труда, реалистичные запросы молодёжи будут способствовать уменьшению вероятности разочарований, метаний молодых людей, наконец, сокращению категории NEET. Собственно, можно заключить, что происходит сближение пирамид объективных потребностей в кадрах и субъективных

Таблица

Годы	Зафиксированные основные результаты	Ведущие связанные факторы
Начало 1960-х	Привлекательность профессий высокой квалификации, устремлённость молодёжи к получению высшего образования	Достижения науки и техники, высокий престиж науки и образования
1980-е	Уменьшение привлекательности образования, отсев из школ, сокращение приема в вузы	Трудности в экономике, крушение рынка труда, невостребованность специалистов
Середина 1990-х	Восстановление престижа образования, новые лидеры привлекательности профессий, устремлённость молодёжи в вузы	Формирование нового рынка труда, массовизация высшего образования, диверсификация вузов
Начало 2000-х	Увеличение охвата молодежи программами подготовки специалистов среднего звена	Уменьшение доступности вузов (сокращение приёма, закрытие вузов и филиалов, рост платности образования)
2010-е	Переключение потока молодёжи с вузов на СПО	Рост привлекательности подготовки специалистов среднего звена по сравнению с получением высшего образования

(на самом деле субъективных отчасти, так как они обусловлены объективными факторами) устремлений молодёжи; пирамиды, похоже, могут приходить в движение?

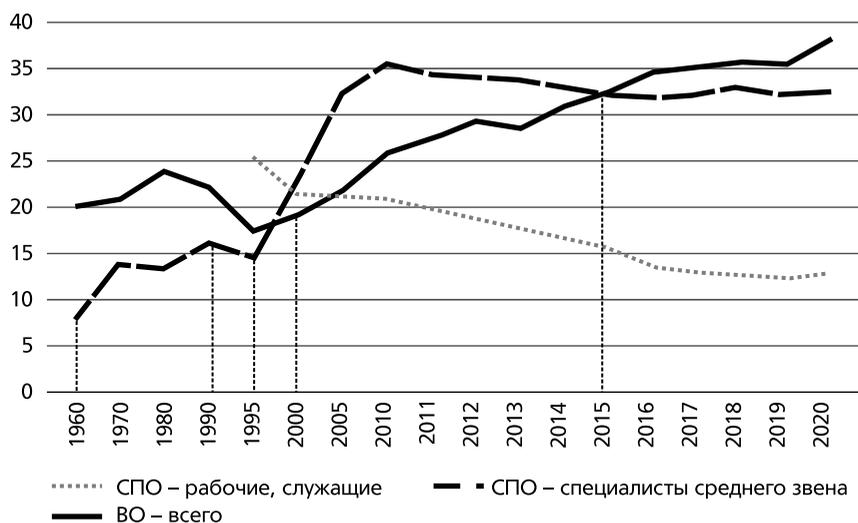
С другой стороны, возможны негативные последствия для человеческого капитала в масштабах страны. Доля граждан, обладающих высшей квалификацией / вузовскими дипломами, – важная часть человеческого капитала, даже если значительное число этих людей имеет не вполне соответствующую диплому квалификацию, а лишь формальные свидетельства о ней, и если работает не по специальности. Значимы не только уровень квалификации, но и полученная в вузе социализация. Уменьшение стремления к высшему образованию, спад вовлеченности в эту сферу таят в себе значительные опасности, поскольку знания людей – основа социального и технологического развития в современном мире, а мотивация к образованию не возникает сама по себе. При этом самореализация при выборе образовательной и профессиональной карьеры не может оборачиваться адаптацией к реальности. Устремления молодёжи – мощная движущая сила, в связке с образованием они должны опережать динамику общества, а не следовать ей. Не следует забывать и о роли высшего образования в социальной мобильности, что особенно важно для выходцев из менее обеспеченных и образованных семей. Словом, круги последствий могут пойти широко, в разные сферы жизни общества, и победа прагматизма, обусловленного состоянием экономики и усиленного прочими обстоятельствами, может оказаться пирровой.

Наиболее существенное из рассмотренного, ещё сильнее обобщая и опуская больше частных (включая существенные), чтобы оставить и выделить то, что представляется самым определяющим, можно отобразить в виде таблицы.

Данные в столбце «Годы» указывают на положение основных результатов и ведущих связанных факторов во времени в общем виде. Они не обозначают в точности момента, когда определённая стадия наблюдаемого процесса начиналась либо заканчивалась, или периода, когда она наблюдалась. Более определённое обозначение времени существования или преобладания той или иной стадии не представляется возможным, потому что стадии накладывались одна на другую; каждая, протекая во времени, начиналась, когда ещё существовала предыдущая, а также, вероятно, начиналась последующая.

Это наглядно показано на рис., представляющем динамику описываемого процесса перемен в привлекательности образования различного уровня. Индикатором привлекательности служит валовый коэффициент охвата² молодёжи программами

² Отношение численности обучающихся по программам профессионального образования к численности населения в соответствующей возрастной группе.

Рис. Валовый коэффициент охвата молодёжи программами профессионального образования, в %

Примечание. Ось у – от 0 до 40%.

Источник: Диаграмма предоставлена Е.С. Поповой. Построено по [Индикаторы образования 2022: 247, 254, 263].

профессионального образования, наиболее близкий к смыслу рассматриваемого понятия. Разумно полагать, что привлекательность того или иного уровня образования для молодёжи лучше всего выражается в определённой активности молодых людей, в их социальном поведении, а именно в предпочтении одного вида образовательных организаций либо другого, а это количественно выражается коэффициентом охвата. На диаграмме видны стадии наблюдаемого процесса, описанные в таблице: отразившаяся в росте охвата высшим образованием устремлённость молодёжи к поступлению в вузы в 1960-е гг.; уменьшение привлекательности образования в 1980-е гг., что сказалось как в отсеивании из школ, так и в сокращении приема в вузы и, соответственно, в уменьшении охвата высшим образованием; восстановление престижа образования и устремлённости молодёжи в вузы в середине 1990-х гг.; рост охвата молодёжи программами подготовки специалистов среднего звена в начале 2000-х гг.; переключение потока молодёжи с вузов на СПО в 2010-е гг., что видно по преобладанию охвата программами подготовки специалистов среднего звена. Здесь же показано, как убывает привлекательность программ подготовки квалифицированных рабочих, что побудило использовать для анализа данные по быстро растущим и таким образом определяющим динамике СПО программам подготовки рабочих и служащих среднего звена.

Является ли это лишь чередой моментальных фотографий, запечатлевших отдельные эпизоды в жизни российского образования в течение шести десятков лет, эпизоды, характер которых был обусловлен обстоятельствами (экономическими, демографическими и другими) и административными решениями? Или это – не событийный хаос, а некий процесс, протекающий в социуме, связанная единством последовательность состояний и развилки, поиска, разрешения проблем, последовательный ход событий, имеющий определённые фазы, стадии? Возможно, это часть большего, более длительного процесса, связанного с другими, также длительными. Возможно, мы выявляем циклы внутри него, чередующиеся циклы, связанные один с другим или с другими циклами, – два

последовательных цикла роста привлекательности высшего образования (и в целом этой сферы) и падения (в первом случае) или, по крайней мере, снижения (во втором).

Демограф увидит в этом периоде движение населения, экономист – распределение финансовых потоков и т.д. Нас интересуют социальные процессы в образовании. Может быть, следует начать анализ с более раннего времени, с 1918 г., когда первые шаги новой власти ответили на порыв молодежи к высшему образованию и каждому предоставлялось право поступления в вуз без предоставления документов об образовании³, включить в анализ советские меры по социальному регулированию социального состава студенчества⁴ и пр. Можно начать с дореволюционных, с петровских времён, где много поучительного [Иванов, 1991]. То и другое обещает расширение возможностей для интерпретации.

Так или иначе, здесь видится ключ к пониманию части сложной социальной динамики. Благодаря тому, что Шубкин однажды сибирской весной начал собирать информацию в школах, распахнулось окно, в которое видно гораздо большее, чем оценки профессий, чем личные планы и их реализация у старшеклассников.

Ответа на вопросы пока нет. Есть подтверждение, что проект, заложенный Шубкиным, имеет прогностическую направленность. Без таких проектов не будет понимания не только текущей ситуации, но и будущего. Шубкин зафиксировал старт, мы осмысливаем направление движения, эволюцию. Сегодня можно строить предположения, ломать копья, но это будут лишь слова. Ответы на вопросы – в будущем развитии событий, в продолжении и развитии исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астафьев Я.У. Профессии выпускников СПО в сфере интернет-услуг // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12. № 4. С. 601–800. DOI: 10.20913/2618-7515-2022-4-19.
- Иванов А.Е. Высшая школа России конца XIX – начала XX в. М.: Академия наук СССР, Институт истории СССР, 1991.
- Индикаторы образования: 2022: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
- Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодёжь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008.
- Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Отношение молодежи к образованию в современной России // Общественные науки и современность. 2016. № 1. С. 5–19.
- Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чердниченко Г.А. Рабочая молодёжь сегодня: образование, профессия, социальное самочувствие // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 2. С. 21–38.
- Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Среднее vs высшее // Мир России. 2020. Т. 29. № 2. С. 6–26. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26.
- Константиновский Д.Л., Шубкин В.Н. Молодежь и образование. Методологические вопросы и опыт социального прогнозирования на материалах социологических исследований в Новосибирской области. М.: Наука, 1977.
- Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Причины и факторы завершения экспансии высшего образования в России // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 3. С. 8–37. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9149.

³ Декрет Совета Народных Комиссаров от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения». Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917–1918 гг. № 57. Ст. 632. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 770.

⁴ Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР. 24 дек. 1958 г. Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, 1 января 1959 г., № 1 (933). Ст. 5. С. 10–22.

Мальцева В.А., Шабалин А.И. Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10–42. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-10-42.

Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, Е.С. Попова, Г.А. Чередниченко. М.: ЦСПиМ, 2015.

Образование в Российской Федерации: 2014. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2014.

Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985.

Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. М.: Юрист, 1997.

Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи и тревоги россиян. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004.

Шубкин В.Н. Социологические опыты (Методологические вопросы социальных исследований). М.: Мысль, 1970.

Шубкин В.Н. Насилие и свобода. Социологические очерки. М.: На Воробьевых, 1996.

Шубкин В.Н. Социология и общество: научное познание и этика науки. Монография. М.: ЦСПиМ, 2010.

Konstantinovskii D.L., Khokhlushkina F.A. The Formation of the Social Behavior of Young People in the Sphere of Education // Russian Education and Society. 2000. Vol. 42. No. 2. P. 26–58.

Статья поступила: 10.02.23. Финальная версия: 10.06.23. Принята к публикации: 14.06.23.

THE WINDOW OPENED BY SHUBKIN: YOUTH IN EDUCATION AND THE LABOR MARKET

D.L. KONSTANTINOVSKIY

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

David L. KONSTANTINOVSKIY, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (scan21@mail.ru).

Abstract. The article discussed the dynamics of the project started by V.N. Shubkin. The first part presents and discusses the results obtained in the 1960–1990s. These data allowed us to draw conclusions about how the social behavior of young people is associated with changes in the economy and education. The following part shows the development of the project at the Institute of Sociology of the FCTAS RAS at the present time. A new situation is discussed, which caused a flow of young people to switch from higher education to secondary vocational education. The results obtained confirmed that the accumulation of information during the development of the project contributed to a deeper interpretation of social processes and opened up opportunities for forecasting. Particular attention is paid to the personality of V.N. Shubkin. It is concluded that the humanistic worldview, gained through hard personal experience, pushed him to innovate in research, raise critical questions and rule out technocratic approach to social problems. It is emphasized that the V.N. Shubkin's contribution to the sociology of education is of exceptional value. He succeeded in laying the foundation for an important area of social research.

Keywords: sociology of education, V.N. Shubkin's project, youth social behavior, education, labor market.

REFERENCES

Astafiev Ya.U. (2022) Professions of graduates of secondary vocational education in the field of Internet services. *Professional'noye obrazovaniye v sovremennom mire* [Professional education in the modern world]. Vol. 12. No. 4: 601–800. DOI: 10.20913/2618-7515-2022-4-19. (In Russ.)

Bondarenko N.V. et al. (2022) *Indicators of Education. Statistical Collection. 2022*. Moscow: NRU HSE. (In Russ.)

Cherednichenko G.A., Shubkin V.N. (1985) *Youth enters life (sociological studies of the problems of choosing a profession and employment)*. Moscow: Misl'. (In Russ.)

Education in the Russian Federation: 2014. Statistical compendium (2014). Moscow: NRU HSE. (In Russ.)

- Ivanov A.E. (1991) *Higher school of Russia in the late XIX – early XX century*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of History of the USSR. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L. (1999) *Dynamics of inequality. Russian youth in a changing society: orientations and paths in the field of education (from the 1960s to the 2000s)*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L. (2008) *Inequality and education. The experience of sociological studies of the life starts of Russian youth (1960s – early 2000s)*. Moscow: TsSP. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L., Popova E.S. (2016) The attitude of youth to education in modern Russia. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. [Social sciences and modernity]. No. 1: 5–19. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L. et al. (2013) Working youth today: education, profession, social well-being. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice]. No. 2: 21–38. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L. et al. (2015) *New meanings in the educational strategies of youth: 50 years of research*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L., Popova E.S. (2020) Vocational vs Higher Education. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. V. 29. No. 2: 6–26. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L., Shubkin V.N. (1977) *Youth and education. Methodological issues and experience of social forecasting based on the materials of sociological surveys in the Novosibirsk region*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Malinovsky S.S., Shibanova E.Yu. (2022) Causes and factors of completion of the expansion of higher education in Russia. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. Vol. 28. No. 3: 8–37. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.3.9149. (In Russ.)
- Maltseva V.A., Shabalin A.I. (2021) A Non-Circumvention Maneuver, or the Boom in Demand for Secondary Vocational Education in Russia. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Issues]. No. 2: 10–42. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-2-10-42. (In Russ.)
- Sheregi F.E., Kharcheva V.G., Serikov V.V. (1997) *Sociology of Education: Applied Aspect*. Moscow: Lawyer. (In Russ.)
- Shubkin V.N. (1970) *Sociological experiments (Methodological issues of social research)*. Moscow, Misl'. (In Russ.)
- Shubkin V.N. (1996) *Violence and freedom. Sociological essays*. Moscow: On the Vorobyovs. (In Russ.)
- Shubkin V.N. (2010) *Sociology and society: scientific knowledge and ethics of science*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Shubkin V.N., Ivanova V.A. (2004) *The fears and anxieties of the Russians*. St. Petersburg: Publishing House of the RKhGl. (In Russ.)
- Konstantinovskii D.L., Khokhlushkina F.A. (2000) The Formation of the Social Behavior of Young People in the Sphere of Education. *Russian Education and Society*. Vol. 42. No. 2: 26–58.

Received: 10.02.23. Final version: 10.06.23. Accepted: 14.06.23.

Я.У. АСТАФЬЕВ

В.Н. ШУБКИН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАТАСТРОФИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

АСТАФЬЕВ Янис Улдисович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (ayanis@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается последний исследовательский проект В.Н. Шубкина – изучение катастрофического сознания (прежде всего, в постсоциалистических странах). Это – крупное международное исследование, инициированное социологом В.Э. Шляпентохом, российскую часть которого организовал В.Н. Шубкин. Излагаются его взгляды на исторические предпосылки катастрофизма в России. Приводятся обобщенные результаты его социологических исследований страхов и тревог в России рубежа 1990–2000-х гг., а также данные сравнительных эмпирических исследований в других странах (Литва, Болгария, Украина), проведенных по методике Шубкина. Отмечается высокий вклад ученого в теоретическое и эмпирическое изучение страхов и тревог как факторов социального самочувствия общества, которое свидетельствует о его способности решать постоянно возникающие проблемы, сохранять и улучшать свое положение среди других сообществ, либо о его неспособности решать эти проблемы.

Ключевые слова: В.Н. Шубкин • катастрофическое сознание • сравнительные межстрановые исследования • страхи • тревоги

DOI: 10.31857/S013216250027364-3

В.Н. Шубкин известен прежде всего как исследователь процессов перехода молодежи от образования к труду, трудоустройства и выбора профессии, соотношения надежд молодежи и потребностей рынка труда. На этом фоне сравнительно скромно выглядит другая область его интересов и социологических штудий – катастрофическое сознание. Она появилась в связи с его старинным другом – Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом (1926–2015), с которым он был знаком еще по Новосибирскому Академгородку, до того как Шляпентох эмигрировал в 1970-е в США.

Следует подчеркнуть, что В.Н. Шубкина всегда интересовал широкий круг вопросов, связанных с воспроизводством социального порядка. В этом плане разнообразные реальные и воображаемые страхи и тревоги, которые явно или подсознательно переживает, испытывает человек, выступают в социологической перспективе как важные мобилизационные (мотивирующие) либо демобилизационные (демотивирующие) факторы его поведения. Они играют роль механизмов оценки определенных событий и планов социального взаимодействия, способов противостоять опасностям или, наоборот, скрываться от них, «прятать голову в песок».

Произошедшие на рубеже 1980–1990-х гг. на территории постсоветского пространства изменения породили совершенно новую структуру социальных взаимоотношений. Если в дореформенное время «человек советский» был хорошо знаком с основными аспектами устройства социального порядка и уверен в его стабильности, то в переходный период его представления о мире сначала зашатались, а затем рухнули. Им на смену пришли другие механизмы как стабилизации повседневного непосредственного опыта, так и понимания и оценки событий, происходящих за пределами его «жизненного мира». Последние доставлялись и предоставлялись ему средствами массовой коммуникации, общением с авторитетными поставщиками мнений, реже – непосредственным наблюдением. Результатом явилось бурное развитие всевозможных переживаний в отношении явных

или мнимых опасностей и ожиданий наступления соответствующих последствий. Это естественным образом вылилось в специфическую структуру катастрофического сознания, присущего «пореформенному советскому человеку».

Именно изучению разнообразных страхов (прежде всего на постсоветском пространстве), а также их сравнительному исследованию был посвящен международный проект «Катастрофическое сознание в современном мире», инициированный в 1990-е гг. профессором американского Университета штата Мичиган (Michigan State University) В.Э. Шляпентохом. В рамках проекта предполагалось проанализировать сами понятия страхов и катастрофизма применительно к массовому сознанию, сопоставить структуры страхов в различных регионах России, а также в странах, которые присоединятся к проекту.

Основным направлением у американских социологов являлось изучение теоретических аспектов катастрофического сознания. В российском же Институте социологии РАН, напротив, главный упор был сделан на разработке методики, проведении эмпирических исследований, анализе и интерпретации их результатов. С этой целью в институте был создан Центр международных исследований проблем катастрофического сознания (далее – Центр), директором которого стал В.Н. Шубкин.

Изучение страхов было начато в России и в США в 1995 г.; позднее к проекту присоединились литовские, украинские и болгарские специалисты. В России эмпирические исследования проводились трижды силами сотрудников Центра – в 1996, 1999 и 2003 гг. (причем в последнем году по несколько измененной методике). В 1997 г. Центром изучения рынка и общественного мнения «Vilmorus Ltd.» (г. Вильнюс, Литва) были опрошены респонденты по той же методике. В том же 1997 г. по несколько измененной анкете, адаптированной к местным особенностям, проводились массовые полевые исследования в Болгарии под руководством президента Болгарской социологической ассоциации П.Э. Митева. В 1998 г. к этому международному проекту подключились и украинские социологи под руководством директора Киевского международного института социологии В.И. Паниотто.

Результатом явился огромный массив информации, включавший теоретические и эмпирические данные, проанализированные в ряде статей и монографий. Остановимся на тех научных работах, автором (или соавтором) которых был Владимир Шубкин.

Исторические предпосылки катастрофизма в России. В самом начале 2000-х гг. Центром под руководством В.Н. Шубкина была подготовлена коллективная монография «Страхи и тревоги россиян» [Шубкин, Иванова, 2004], где были подытожены результаты исследований катастрофического сознания на постсоветском пространстве. Описанию и анализу эмпирических данных российских исследований 1996 и 1999 гг., а также их сравнению с литовскими и украинскими данными Шубкин предварил большой теоретический материал. В нем ученый сосредоточился на исторических предпосылках воспроизводства страхов и тревог в России.

Исходя из исторической канвы сосуществования русского народа и российской государственности, автор указывал, что «в ходе тысячелетней истории России происходил, с одной стороны, процесс развертывания страхов: новые конкретно-исторические условия порождают новые формы опасения и тревог. С другой стороны, все более обнаруживается, что существует группа сквозных типов страха, которые практически сохраняют свою силу и влияние на протяжении всей истории» [там же: 28]. Исследователь отметил живучесть страхов второго типа, которые могут столетиями сохраняться в подсознании народа и неожиданно выплескиваться, становясь важнейшим фактором поведения людей. К числу таких страхов Шубкин отнес как природные/биологические факторы (например, опасения неурожая), так и социальные – в первую очередь воспроизводящийся из поколения в поколение страх перед иноземным нашествием.

Большое значение Шубкин также уделил личности правителей, стоявших в разное время у руля власти в нашей стране, и тому, насколько «шизофренические тревоги» некоторых из них сказывались на подданных. Возникавшее при этом отчуждение элиты от «нижних этажей» порождало у простых людей ощущение полного произвола и беззакония.

В некоторые эпохи этот тип страха становился доминантой поведения населения России. Ключевыми фигурами в этом плане В.Н. Шубкин полагал Ивана Грозного и Петра I.

Советский период отечественной истории породил, утверждал автор, не менее, если не более, существенные страхи. «Население испытало на себе за эти годы полный набор всех мыслимых и немыслимых ужасов и способов насилия. Здесь катастрофическое сознание – постоянное состояние миллионов и миллионов людей. И, пожалуй, наиболее точное определение нашей страны в этот период – империя страха» [там же: 43]. Послевоенный период породил новые формы катастрофического сознания: страх перед третьей мировой войной, ядерной бомбой, самоуничтожением человечества.

Вместе с перестройкой и прекращением холодной войны эти угрозы если не исчезли вовсе, то страх перед ними существенно снизился. Вместе с тем, отмечал В.Н. Шубкин, как порождение гласности и возможности обсуждать любые запретные темы и скрываемые прежде факты возникли новые страхи – боязнь экологических катастроф, химического заражения воды и почвы, а также роста преступности и общей криминализации страны. Последнее в особенности стало беспокоить россиян на фоне резкого увеличения дифференциации доходов. Ученый отмечал, что данное обстоятельство существенно повлияло на восприятие населением перестройки и происходивших в 1990-е реформ. По данным социологических мониторингов, писал Шубкин, если отношения к переменам и надежды на будущее до конца 1993 г. улучшались, то потом они резко ухудшились [Шубкин, Иванова, 2004: 56].

Следует подчеркнуть, что суждения и выводы автора следует соотносить с реалиями времени, когда готовилась монография. В то же время они отнюдь не поверхностны, поскольку опирались как на исследования отечественных и зарубежных обществоведов, так и на эмпирические данные проекта.

Эмпирическое исследование страхов и тревог россиян в 1996 г. Как уже говорилось, первое массовое исследование катастрофического сознания было проведено в России в 1996 г. под руководством В.Н. Шубкина. Объем выборки составил 1350 человек. Вся территория страны в соответствии с программой исследования была разделена на пять метарегионов: Центр (Москва и С.-Петербург); Север и Северо-Запад; Юг и Юго-Запад; Поволжье и Урал; Сибирь и Дальний Восток. Выборка также была соотнесена со статистически достоверной половозрастной структурой и образовательным уровнем населения регионов, а также с национальным составом, основными занятиями респондентов, их отраслевой занятостью, среднемесячным доходом [Шляпентох и др., 1999: 122–123].

Важным результатом эмпирического исследования оказалась дифференциация уровня катастрофического сознания по гендерному признаку: в наибольшей степени страхам были подвержены представительницы женского пола. Их ответы демонстрировали почти двойное превышение уровня страхов у мужчин.

Наибольшее количество тревог и страхов в ответах исследования 1996 г. оказалось связано с химическим и радиационным заражением воды, воздуха и продуктов. На втором месте присутствовало снижение жизненного уровня, обнищание общества. Также достаточно высоко люди опасались беззакония и криминализации общества. Замыкали пятерку самых распространенных страхов массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний [Шляпентох и др., 1999: 127–128].

Специальная группа вопросов, указывал В.Н. Шубкин, была посвящена изучению готовности в той или иной степени предотвратить грозящую катастрофу или смягчить ее последствия. Анализ показал, что больше половины отвечавших планировали ограничиться лишь обсуждением своих страхов с родными и близкими, около трети же отвечали, что все бесполезно и ничего сделать нельзя. Тем не менее в случае, если какая-либо катастрофа произойдет, более 40% респондентов выразили намерение что-либо предпринять. Остальные же были убеждены, что от их действий ничего не зависит [Шляпентох и др., 1999: 130].

Важные особенности выяснились при изучении географии страхов. Как и следовало ожидать, самый большой уровень катастрофизма в конце 1990-х был характерен для респондентов, проживающих в регионе Юга и Юго-Запада – в регионах с высокой тогда межэтнической напряженностью (включая граничащие с самопровозглашенной Чеченской Республикой Ичкерия, где с 1994 г. шли военные действия). Он превышал уровень катастрофизма самого «спокойного» в данном отношении региона Севера и Северо-Запада более чем в два раза. Из 43-х вовлеченных в анализ угроз и опасностей регион Юга и Юго-Запада по 31-му дал максимальный для всех регионов России процент респондентов, переживавших сильную тревогу и постоянный страх, на второе место после химического и радиационного заражения вышли опасения полного беззакония.

На втором месте среди регионов России по распространенности страхов находились тогда Поволжье и Урал, на третьем – Центр, который лидировал лишь по восьми видам угроз и опасностей. Жители Поволжья и Урала больше других регионов опасались лишь одного – наступления конца света (напомним, что накануне 2000 г. во всем мире были популярны апокалипсические высказывания о «конце времен»). Для живущих в столичных мегаполисах главными страхами являлись приход к власти радикальных коммунистов, преобладание мигрантов и сокращение рождаемости. Сибирь и Дальний Восток опережали другие регионы по опасениям перед истощением природных ресурсов, ядерной войной и кризисом семейных ценностей. Лишь ответы представителей Севера и Северо-Запада показали, что здесь нет ни одной опасности или угрозы, которой респонденты страшались бы больше, чем в других регионах.

Таким образом, подчеркивал В.Н. Шубкин, эпицентром страхов и тревог в России в 1996 г. выступал географический Юг и Юго-Запад – традиционно богатейшие территории нашей страны. «Нужны были какие-то чрезвычайные обстоятельства, чтобы привести население... в состояние паники» [Шубкин, Иванова, 1999: 64]. Видимо, заключал автор, в этом сказались близость этих регионов к Кавказу, который на тот момент был средоточием этнических конфликтов и войн, что неизбежно порождает высокую интенсивность тревог, страхов, катастрофического сознания [Шляпентох и др., 1999: 141].

Главной неожиданностью первого российского исследования 1996 г. стали данные, что наибольшую тревогу и страх вызывает возможность экологических катастроф. Следом за ней шли ожидаемые опасения социального характера: снижения жизненного уровня, обнищания населения, полного беззакония, криминализации общества, распространения массовых эпидемий и массовой безработицы.

Страхи на посткоммунистическом пространстве. С самого начала проект изучения катастрофического сознания предполагался как международный.

Когда первые работы по нему были в 1995 г. начаты одновременно в России и США, американские участники под руководством В.Э. Шляпентоха сосредоточились преимущественно на теоретических аспектах катастрофизма. Однако параллельно с этим в 1996 г. в Нью-Йорке и Бостоне производились опросы среди недавних иммигрантов из СНГ. Поскольку выборка была нерепрезентативной, это не позволило в дальнейшем полностью сопоставить российские и американские данные. Впрочем, некоторые ориентировочные выводы все же удалось сделать [Шубкин, 1997: 69]. Бросается в глаза, указывал В.Н. Шубкин, что россияне безусловно превосходят иммигрантов своими тревогами и страхами практически по всем позициям. Из всего перечня опасений иммигранты лидируют лишь по четырем показателям – геноцид, ислам, неонацизм и коммунизм. Их страхи в основном связаны с бедствиями, порождаемыми «враждебными силами», где у россиян, напротив, оказались в исследовании 1996 г. самые низкие показатели, особенно по сравнению со страхами перед социально-экономическими потрясениями и экологическими катастрофами [Шубкин, 1997: 71].

В 1997 г. по методике, несколько измененной по сравнению с российской, было проведено исследование катастрофического сознания в Литве. Эта постсоветская страна была выбрана потому, что переживала на тот момент несколько иные проблемы,

связанные с переходом от советской к европейской модели построения экономики и общества, что предоставляло весьма интересные возможности для сравнения. Объем представительной выборки в Литве составил 1017 респондентов.

Исследование выявило доминирование у литовцев страхов прежде всего социального характера. На первое место в числе наиболее сильных тревог в Литве вышли опасения массовых эпидемий, распространения СПИДа и других смертельных заболеваний. Эти явления отметили более половины интервьюируемых. Меньший уровень опасений вызвали массовая безработица, снижение жизненного уровня и обнищание населения. Таким образом, с точки зрения литовских респондентов, эпидемиологическая угроза представлялась большей, нежели экономический кризис. В этом, как отмечали В.Н. Шубкин и В.А. Иванова, сказалось влияние процесса встраивания Литвы в мир глобальной экономики и возрастающих связей между государствами и континентами, когда никто не может быть застрахован от того, чтобы завтра не оказаться в эпидемиологической ситуации [Шубкин, Иванова, 2004: 156].

При сравнении массовых форм страха в Литве и России исследователям бросилось в глаза, что их интенсивность в балтийской стране оказалась куда ниже, чем в нашей. По основным показателям она была схожа с той, что демонстрировали американские респонденты. Единственная опасность, которой литовцы страшились больше, нежели россияне, – это преобладание мигрантов, не желающих или не способных усвоить национальные культуру, язык и образ жизни. По мнению исследователей, источником этого феномена явился исторически усвоенный жителями Литвы экзистенциальный страх перед воображаемой угрозой гибели национальной общности в результате лишения ее государственной самостоятельности вследствие поглощения более мощным агрессивным соседом, который был с 1991 г. перенесен на Россию [там же: 161]. Выявилась также достаточно высокая степень самоорганизации литовского общества для противостояния опасностям. При возникновении таковых половина респондентов планировала предпринять определенные контрдействия.

Украинскими коллегами-социологами эмпирические исследования катастрофического сознания проводились в 1998 г. по российской методике. Объем выборки составил 450 респондентов. При анализе основных страхов и тревог, присущих украинцам, четко просматривалась их близость российским показателям, но имелись и отличия.

Прежде всего, у жителей Украины выявился куда больший уровень тревожности, нежели у россиян. Ситуация в этой стране, отмечали В.Н. Шубкин и В.А. Иванова, граничила с паникой [там же: 165]. Наиболее сильную тревогу и постоянный страх у украинских респондентов вызывала в конце 1990-х перспектива снижения жизненного уровня, обнищания населения. При этом возможность химического и радиационного заражения вышла лишь на второе место среди всех страхов, хотя память о чернобыльской катастрофе 1986 г. была еще свежа. Далее шли опасения наступления полного беззакония, массовой безработицы, распространения СПИДа и других смертельных болезней. Что характерно, украинцев четверть века назад сильно волновала проблема катастрофического неурожая. По частоте упоминания бедствия, которого бы интервьюируемый опасался больше всего, оно находилось у украинцев на шестом месте, в то время как в ответах российских респондентов оно вообще не звучало [Шубкин, Иванова, 1999: 161].

Исследователи также отмечали, что чрезвычайно высокая интенсивность страха на Украине сочеталась с крайне низким уровнем способности населения к самоорганизации для противостояния вероятной опасности. На вопрос, какие меры респонденты намерены предпринять в борьбе с безработицей, преступностью и экологическими катастрофами, процент ответивших «Не знаю» и «Это меня не касается» был среди украинцев выше, чем среди россиян [там же: 162].

В 1997 г. в рамках международного проекта «Катастрофическое сознание в современном мире» Болгарская социологическая ассоциация под руководством П.Е. Митева тоже провела ряд социологических исследований (стандартизированные интервью,

контент-анализ прессы и т.д.), включая репрезентативный опрос с объемом выборки в 1040 человек. При этом некоторые вопросы шубкинской анкеты были изменены, а сама анкета дополнена вопросами, которые касались опасений по поводу этнических, религиозных и межнациональных конфликтов как в самой Болгарии, так и на Балканах в целом.

В целом для болгарских респондентов оказалась характерна высокая степень неуверенности в будущем, сравнимая с той, что высказывали российские респонденты в исследовании 1996 г. Также выяснилось, что жители Болгарии опасаются в первую очередь социально-экономических бедствий – снижения жизненного уровня и обнищания, криминализации общества, наступления полного беззакония, коррупции властных структур, массовой безработицы. По уровню опасения этих катастрофических событий болгары оказались сходны с россиянами [Шляпентох и др., 1999: 240].

Отличия проявились в намерениях респондентов противостоять различным опасностям. В этом плане болгары оказались сопоставимы скорее с литовцами, чем с россиянами. В случае наступления катастрофических событий около половины интервьюируемых в Болгарии были намерены предпринять какие-либо активные действия. Оказалось, что катастрофы, ставящие народ на грань выживания, стимулируют в Болгарии своеобразный микроколлективизм: «Сплачиваются семьи для коллективного выживания, улучшаются отношения между родителями и детьми, то есть на этом уровне происходит своеобразное объединение людей» [Шляпентох и др., 1999: 304].

Смена лидеров факторов страха в исследовании 1999 года. Результаты исследования 1996 г. показали, насколько изучение страхов позволяет судить о «состоянии умов» населения страны. Полученные данные, однако, представляли собой хотя и многогранный, но одномоментный срез катастрофического сознания, не позволяя судить о его динамике [Шубкин, Иванова, 2001: 349]. Поэтому было принято решение о проведении повторных исследований, и в 1999 г. по той же анкете и сопоставимой выборке в России провели анкетирование 1007 респондентов.

Результаты показали, что за несколько лет уверенность россиян в своем будущем снизилась и, напротив, возросла неуверенность. Кроме того, в 1999 г., как и следовало ожидать после тяжелого кризиса 1998 г., появился новый лидер причин страха – обнищание. Следующие четыре позиции рейтинга выглядели так: массовая безработица, полное беззаконие, криминализация общества, коррупция властных структур. Итак, теперь среди основных причин страха стали доминировать социально-патологические, связанные с общим ощущением бесправия, что явилось косвенным свидетельством аномии, прогрессирующей в российском обществе к концу 1990-х [Шубкин, Иванова, 2004: 67–69].

Интересным результатом исследования также стало гендерное выравнивание уровней катастрофизма. Если в опросах 1996 г. российские женщины демонстрировали почти вдвое больший уровень катастрофического сознания, нежели мужчины (соответственно 86 и 47%), то спустя три года в среднем тревожность женщин снизилась (до 78%), а мужчин возросла (до 59%). Также равно значимыми в 1999 г. для обоих гендеров стали социальные проблемы – обнищание, безработица, криминализация общества, беззаконие и коррупция. Значительные различия полов наблюдались лишь в оценке угрозы войны и утраты традиций, которыми женщины были обеспокоены в два раза больше, нежели мужчины.

Эмпирические данные 1999 г. также показали, что региональные различия продолжают сказываться на уровне тревожности населения. В то же время отчетливо проявила себя урбанизационная переменная: у респондентов, проживавших в крупных городах, уровень катастрофизма оказался в целом вдвое меньше, нежели у жителей райцентров, небольших городов и сел [там же: 73].

Как и в исследованиях 1996 г., респондентам задавали вопросы об их действиях в случае опасности наступления катастрофического события. Результаты показали снижение социальной активности населения: доля тех, кто намерен был предпринять какие-либо меры, чтобы предотвратить либо ослабить опасность, за 1996–1999 гг. снизилась с 2/5 до 1/3. Соответственно увеличилась доля полагающих, что от их действий ничего не

зависит. В то же время опасности бытового уровня, которые могут затрагивать человека лично, его семью и близкое окружение, в 1999 г., как и три года назад, готовы были предотвратить 2/3 респондентов. В этом плане уровень солидарности в малых группах остался неизменным [там же: 84–87].

В исследовании 1999 г. также задавались вопросы о тяжелейших периодах в отечественной истории как до революции 1917 г., так и после. Что касается дореволюционного периода, здесь результаты сравнительно с опросом 1996 г. не поменялись: почти треть респондентов самой крупной катастрофой называла Первую мировую войну, 1/5 – Отечественную войну 1812 г. Зато изменился рейтинг послереволюционных катастрофических событий. Как и три года назад, треть отвечавших ставила на первое место Великую Отечественную войну. Но в исследовании 1999 г. выявилось изменение отношения респондентов к перестройке и реформам 1990-х гг. За три года почти вдвое увеличилась доля тех, кто считал этот период одним из самых тяжелых в отечественной истории, так что он вышел в рейтинге на второе место. Напротив, значение сталинских репрессий как катастрофического события уменьшилось. Совсем ушли из списка тяжелейших периодов нашей истории коллективизация и голод в 1920–1930-е гг., но в нем появились войны в Чечне в 1990-е и в Афганистане в 1980-е.

В целом полученные в 1999 г. результаты авторы исследования интерпретировали тогда так, что произошло снижение способности населения к самоорганизации для противостояния опасностям: каждый теперь «стремится решить насущные проблемы в одиночку или объединившись с родственниками» [там же: 91].

Последнее исследование Владимира Шубкина. В 2003 г. в рамках уже другого исследовательского проекта – «Дезинтеграция российского общества и перспективы движения к солидаризации» под руководством В.Н. Шубкина – Фондом «Общественное мнение» был проведен общероссийский опрос населения по репрезентативной выборке в 100 населенных пунктах 44 республик всех экономико-географических зон России [Иванова, Шубкин, 2005]. Размер выборки составил 1500 респондентов; дополнительно был произведен опрос населения Москвы (объем выборки – 600 респондентов, 100 из которых вошли и в общероссийскую выборку). Кроме того, в рамках этого проекта состоялись четыре дискуссионные фокус-группы в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже и Новосибирске. Респондентам снова было предложено выразить свое отношение к опасностям, которые тревожат их в настоящий момент, назвать проблемы в жизни российского общества, с которыми оно способно или не способно справиться. Задавались вопросы и о причинах тревог, о том, как намерен вести себя человек, если его опасения сбудутся.

По результатам массового опроса было выявлено три ведущие группы страхов, которые в 2003 г., уже при новом политическом режиме, присутствовали в сознании россиян. Список наиболее тревожных явлений действительности возглавили различные проявления социальной девиации в обществе: наркомания, преступность, бандитизм, терроризм, коррупция и ситуация в Чечне. Вторая группа угроз оказалась связана с проблемами социальной и экономической адаптации: низкий уровень жизни, безработица, инфляция, экономический кризис, экономический упадок. Третья группа – природные и военные катаклизмы как масштабные проблемы, не поддающиеся контролю со стороны не только отдельного человека, но даже часто и государства.

Если сравнить с результатами предыдущего эмпирического исследования 1999 г., оказалось, что со сменой режима принципиально катастрофическое сознание наших сограждан не изменилось: основные страхи все так же связывались с усугублявшимися социальными проблемами. В.Н. Шубкин и В.А. Иванова интерпретировали это явление так: пессимистическое видение социальной реальности служит для многих социальных слоев психологическим защитным механизмом адаптации к своему неудовлетворительному положению в изменившихся социальных условиях, поскольку при этом ответственность целиком перекладывается на внешние обстоятельства, в частности на власть, не контролирующую ситуацию [там же: 25]. Отмечалось, что мотив убежденности в необходимости

патерналистской опеки граждан со стороны государства прослеживается во многих опросах. Постоянно звучит, что власть обязана не только защищать граждан, но и создавать им благоприятные социальные и экономические условия, укреплять их благосостояние.

Осуществленные в 2003 г. под руководством В.Н. Шубкина опросы показали, что подавляющее большинство отечественных респондентов, испытывавших различные страхи, не видели никакой причины или возможности лично делать что-нибудь, чтобы предотвратить опасности, грозящие обществу в целом. Хотя многие из опрошенных заявляли о своей готовности делать что-нибудь, чтобы защитить свою семью, лишь малая часть декларировала намерение проявить какую-либо активность, чтобы отвести опасности от страны в целом.

При подведении итогов проведенного в 2003 г. исследования констатировалось, что анализ проблемы страхов россиян позволяет говорить о существовавшей на тот момент глубокой дезинтеграции российского общества. Практически ни одна из проблем не воспринималась большей частью населения как общая, требующая сочувствия и мобилизации усилий всех россиян.

Проект «Катастрофическое сознание в современном мире» стал, к большому сожалению, последним крупным исследованием, проведенным Владимиром Николаевичем Шубкиным, поскольку в последние годы жизни он тяжело болел. Заслуживает глубокого сожаления, что мониторинг катастрофического сознания россиян оказался прерван, поскольку изучение страхов позволяет определить социальное самочувствие общества. Подобное самочувствие «свидетельствует о состоянии способности общества, конкретного сообщества, группы решать постоянно возникающие проблемы, сохранять, улучшать свое положение среди других сообществ, либо его неспособности решать эти проблемы, и соответственно деградировать» [Катастрофическое сознание..., 1999: 309]. Многие современные острые социальные проблемы, включая военный конфликт с Украиной и сложные отношения со странами Балтии, имеют истоки именно в проанализированных В.Н. Шубкиным и его коллегами страхах 20–25-летней давности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванова В.А., Шубкин В.Н. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 22–27.
- Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века / Под ред. В.Э. Шляпентоха и др. М.: ИС РАН, 1999.
- Шубкин В.Н. Страхи в России // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 62–76.
- Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи и тревоги россиян. СПб.: РХГИ, 2004.
- Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи, тревоги, способность противостоять им // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 348–358.
- Шубкин В.Н., Иванова В.А. Структура страхов и тревог в России и на Украине // Мир России. 1999. Т. VIII. № 1–2. С. 151–166.

Статья поступила: 27.04.23. Финальная версия: 04.07.23. Принята к публикации: 05.07.23.

VLADIMIR SHUBKIN AS RESEARCHER OF CATASTROPHIC CONSCIOUSNESS

ASTAFYEV Y.U.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia**Yanis U. ASTAFYEV, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (ayanis@mail.ru).*

Abstract. On the centenary of outstanding Soviet and Russian sociologist Vladimir Shubkin, his latest research project is discussed, – the study of catastrophic consciousness. The project initiated by professor at East Lansing University (University of Michigan, USA) Vladimir Shlapentokh had pursued following objectives: to analyze the concepts of fears and catastrophism in relation to mass consciousness, to compare structures of fears in different regions of Russia, as well as in the countries that had intended at this time to join the project. A variety of real and imaginary fears and concerns that a person experiences explicitly or subconsciously were found to act in a sociological perspective as important mobilizing (motivating)/demobilizing (demotivating) factors of behavior, playing the role of mechanisms to evaluate certain events and plans of social interaction, ways to resist dangers or, conversely, escape them. The Center for International Studies of the Problems of Catastrophic Consciousness under the leadership of Shubkin was created specifically for the project at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. The article presents Shubkin's views on historical prerequisites for the reproduction of catastrophic consciousness in Russia, as well as generalized results of sociological studies of fears and concerns in Russia conducted in 1996, 1999 and 2003 under the leadership of Shubkin, data of comparative empirical studies in the USA, Lithuania, Ukraine and Bulgaria carried out using methodology and questionnaire developed by V. Shubkin. The contribution of the scholar to theoretical and empirical study of fears and concerns as factors of social well-being of society is noted. This well-being indicates ability of a society, a particular community, a group to solve constantly emerging problems, to maintain and improve its position among other communities, or its inability to solve these problems.

Keywords: Vladimir Shubkin, catastrophic consciousness, fears, concerns.

REFERENCES

- Ivanova V., Shubkin V. (2005) Mass concern of Russians as an obstacle to the integration of society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 22–27. (In Russ.)
- Shlapentokh V. (eds) (1999) *Catastrophic consciousness in the modern world at the end of the twentieth century*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Shubkin V. (1997) Fears in Russia. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3: 62–76. (In Russ.)
- Shubkin V., Ivanova V. (1999) The structure of fears and concerns in Russia and Ukraine. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. VIII. No. 1–2: 151–166. (In Russ.)
- Shubkin V., Ivanova V. (2001) Fears, concerns, an ability to withstand them. In: Yadov V.A. (ed.) *Russia: A Transforming Society*. Moscow: CANON-press-C: 348–358. (In Russ.)
- Shubkin V., Ivanova V. (2004) *Fears and concerns of Russians*. Moscow: RKhGI. (In Russ.)

Received: 27.04.23. Final version: 04.07.23. Accepted: 05.07.23.

ЛОВУШКА МОТИВАЦИИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

КАРАЧАРОВСКИЙ Владимир Владимирович – кандидат экономических наук, доцент факультета экономических наук, заведующий лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ (vvk@hse.ru); ГУРУЛЕВА Мария Николаевна – стажер-исследователь той же лаборатории (mngguruleva@edu.hse.ru). Оба – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена оценке феномена «ловушки» экономической мотивации, индивидуальной неготовности работников к повышению производительности труда при условии повышения заработной платы. Внимание фокусируется на существовании слоя работников (порядка 51,3%), которые не готовы работать с большими усилиями, даже в обмен на вознаграждение, размер которого соответствовал бы их субъективной оценке стоимости дополнительных усилий. Выявлены два основных мотива такого выбора работников: (1) альтернативные жизненные приоритеты, (2) критический уровень нагрузок на работе. Показано, что устранение имеющейся несправедливости в оплате труда (несправедливость декларируют 63,8% работников) в среднем повышает вероятность готовности к более производительному труду на 19–20 п.п. При этом индивидуальная готовность работать с большими усилиями неэластична по отношению к размеру запроса на повышение заработной платы, возвращающей её к справедливому уровню (рост запроса в два раза увеличивает готовность работать больше/лучше менее чем на 10 п.п.). Вероятность повышения производительности труда максимизируется у работников в возрасте 36–38 лет. Социальной базой повышения производительности труда являются представители реформенного поколения и поколения миллениалов, индивиды с рабочим происхождением, прошедшие первичную социализацию в крупных городах; рабочие промышленности, профессионалы, представляющие сферу услуг и государственный сектор, а также работники села.

Ключевые слова: производительность труда • заработная плата • рынок труда • теории справедливости • теория поколений

DOI: 10.31857/S013216250027365-4

Почему не всякое равновесие на рынке труда является продуктивным. Приближение к потенциальной производительности труда всегда было одной из ключевых задач любой экономической системы. При ее решении каждый раз рассматривались две стороны – экономическая (материальное и нематериальное стимулирование) и социальная, связанная с поиском «социальной базы» или «объекта» воздействия с наибольшим потенциалом ответных продуктивных изменений. В современной России, как мы покажем далее, проблема поиска резервов производительности труда сопряжена с феноменом низкой эластичности индивидуальной готовности к работе с большими усилиями по размеру вознаграждения за труд. Насколько выражено это явление среди российских работников, какова социальная база и инструменты, позволяющие его преодолеть?

В рамках поиска в этом направлении поднимаются вопросы классификации профессий, позволяющей провести «тонкую настройку» инструментов управления трудовыми усилиями [Тощенко, 2022а: 67, 73], оцениваются границы производительности труда в связи с проблемами «профессионального альтруизма», «профессионального выгорания», «размывания идентичности профессиональных групп» и др. [Попова, 2020: 62–63]. Ставится проблема «аномалий» профессионализма, связанных с несоответствием номинального (по образованию) и фактического (по характеру выполняемых задач) статуса профессионала на рынке труда [Латов, 2022: 150]. Интересно, что такие искажения, во многом являясь продуктом рынка, самим рынком могут «штрафовать» (по имеющимся в литературе оценкам, на величину до 13% заработной платы) [Колосова и др., 2020: 127–128]. Ограничивает уровень производительности и несбалансированность позиций работника на рынке труда по субъективным показателям (по ожидаемой и фактической свободе принятия решений, по соответствию ожидаемой и фактической свободы творчества) [Карачаровский, Шкаратан, 2016: 7–10].

Отрицательно сказывается на трудовых усилиях работников и фундаментальный для современного общества переход от «фордистского» к «когнитивному» капитализму, усиливая прекарность индивидуальных позиций на рынке труда [Lucarelli, Fumagalli, 2008; Golden, 2009; Тощенко, 2022б; Шкаратан и др., 2015]. Нестабильность трудовых отношений в современных обществах заставляет исследователей обращаться к феномену внутренней мотивации [Golden, 2009; Becchetti et al., 2013], которая может на какой-то период компенсировать работнику неопределенность, несбалансированность современных форм труда, оказывающих на него влияние. Совершенно точно отмечено, что индикатором эффекта компенсации трудовым энтузиазмом негативного воздействия текущих проблем может служить эмпирически выявленный факт оценки работниками «работы в целом» выше, чем ее «отдельных сторон» [Попова, 2021: 250]. Но в долгосрочном периоде это не может ни приводить к росту напряженности и профессиональному «выгоранию».

На социетальном уровне границы производительности труда во многом определяют характером общественных отношений, одним из ключевых показателей гармоничности которых является «институциональное доверие», – отнюдь не стабильно высокий для российского общества показатель [Латов, 2021]. Кроме того, можно говорить о присутствии в общественном сознании идеи «долга» государства/работодателей перед гражданами, в связи с низким, несправедливым или не удовлетворяющим ожиданиям вознаграждением за труд [Карачаровский, Шкаратан, 2017: 25–27]. В обоих случаях имеет место экстраполяция частной индивидуальной несправедливости на пороки сложившейся «системы» или «социального порядка» [Черныш, 2014: 87]. В целом, российскому рынку труда свойственны проблемы, с которыми сталкивались западные общества ещё в 1970–1980-е гг. в виде замаскированного принуждения работников работодателями, сведения их свободы выбора к дилемме «плохой» и «очень плохой» альтернативы [Zimmerman, 1981].

Преддетерминантом возрастания дисбаланса ожиданий и реальности на рынке труда, безусловно, является соотношение темпов роста производительности труда и заработной платы [Капелюшников, 2014]. При этом важно не только текущее значение таких показателей, но и их «ожидаемый тренд», картина будущего [Golden, 2009: 217]. Долгосрочные ожидания российских работников весьма показательны. Лишь около 31% связывают изменения будущей заработной платы с личной активностью и профессиональными целями. Около 37% рассчитывают на инициативы государства, удачу или надежду, что «колея» выведет. Наконец, 18,5% заведомо готовы к падению собственных трудовых доходов на горизонте 5 лет [Карачаровский, Вакуленко, 2021]. Такая картина будущего не способствует высокой роли в обществе фактора личных «инвестиций» в производительность, которые сдвигали бы границу между работой и альтернативными ценностями (досугом) в сторону первой. Удовлетворенность балансом работы и досуга в России находится на среднеевропейском уровне [Davis, Tuttle, 2017: 334]. Но это весьма неоднозначная ситуация, поскольку свидетельствует о том, что формально достигнуто некое психологическое

равновесие по линии «труд – отдых», характерное для развитых рынков, но при гораздо более низком (и недостаточном для повышения общественного благосостояния) уровне производительности труда. Низкие внутренние стимулы к наращиванию трудовых усилий при низкой производительности труда являются исходной основой своеобразной «ловушки» мотивации.

Работа 15 месяцев в году – это много или мало? «Многие хотели бы работать меньше, но немногие могут себе это позволить» [Burke, 2009: 167]. Наиболее острым этот вопрос становится в обществах с относительно низкой производительностью труда. В таких обществах население оказывается в ловушке – приходится работать много и за маленькую заработную плату. Исследования указывают на относительно высокую долю малооплачиваемых рабочих мест в российской экономике [Гимпельсон и др., 2018: 501]. При этом доля заработной платы в ВВП близка к соответствующему показателю ведущих стран мира – свыше 50%, при том, что самое высокое значение этого показателя достигается в Германии – около 60% ВВП (см. табл. 1, столбцы 1–4). Однако «недобор» в 10 п.п., который теоретически может быть ликвидирован с помощью соответствующей государственной политики, не позволит приблизиться к уровню жизни западных стран ввиду низкой производительности труда, которая по ППС в 1,6–2,4 раза ниже, чем в США и Западной Европе (столбцы 5–8 табл. 1).

Весьма показательны дополняют этот анализ данные о количестве времени, затрачиваемом российскими работниками на труд. Вопреки гипотезе об «этике праздности» [Миронов, 2001: 100–106], международные сравнения показывают, что россияне работают гораздо больше часов, чем представители ведущих стран мира. Например, на 100–180 часов в год больше, чем в США, на 400–500 часов больше, чем в Великобритании и Франции, на 540–580 часов больше, чем в Германии (столбцы 9–12 табл. 1). Если перевести эти оценки в стандартный 8-часовой рабочий день, то получится, что россияне работают на 1–3 месяца в году больше, чем в указанных странах.

Да, по этим данным мы ничего не можем сказать о качестве труда работников, но понятно, что низкую производительность при высоких затратах рабочего времени нельзя исправить только стимулированием мотивации. Такое сочетание также указывает на низкую технологическую вооруженность экономики и ошибки топ-менеджмента, то есть на факторы, не связанные с ролью рядового работника. Кроме того, время работы, превышающее мировые практики, предсказывает существование групп населения, работающих на пределе физических и/или моральных возможностей. В таких условиях эластичность производительности по размеру вознаграждения за труд будет крайне низкой, что вновь (хотя и косвенно) указывает на феномен, который мы обозначили ранее как ловушку мотивации. Попробуем его оценить.

Методология. Основой работы является сегментация респондентов по готовности увеличить трудовые усилия при приведении вознаграждения за труд к уровню, который индивид считает справедливым или достойным соответствующих усилий. В терминах модели предложения труда это означает нахождение таких характеристик работы и работника, при которых «эффект дохода» (увеличение ценности досуга с ростом дохода) вытесняется «эффектом замещения» (отказ от части досуга в пользу дополнительного труда) (см., напр.: [Reynolds, 2005: 1316]).

Для профилирования работников по критерию готовности работать больше использовался вопрос: «Могли бы или хотели бы вы работать, затрачивая больше усилий, чем сейчас, при адекватном вознаграждении за ваш труд и при работе, которую вы считали бы интересной для себя?» Варианты ответа на данный вопрос позволяют выделить три основные группы респондентов: 1 – работники с явно выраженной мотивацией работать с большими усилиями (выбравшие вариант ответа «Да, мог бы и хотел бы»), 2 – работники с альтернативными или невыраженными приоритетами по отношению к дополнительной работе (ответы: «Мог бы, но пока не хочу, мне дороже спокойная жизнь и гармония с собой», «Мог бы, но у меня другие приоритеты в жизни» и «Таким вопросом специально не задавался, меня сейчас всё устраивает»), обозначим эту позицию респондента как мотив

Таблица 1

Сравнительно-страновой анализ заработной платы и производительности труда в долгосрочный период

Страна	Доля заработной платы в ВВП, % ¹				Производительность труда, тыс. долл./чел. ²				Производительность труда, долл./час ³			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	2000	2008	2019	2020	2000	2008	2019	2020	2000	2008	2019	2020
Россия	40,07	48,56	49,14	52,32	16,5	43,6	59,6	58,5	8,3 (1982)	21,8 (1997)	30,3 (1965)	31,2 (1874)
США	59,22	56,86	55,40	–	74,9	101,2	135,7	141,4	40,9 (1832)	56,7 (1786)	76,3 (1777)	80,0 (1767)
Великобритания	54,32	55,01	54,39	57,76	56,9	76,7	100,5	94,8	36,3 (1566)	50,5 (1518)	65,4 (1537)	69,3 (1367)
Германия	58,91	54,63	59,18	60,58	61,7	80,5	110,3	107,9	42,1 (1466)	55,7 (1447)	79,8 (1383)	81,0 (1332)
Франция	56,66	56,35	57,29	58,15	64,6	87,1	123,0	116,6	41,4 (1558)	56,5 (1543)	81,4 (1511)	83,2 (1402)
Польша	46,36	44,29	44,55	45,09	28,1	44,2	79,0	79,4	15,1 (1869)	23,9 (1846)	44,3 (1781)	45,0 (1766)
Чехия	43,08	45,29	49,42	50,60	35,6	58,1	87,2	85,9	18,8 (1896)	32,4 (1790)	48,9 (1784)	50,4 (1705)
Венгрия	52,04	52,81	49,01	48,88	31,6	54,0	73,5	72,7	16,4 (1932)	30,1 (1791)	42,7 (1722)	43,8 (1660)

Примечания. ¹По данным ОЭСР / URL: <https://data.oecd.org/earnwage/employee-compensation-by-activity.htm>; ²По данным ОЭСР / URL: <https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>, <https://data.oecd.org/emp/employment-rate.htm> (ВВП на одного занятого); ³По данным ОЭСР / URL: <https://data.oecd.org/emp/emp/hours-worked.htm>. В скобках указано количество отработанных за год часов в среднем на 1-го работника.

отказа «А», 3 – группа, достигшая физического предела производительности («Хотел бы, но не могу, и так работаю на пределе возможностей»), обозначим такую позицию как мотив отказа «Б».

Среди факторов, определяющих готовность работать больше, тестировались:

– *социально-демографические характеристики*: пол, возраст и возраст в квадрате (для проверки гипотезы о существовании возрастного оптимума отдачи от вознаграждения за труд) или (альтернативный вариант) принадлежность респондента к одному из поколений. Использована предложенная В.В. Радаевым классификация поколений: «советские» поколения (до 1967 г.р.), «реформенное» поколение (1968–1981 г.р.), поколение «Y» или «миллениалы» (1982–2000 г.р.) [Радаев, 2019: 48–49]. Выборка включает представителей указанных поколений в следующих пропорциях: советские поколения – 191 чел. (27,3%), реформенное поколение – 282 чел. (40,3%), поколение миллениалов – 227 чел. (32,4%);

– *социально-профессиональные характеристики*: уровень образования, наличие подчиненных, социально-профессиональная группа;

– *социально-экономический и социально-демографический статус семьи*: наличие 2-х и более детей, душевой доход домохозяйства;

– *культурный капитал, происхождение*: образование родителей, место первичной социализации;

– *справедливость вознаграждения за труд*: субъективная оценка справедливости заработной платы и стоимостная оценка запроса на повышение заработной платы, возвращающее её к справедливому уровню. Отметим, что оценка респондентами меры справедливости вознаграждения за труд не имеет эталона сравнения, позволяющего проверить меру соответствия таких оценок фактическим качествам работника. Однако если ощущение несправедливости закрепляется в индивидуальном и/или массовом сознании, то, согласно теореме Томаса, оно приводит к материальным следствиям: саботаж, отлынивание, падение мотивации и др. Поэтому такие оценки прочно вошли в теорию и практику социальных исследований (см., напр.: [Jasso, 2008; Черныш, 2014]). Справедливый размер заработной платы оценивался на основании ответа респондента на два вопроса: 1 – считает ли он текущую заработную плату справедливой, и если нет, то 2 – какой размер ежемесячного заработка был бы справедлив за то количество часов, которое он сейчас тратит на свою работу.

Задача эмпирической части исследования состояла в оценке вероятности генерации дополнительной производительности труда при увеличении вознаграждения за труд. Вероятность оценивалась с помощью модели бинарной логистической регрессии с дихотомической зависимой переменной: 1 (0) – респондент готов (не готов) работать с большими усилиями в обмен на вознаграждение, которое он оценивает как соответствующее дополнительным трудовым усилиям.

Информационная база. Исследование реализуется на данных массового опроса населения, проведенного в 2018 г. на основе общероссийской репрезентативной квотной выборки с соблюдением квот по федеральным округам, типам поселений, полу и возрасту респондентов, социально-профессиональному составу населения. Модель выборки включает все федеральные округа, 21 типичный для них субъект РФ, 106 населенных пунктов, в том числе Москву и С.-Петербург. Объем выборочной совокупности – 700 работающих респондентов в возрасте 18 лет и старше. Опрос населения проводился в форме персонального интервью с привлечением профессиональных интервьюеров. В табл. 2 приведены основные характеристики выборки.

Данные собраны в рамках исследования «Предпочтения россиян при выборе социально значимых и общественных благ общегосударственного уровня и их влияние на социальные изменения» (рук. О.И. Шкаратан, В.В. Карачаровский, проект РНФ № 16-18-10270, 2016–2018 / 2019–2020 гг.). Отметим, что использование данных, собранных до начала периода воздействия на российское общество внешних шоков 2020–2022 гг. (пандемия COVID-19, проведение СВО, экономические санкции), имеет

Таблица 2

Характеристики выборки	
Показатели	Значение
Мужчины (%)	46,9
Возраст (лет) ¹	42,9 (43,0)
Доход на 1 члена семьи (тыс. руб.) ¹	21,9 (18,3)
Законченное высшее образование (%)	31,9
Проживание в мегаполисах и региональных центрах (%) ²	40,9
Социализация в мегаполисах и региональных центрах (%) ³	32,0
Имеют подчиненных (%)	22,3

Примечания. ¹Среднее (медиана). ²Москва и С.-Петербург, республиканские, краевые и областные центры. ³Респондент пошел в среднюю школу в населенном пункте, являющемся мегаполисом, республиканским, краевым или областным центром.

строгие преимущества. Это позволяет оценить параметры равновесного состояния общества и отдельных его подсистем, оценить глубинные свойства рынка труда и экономической мотивации, которые могут маскироваться в экстремальные периоды.

Сегментация работников по индивидуальной готовности к увеличению производительности труда. Социально-демографические, экономические и социально-профессиональные характеристики групп работников с различной готовностью к повышению производительности труда приведены в табл. 3.

Группу респондентов, готовых работать больше в обмен на дополнительное вознаграждение, отличает большая доля мужчин, более молодой возраст, большая доля представителей поколения миллениалов, респондентов без высшего образования, чьи родители также не имели высшего образования, меньший душевой доход семей при меньшем количестве детей, гораздо более высокая (свыше 70%) доля респондентов с субъективным ощущением несправедливости заработной платы, более высокий запрос на повышение заработной платы, существенно меньшая доля работающих пенсионеров.

Группа тех, кто не готов работать с большими усилиями, не только не является маргинальной, но, напротив, охватывает более половины (51,3%) выборки. При этом подгруппы с мотивами «А» и «Б» имеют различия. В подгруппе «Б» заметно больше тех, кто не имеет подчиненных ($\chi^2 = 6,731, p < 0,01$), относительно больше представителей, занимающихся тяжелым трудом – рабочие промышленности ($\chi^2 = 7,007, p < 0,01$), меньше работников с высшим образованием ($\chi^2 = 9,714, p < 0,005$). Различается и происхождение – в подгруппе «Б» меньше тех, у кого родители имеют высшее образование ($\chi^2 = 8,921, p < 0,005$), кто прошел социализацию в мегаполисах и крупных городах ($\chi^2 = 3,184, p < 0,1$). Различий по возрасту между подгруппами в среднем нет ($Z = 1,182, p = 0,122$), причем в подгруппе «Б» отнюдь не выше доля работающих пенсионеров ($\chi^2 = 0,063, p = 0,801$).

В подгруппе «Б» ниже душевой доход семьи ($Z = 1,391, p < 0,05$), но различий в заработной плате между подгруппами нет ($Z = 0,534, p = 0,938$). Представители подгруппы «Б» работают больше в среднем на 5 часов (46,9 против 41,9 часа в подгруппе «А», $Z = 2,225, p < 0,0001$). Разница в часах целиком падает на работу сверхурочно (свыше 40 часов в неделю), поэтому закономерно, что в данной подгруппе выше оценка заработной платы как несправедливой ($\chi^2 = 21,191, p < 0,0001$) и больше стоимостная оценка запроса на повышение заработной платы ($Z = 2,329, p < 0,0001$).

Если в обеих подгруппах оставить только тех, кто считает свой заработок несправедливым, то различия в переработке возрастает почти до 6,5 часа (48,8 против 42,4 часа в группе «А», $Z = 1,919, p < 0,001$) при остающихся незначимыми различиях заработных плат ($Z = 1,212, p = 0,106$). Однако в данном случае уже не выявляются различия в запросе о повышении заработной платы ($Z = 1,095, p = 0,182$), запрашиваемый размер повышения составляет порядка 69–73% от фактической заработной платы.

Таблица 3

Характеристики групп работников, готовых и не готовых работать больше

	Готовы работать больше	Не готовы работать больше ¹			Знч. ⁴
		все	из них:		
			мотив «А»	мотив «Б»	
Размер группы, %	48,7	51,3	31,8	19,5	
Мужчины, %	55,8	39,6	35,6	46,1	17,256 [†]
Возраст, лет ²	40,7(41,0)	44,7(44,5)	44,0(44,0)	45,9(46,5)	2,045 [†]
Высшее образование, %	27,6	34,5	40,9	24,2	3,673 ⁺
Высшее образование родителей, %	11,7	16,9	18,9	13,5	3,505 ⁺
Наличие подчиненных, %	20,1	25,0	29,8	17,2	2,281
Душевой доход семьи, тыс. руб. ²	20,1(18,0)	24,1(20,0)	24,7(20,0)	23,0(18,0)	1,461 [*]
Заработная плата, тыс. руб. ²	29,3(25,0)	32,6(25,0)	30,2(25,0)	36,5(25,4)	0,968
Отработанное время, часов/нед. ²	44,4(42,0)	43,8(40,0)	41,9(40,0)	46,9(45,0)	0,555
Оплата труда несправедлива, %	72,5	54,3	44,3	70,4	22,598 [†]
Разность справедлив. и факт. з/п к факт. з/п, % ²	65,4(42,9)	36,8(6,66)	29,9(0,00)	47,7(39,2)	2,401 [†]
Двое и более детей, %	37,3	45,2	42,8	49,2	4,247 [*]
Мегаполисы и рег. центры (проживание), %	41,1	41,7	41,3	42,2	0,024
Мегаполисы и рег. центры (социализация), % ³	34,2	31,5	35,1	25,8	0,510
Советские поколения (... – 1967), %	19,1	33,6	29,3	40,6	17,658 [†]
Реформенное поколение (1968–1981), %	43,6	38,1	40,9	33,6	2,034
Поколение миллениалов (1982–2001), %	37,3	28,3	29,8	25,8	6,066 [*]
Инженеры промышленности	6,0	4,8	6,3	2,3	0,461
Рабочие промышленности	29,8	17,3	13,0	24,2	14,325 [†]
Работники с в/о (услуги и госсектор)	15,0	14,6	15,4	13,3	0,028
Специалисты среднего звена (услуги и госсектор)	19,7	20,5	20,7	20,3	0,063
Работники силовых структур	3,8	7,7	9,6	4,7	4,734 [*]
Работники села	18,8	13,7	11,5	17,2	3,160 [*]
Работающие пенсионеры	3,4	17,9	18,3	17,2	35,153 [†]
N	319	336	208	128	

Примечания. ¹Мотив «А» – другие приоритеты в жизни, помимо работы, мотив «Б» – уже сегодня работают на пределе возможностей. ²Приводится среднее, в скобках – медианное значение. ³Респондент пошел в среднюю школу в Москве, С.-Петербурге, в областном, республиканском, краевом центре. ⁴Сравнение проведено между группами «Готовы работать больше» и «Не готовы работать больше» (Все). Приводится значение статистики и уровень значимости критерия χ^2 Пирсона (в случае номинальных переменных) и критерия Колмогорова-Смирнова (в случае количественных переменных): ⁺p<0.1, ^{*}p<0.05, ^{**}p<0.01, ^{***}p<0.005, [†]p<0.001.

Работать больше или нет, вот в чем вопрос... Таблица 4 содержит результаты оценивания бинарной логистической регрессии для вероятности генерации дополнительной производительности труда при дополнительном вознаграждении работника. Представлено 6 спецификаций модели с разными вариантами измерения характеристик работника и условий работы.

Возраст, в котором максимизируется готовность работника работать с большими усилиями в ответ на вознаграждение, составляет 36 лет для всей выборки (спецификация I) и 38 лет для подвыборки респондентов, считающих оплату своего труда несправедливой (спецификация II)¹. Принадлежность к реформенному поколению и поколению миллениалов (спецификации III–VI) увеличивает шансы получить от работника дополнительную производительность труда на 15–20 п.п.

Вторым значимым фактором готовности к работе с большими усилиями выступает происхождение работника. Во всех спецификациях проявляется значимая отрицательная связь с наличием высшего образования у родителей, а в спецификациях I и V – положительная связь с первичной социализацией индивида в мегаполисе или крупном городе.

Наибольший потенциал роста производительности труда выявлен для рабочих промышленности, работников с высшим образованием, занятых в государственном секторе и сфере услуг, а также для работников села (см. спецификации V, VI). В данном случае сравнение проводилось с базовой группой, в которую были включены представители силовых структур, работающие пенсионеры и студенты. Представителей всех трех групп объединяет наличие естественных границ роста производительности труда. Так, для представителей силовых структур производительность определяется регламентом несения службы, а рост производительности труда студентов и пенсионеров ограничивается тем, что первые находятся лишь в самом начале профессионального пути, а вторые – в его завершении.

Наконец, существенным фактором роста производительности труда является устранение несправедливости в заработной плате. Во всех спецификациях этот фактор положителен на высоком уровне значимости. Устранение несправедливости увеличивает шансы на то, что работник начнет работать более производительнее на 19,4–20,3 п.п. (см. спецификации III, V). В спецификациях II, IV и VI для подвыборки респондентов, которые заявили о несправедливости оплаты труда, использовался количественный показатель запроса на повышение заработной платы (логарифм разности справедливой и фактической заработной платы). По предельным эффектам видно, что готовность работать с большими усилиями неэластична по размеру запроса на повышение заработной платы. Удвоение запроса соответствует росту вероятности того, что работник согласится на более интенсивную работу, всего на 9,3–9,8 п.п.

При этом цена ликвидации несправедливости по оплате труда, напротив, довольно высока. Её устранение для той группы работников, которые готовы работать больше, эквивалентно повышению заработных плат в среднем на 65,4%² для 48,7% работников (см. табл. 3), что означало бы увеличение фонда оплаты труда среднестатистической российской организации примерно на треть. Заметим, что это лишь нижняя граница оценки необходимых затрат для вовлечения работников в более производительный труд. Во-первых, приведенные оценки не учитывают каскадный эффект роста запроса на повышение заработных плат со стороны второй половины работников (в противном случае нарушатся их представления о справедливости, произойдет демотивация). Во-вторых, ликвидация несправедливости лишь возвращает работникам накопленный «долг», а не создает новый уровень стимулов к работе. С нашей точки зрения, это принципиальный

¹ Благодаря конструкции $\beta_1 \times \text{возраст}^2 + \beta_2 \times \text{возраст}$, можно найти возраст, в котором вероятность достигает максимума ($-\beta_2/2 \times \beta_1$).

² Рассчитывается как среднее значение отношения разности справедливой и фактической заработной платы к фактической заработной плате (в %).

Таблица 4

Факторы индивидуальной готовности к работе с большими усилиями при дополнительном вознаграждении за труд¹

	Спецификации модели ²					
	I	II	III	IV	V	VI
Мужской пол	0.944[†] (0.191)	0.826[†] (0.251)	0.197[†] (0.038)	0.176[†] (0.052)	0.191[†] (0.042)	0.179^{***} (0.056)
Возраст, лет	0.144^{***} (0.051)	0.145[*] (0.066)	–	–	–	–
Квадрат возраста, лет ²	-0.0020[†] (0.0006)	-0.0019^{**} (0.0007)	–	–	–	–
Реформенное поколение	–	–	0.228[†] (0.047)	0.156[*] (0.062)	0.151^{***} (0.052)	0.111[†] (0.067)
Поколение миллениалов	–	–	0.195[†] (0.052)	0.152[*] (0.070)	0.133[*] (0.056)	0.113 (0.072)
Высшее образование	0.074 (0.226)	0.146 (0.308)	0.007 (0.048)	0.026 (0.068)	–	–
Ln (Зароботная плата, руб.)	-0.214 (0.192)	-0.181 (0.273)	-0.023 (0.040)	-0.016 (0.059)	-0.019 (0.042)	-0.012 (0.061)
Рабочее время, часов/нед.	-0.014[†] (0.008)	-0.012 (0.010)	-0.003 (0.0016)	-0.002 (0.002)	-0.004[*] (0.002)	-0.003 (0.002)
Наличие подчиненных	-0.174 (0.242)	-0.019 (0.329)	-0.040 (0.052)	-0.004 (0.073)	-0.037 (0.051)	0.018 (0.071)
Двое или более детей	-0.295 (0.193)	-0.314 (0.250)	-0.065 (0.040)	-0.063 (0.054)	-0.075 (0.040)	-0.081 (0.054)
Хотя бы 1 из родителей имеет высшее образование	-0.557^{**} (0.216)	-0.666[*] (0.279)	-0.118^{**} (0.045)	-0.149[*] (0.060)	-0.089[*] (0.045)	-0.135[*] (0.060)
Социализация в мегаполисах и рег. центрах	0.357[†] (0.206)	0.262 (0.276)	0.070 (0.044)	0.054 (0.061)	0.086[*] (0.043)	0.058 (0.062)
Зароботная плата несправедлива (субъективная самооценка респондента)	0.875[†] (0.196)	–	0.203[†] (0.039)	–	0.194[†] (0.039)	–
Ln (Разность справедливой и фактической з/п, руб.)	–	0.465^{**} (0.182)	–	0.098[*] (0.038)	–	0.093[*] (0.038)
Инженеры промышленности	–	–	–	–	0.196[†] (0.107)	-0.054 (0.157)
Рабочие промышленности	–	–	–	–	0.209^{***} (0.066)	0.140[†] (0.087)
Работники с в/о (услуги и госсектор)	–	–	–	–	0.220^{***} (0.070)	0.223[*] (0.094)
Специалисты среднего звена (услуги и госсектор)	–	–	–	–	0.181^{**} (0.069)	0.103 (0.092)
Работники села	–	–	–	–	0.278[†] (0.070)	0.186[†] (0.097)
Wald χ^2	76.23 [†]	29.68 ^{***}	75.88 [†]	27.80 ^{***}	93.15 [†]	35.96 ^{***}
Log pseudolikelihood	-364.497	-219.883	-367.359	-222.298	-358.670	-218.089
Nosmer-Lemeshow(10) p-value	0.6843	0.2305	0.5648	0.3879	0.6679	0.7223
N	592	349	592	349	592	349

Примечания. ¹Зависимая переменная – готовность работать больше: 0 – не готов, 1 – готов. ²Для спецификаций I, II указаны значения бета-коэффициентов, для III–VI – значения средних предельных эффектов. В спецификациях I–IV для профессиональной сегментации респондентов использовалась переменная наличия высшего образования, в спецификациях V, VI – коды социально-профессиональных групп. Спецификации II, IV, VI оценены на подвыборке респондентов, указавших свою заработную плату как несправедливую, в них вместо дамми-переменной несправедливости заработной платы использована переменная логарифма размера компенсации, необходимая для приведения заработной платы к справедливому уровню. Уровень значимости: [†]p<0,10, ^{*}p<0,05, ^{**}p<0,01, ^{***}p<0,005, [†]p<0,001.

вывод, демонстрирующий ловушку мотивации на российском рынке труда. Обеспечение даже небольшой вероятности мотивированного вовлечения работников в процессы интенсификации труда требует критичного для стабильности организаций на данном уровне развития экономики размера повышения заработных плат, если рассматривать все (а не только избранные) социально-профессиональные группы. В этом случае доля оплаты труда в ВВП превзойдет показатели ведущих стран мира (см. ст. 1–4 табл. 1). Единственным инструментом, не приводящим к критическому росту расходов государства и организаций на оплату труда, могло бы стать перераспределение доходов, например, за счет введения прогрессивной шкалы налогообложения, но в этом случае необходимо будет решать проблему недовольства более высокооплачиваемой части общества.

Заключение. Мы постарались показать существование и оценить характеристики феномена «ловушки» мотивации на российском рынке труда. Ловушка мотивации создает барьеры повышения производительности труда и имеет четыре системных проявления. Во-первых, существует широкий (более половины респондентов) слой работников, представители которого не готовы к работе с большими усилиями даже в обмен на дополнительное вознаграждение. При этом почти 20% из них репрезентируют феномен «работающих на пределе возможностей». Во-вторых, необходимым инструментом повышения трудовых усилий со стороны работников является устранение субъективно воспринимаемой несправедливости в оплате труда, которое предполагает повышение заработных плат более чем на 60% как минимум для половины работников (нижняя граница оценки), что мало реалистично с учетом производственных возможностей экономики. В-третьих, затраты государства/работодателей на простое устранение несправедливости не являются достаточными. С одной стороны, такие затраты представляют собой возвращение накопленного перед работниками «долга», а не новый стимул, с другой стороны, не учитывают, что для сохранения равновесия возникнет необходимость повышения вслед и заработных плат тех работников, которые сейчас считают свои текущие заработные платы относительно справедливыми. Получение дополнительной производительности от этой части работников потребует дополнительных затрат «сверх» тех, которые устраняют несправедливость. В-четвертых, индивидуальная готовность к повышению производительности труда неэластична по величине вознаграждения: удвоение запроса работника на повышение заработной платы увеличивает вероятность его вовлечения в процессы интенсификации труда не более чем на 9–10 п.п.

Авторы уверены, что выход из ловушки мотивации вполне возможен и с меньшими затратами, если изменить сложившийся общественный договор. Необходимые для этого предпосылки могли бы быть следующими: (1) замена идеи одномоментного повышения заработных плат концепцией малого, но непрерывного увеличения вознаграждения за труд, (2) введение прогрессивной шкалы налогообложения, применяемой к «незаслуженному» обогащению (к части доходов, «принесенных ветром», – *windfall profits*), (3) формирование (как на уровне организаций, так и на уровне общества) идеологии «картина будущего», которая позволила бы работнику понять надындивидуальный смысл своего труда. Однако это уже тема для другой статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Шарунина А.В. Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22. № 4. С. 489–530. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530.
- Капелюшников Р.И. Производительность и оплата труда: немного простой арифметики // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 36–61.
- Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Формируя национальный коллективный капитал: о прямом и косвенном участии граждан в воспроизводстве социально значимых благ // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 3–13.

- Карачаровский В.В., Вакуленко Е.С. Подходы к измерению теневой цены индивидуальных каналов мобильности по заработной плате // Прикладная эконометрика. 2021. Т. 61. С. 62–88. DOI: 10.22394/1993-7601-2021-61-62-88.
- Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Общественная цена социальных изменений и поиск подходов к её измерению // Мир России: Социология, этнология. 2017. Т. 26. № 2. С. 6–37.
- Колосова А.И., Рудаков В.Н., Рошин С.Ю. Влияние работы по профилю полученной специальности на заработную плату и удовлетворенность работой выпускников вузов // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 113–132. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-11-113-132.
- Латов Ю.В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // ПОЛИС. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11.
- Латов Ю.В. Человеческий капитал в условиях новых вызовов (о секции на XII Грушинской конференции) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 149–152. DOI: 10.31857/S013216250021399-1.
- Мионов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 99–108.
- Попова И.П. Социология профессий как проект (по материалам журнальной рубрики) // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 57–69. DOI: 10.31857/S013216250010023-8.
- Попова И.П. Социальная справедливость в сфере занятости и труда в России // Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае / Отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, Новый Хронограф, 2021. С. 238–272.
- Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019.
- Тощенко Ж.Т. К классификации профессий: социотехнологическое измерение (опыт методологического анализа) // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 66–76. DOI: 10.31857/S013216250019104-7
- Тощенко Ж.Т. Социальное измерение производительности труда // Демократия и социализм XXI. 2022. Т. 13. № 1. С. 135–149.
- Черныш М.Ф. Справедливость заработной платы в российском контексте // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 78–89.
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.
- Becchetti L., Castriota S., Tortia E.C. Productivity, Wages and Intrinsic Motivations // Small Business Economics. 2013. Vol. 41. No. 2. P. 379–399.
- Burke R.J. Working to Live or Living to Work: Should Individuals and Organizations Care? // Journal of Business Ethics. 2009. Vol. 84. Supplement 2: Working to Live or Living to Work. P. 167–172.
- Davis S.N., Tuttle J.D. Context, Opportunity, and Demands: Satisfaction with Work-Life Balance in 26 Countries // Journal of Comparative Family Studies. 2017. Vol. 48. No. 4. P. 329–348.
- Golden L. A Brief History of Long Work Time and the Contemporary Sources of Overwork // Journal of Business Ethics. 2009. Vol. 84. Supplement 2: Working to Live or Living to Work. P. 217–227.
- Jasso G. A New Unified Theory of Sociobehavioural Forces // European Sociological Review. 2008. Vol. 24. No. 4. P. 411–434.
- Lucarelli S., Fumagalli A. Basic Income and Productivity in Cognitive Capitalism // Review of Social Economy. 2008. Vol. 66. No. 1: Living Standards and Social Well-Being. P. 71–92.
- Reynolds J. In the Face of Conflict: Work-Life Conflict and Desired Work Hour Adjustments // Journal of Marriage and Family. 2005. Vol. 67. No. 5. P. 1313–1331.
- Zimmerman D. Coercive Wage Offers // Philosophy & Public Affairs. 1981. Vol. 10. No. 2. P. 121–145.

Статья поступила: 22.05.23. Финальная версия: 25.06.23. Принята к публикации: 30.06.23.

MOTIVATION TRAP ON RUSSIAN LABOUR MARKET

KARACHAROVSKIY V.V.*, GURULEVA M.N.*

*HSE University, Russia

Vladimir V. KARACHAROVSKIY, *Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Faculty of Economic Sciences, Head of the Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist Development (vvk@hse.ru)*; Maria N. GURULEVA, *Trainee Researcher of the Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist Development (mnguruleva@edu.hse.ru)*. Both – HSE University, Moscow, Russia.

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 16-18-10270.

Abstract. The article is devoted to the phenomenon we named trap of motivation, i.e. to the individual unwillingness of employees to increase labor productivity under the condition of an increase in wages. Attention is focused on the existence of a cohort of workers (about 51.3%) who are not ready to work with great effort, even in exchange for additional remuneration. Two main motives for such choice have been identified: (1) alternative life priorities, (2) overwork. The elimination of wage injustice increases the probability of more productive work by 19–20 pp. Individual willingness to work harder is inelastic due to the value of the request for a wage rise (for example, doubling the request for a pay rise increases the willingness to work harder by 10 pp. only). In the context of generations, the “reform” generation and the generation of “millennials” have the greatest resource for increasing labor productivity. The probability of such increase maximizes at the ages of 36 to 38 years. The social basis for increasing labor productivity is represented by individuals with primary socialization in large cities, from families of workers, and also by industrial workers, professionals from service or public sector, and rural workers.

Keywords: labor productivity, wages, labor market, theories of justice, theory of generations.

REFERENCES

- Becchetti L., Castriota S., Tortia E.C. (2013) Productivity, Wages and Intrinsic Motivations. *Small Business Economics*. 2013. Vol. 41. No. 2: 379–399.
- Burke R.J. (2009) Working to Live or Living to Work: Should Individuals and Organizations Care? *Journal of Business Ethics*. Vol. 84. Supplement 2: Working to Live or Living to Work: 167–172.
- Chernysh M.F. (2014) Justice of Wages in Russian context. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 78–89. (In Russ.)
- Davis S.N., Tuttle J.D. (2017) Context, Opportunity, and Demands: Satisfaction with Work-Life Balance in 26 Countries. *Journal of Comparative Family Studies*. Vol. 48. No. 4: 329–348.
- Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I., Sharunina A.V. (2018) Low Paid Jobs in the Russian Labour Market: Does Exit Exist and Where Does It Lead to? *Ekonomicheskii zhurnal VSHE* [HSE Economic Journal]. Vol. 22. No. 4: 489–530. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530. (In Russ.)
- Golden L. (2009) A Brief History of Long Work Time and the Contemporary Sources of Overwork. *Journal of Business Ethics*. Vol. 84. Supplement 2: Working to Live or Living to Work: 217–227.
- Jasso G. (2008) A New Unified Theory of Sociobehavioural Forces. *European Sociological Review*. Vol. 24. No. 4: 411–434.
- Kapeliushnikov R.I. (2014) Labor Productivity versus Labor Compensation: Some Simple Arithmetic. *Voprosy Ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 3: 36–61. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-3-36-61. (In Russ.)
- Karacharovskiy V.V., Vakulenko E.S. (2021). Approaches to Measuring the Shadow Price of Individual Wage Mobility Channels. *Prikladnaya ekonomika* [Applied Econometrics]. Vol. 61: 62–88. DOI: 10.22394/1993-7601-2021-61-62-88. (In Russ.)
- Karacharovskiy V.V., Shkaratan O.I. (2016) Creating National Collective Capital: Direct and Latent Contribution of Nations’ Citizens to Merit Goods Producing. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 3–13. (In Russ.)
- Karacharovskiy V.V., Shkaratan O.I. (2017) The Shadow Price of Social Change and Its Evaluation. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 26. No. 2: 6–37. (In Russ.)
- Kolosova A.I., Rudakov V.N., Roshchin S.Y. (2020) The impact of job-education match on graduate salaries and job satisfaction. *Voprosy Ekonomiki* [Questions of Economic]. No.11: 113–132. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-11-113-132. (In Russ.)

- Latov Yu.V. (2021) Institutional Trust as a Social Capital in Modern Russia (on the Results of Monitoring). *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 5: 161–175. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2022) Human Capital in the Conditions of New Challenges (a section at the XII Grushin Conference). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 149–152. DOI: 10.31857/S013216250021399-1. (In Russ.)
- Lucarelli S., Fumagalli A. (2008) Basic Income and Productivity in Cognitive Capitalism. *Review of Social Economy*. Vol. 66. No. 1: Living Standards and Social Well-Being: 71–92.
- Mironov B.N. (2001) Attitude Towards Work in Pre-Revolutionary Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 99–108. (In Russ.)
- Popova I.P. (2020) Sociology of Professions as a Project (Based on the Materials of the Journal Section). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 57–69. DOI: 10.31857/S013216250010023-8. (In Russ.)
- Popova I.P. (2021) Social Justice in the Field of Employment and Labor in Russia. In: *Problems of Social Equality and Justice in Russia and China*. Ed. by: M.K. Gorshkov, P.M. Kozyreva, Li Peilin, M.F. Chernysh. Moscow: FNISTS RAN, Novyj Hronograf: 238–272. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2019) *Millennials: How Russian society is changing*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Reynolds J. (2005) In the Face of Conflict: Work–Life Conflict and Desired Work Hour Adjustments. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 67. No. 5: 1313–1331.
- Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasiukova E.N. (2015) Precariat: Theory and Empirical Analysis (Polls in Russia, 1994–2013 data). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 99–110. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2022) Professions: Socio-Technological Dimension (A Methodological Analysis). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 66–76. DOI: 10.31857/S013216250019104-7. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2022) Social Dimension of Labor Productivity. *Demokratiya i socializm XXI* [Democracy and socialism XXI]. Vol. 13. No. 1: 135–149. (In Russ.)
- Zimmerman D. (1981) Coercive Wage Offers. *Philosophy & Public Affairs*. Vol. 10. No. 2: 121–145.

Received: 22.05.23. Final version: 25.06.23. Accepted: 30.06.23.

А.В. ПОПОВ, Т.С. СОЛОВЬЕВА

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ПО ОСИ «ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ» (на примере Вологодской области)

ПОПОВ Андрей Васильевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник (ai.popov@yahoo.com); СОЛОВЬЕВА Татьяна Сергеевна – старший научный сотрудник (solo_86@list.ru). Оба – Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Аннотация. Глобальные тренды современности все больше проникают в сферу труда, их влияние и возможности адаптации к их воздействию значительно дифференцированы в зависимости от масштаба территории. В статье анализируются перспективы занятости населения Вологодской области как модельного региона России по оси «центр – периферия». Информационную базу исследования составили материалы официальной статистики и мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области. С использованием агломерационного подхода показано, что, несмотря на внешнюю устойчивость сферы занятости, сохраняются нерешенные проблемы, усиливающие внутрирегиональные диспропорции. Определено, что факторы, так или иначе связанные со сферой занятости (отсутствие возможностей поиска работы и получения качественного образования, низкий размер заработных плат), в значительной мере влияют на привлекательность территорий, причем их значение возрастает при движении от ядер агломерации к периферии. В свою очередь это накладывает ограничения не только на возможности профессиональной самореализации, но и на процессы обеспечения жизнедеятельности, что объясняет перемещение населения из отдаленных районов в более привлекательные с точки зрения занятости населенные пункты. При этом стремление людей улучшить свое положение в зависимости от места проживания также различается по своим характеристикам. К освоению новых знаний, технологий и образцов поведения в большей степени готово население ядра агломерации и агломерационной зоны, в то время как жители периферии склонны к реализации предпринимательских намерений.

Ключевые слова: рынок труда • занятость • трансформация занятости • городская местность • сельская местность • центр и периферия

DOI: 10.31857/S013216250027366-5

Постановка проблемы. Глобальные трансформационные процессы привносят качественные изменения во все формы экономической и социальной деятельности. Скорость этих перемен стремительно возрастает, в результате чего современный мир становится все более неопределенным, сложным, нестабильным, неоднозначным, хрупким, нелинейным¹ и т.д. Данные тенденции проявляются не только на глобальном, но и на национальном, региональном и локальном уровнях, где темпы адаптации экономики и общества к трансформациям существенно различаются. Это приводит к усилению пространственной неравномерности развития, прежде всего межрегиональной. В России проблемам региональной дифференциации уделяется значительное внимание со стороны как управленческого², так и академического

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 22-28-01986.

¹ Данная тенденция нашла отражение в появлении концепций VUCA- и BANI-мира, подчеркивающих трудности прогнозирования и долгосрочного планирования развития событий, а также необходимость постоянной адаптации человека к происходящим изменениям [Костенко, 2022: 96–97; Holley et al., 2022].

² Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р. URL: <https://docs.cntd.ru>

сообщества [Коломак, 2010; Локосов и др., 2015]. Не менее значим внутрорегиональный уровень, где различия могут быть еще более заметными. И хотя на практике акценты чаще смещаются в сторону регионов, поскольку муниципальная статистика весьма скудна и не всегда адекватна [Зубаревич, 2019: 58], приближенность локальных социально-экономических процессов к населению только повышает востребованность подобного рода исследований.

В данном контексте важная роль отводится вопросам труда и занятости, которые не только имеют региональную специфику, но и подвержены всем современным трендам, в числе которых старение населения, цифровизация экономики или глобализация³. С одной стороны, возникают все новые возможности для осуществления трудовой деятельности, а с другой – множатся риски, связанные с поиском достойной работы и профессиональным становлением в целом. Территориальный фактор играет здесь далеко не последнюю роль. Так, сельская местность в силу удаленности от ресурсов, технологий и населения традиционно характеризуется менее благоприятными условиями для занятости, а также весьма ограниченным количеством вакантных предложений⁴. Это касается и других населенных пунктов, лишенных влияния крупных городов. В результате проблема сжатия освоенного пространства и поляризации системы расселения становится все более актуальной [Короленко, 2023], что требует поиска источников притяжения населения и, как следствие, изучения особенностей занятости в зависимости от близости места проживания к региональным центрам.

Обозначенный ракурс исследования довольно редко встречается в отечественной научной литературе: как правило, основной водораздел проводится между городом и селом, либо в центре внимания находятся населенные пункты определенного размера / свойства (например, моногорода). Этим объясняется фрагментарность знаний о занятости населения локальных территорий, объединенных общим региональным контекстом, что затрудняет представления об их дальнейшем развитии. Восполнить имеющиеся пробелы в этой области возможно путем проведения социологического исследования с применением агломерационного подхода. В этой связи целью настоящей статьи стал анализ перспектив занятости населения Вологодской области как модельного региона по оси «центр – периферия». На начальном этапе исследования мы формулируем гипотезу достаточно просто: при удалении от ядер агломерации восприятие своей занятости заметно ухудшается, что отражается на готовности к изменениям в трудовой и повседневной жизни. Вместе с тем такая постановка гипотезы позволяет внести ясность в пространственные аспекты развития социально-трудовых отношений в России. В зарубежных исследованиях гораздо больше публикаций, проливающих свет на эффекты экономики агломераций для занятости населения, хотя и там субъективные оценки местных жителей зачастую уходят на второй план [Dauth, 2013; Baumont et al., 2014].

Дизайн исследования. Анализ сосредотачивался на ситуации в Вологодской области, что обусловлено не только наличием обширного эмпирического материала для детального изучения тенденций социально-экономического развития региона, но и его типичностью как субъекта РФ, обеспечивающей схожесть наблюдаемых процессов со всероссийской динамикой [Российское общество..., 2015: 129]. Кроме того, сужение исследовательского фокуса до конкретной территории способствует более глубокому погружению в специфику занятости по оси «центр – периферия».

---

ru/document/552378463 (дата обращения: 06.04.2023); О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. URL: <https://www.gara.nt.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (дата обращения: 06.04.2023).

³ The Future of Work: OECD Employment Outlook 2019. URL: <https://www.oecd.org/employment/employment-outlook-2019-highlight-en.pdf> (дата обращения: 06.06.2023).

⁴ Содействие занятости в сельских районах в целях сокращения масштабов бедности. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_092198.pdf (дата обращения: 06.06.2023).

Анализ занятости на локальных территориях основывается на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области. Опрос проводится с 1997 г. в городах Вологде и Череповце, а также в восьми муниципальных образованиях (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Объектом исследования выступает население трудоспособного возраста. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Всего опрашивается 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3–4%.

Очередной этап мониторинга (август–октябрь 2022 г.) позволил расширить представления о трудовой жизни населения в зависимости от места проживания за счет апробации нового инструментария исследования. Затрагивались и более ранние периоды, чтобы проследить за изменениями в характере занятости, произошедшими с момента обострения внешних вызовов (2020 г. – пандемия коронавируса, 2022 г. – специальная военная операция). В этом плане 2018 г. рассматривался нами в качестве времени относительной стабильности. Поскольку опрос проводится один раз в два года, всего использовалось 3 волны мониторинга (2018, 2020 и 2022 гг.), при этом основное внимание уделялось именно последней.

Для анализа ситуации в муниципальных образованиях мы воспользовались агломерационным подходом, зарекомендовавшим себя в качестве широко обсуждаемого способа построения опорного каркаса территориальной организации пространства в России. Так, Вологодская область имеет два ярко выраженных полюса развития: г. Вологда как административная столица региона и г. Череповец как индустриальный центр. Вокруг этих точек происходит формирование двух моноцентрических городских агломераций, в которых концентрируются население и производственная деятельность [Ворошилов, 2021: 64]. Соответственно при удалении от них социально-экономическая и иная активность снижается, что оказывает существенное воздействие на занятость населения. В рамках исследования, принимая в расчет агломерационные процессы и специфику информационной базы, мы выделили четыре группы муниципальных образований по оси «центр – периферия» (рис. 1, табл. 1).

Рис. 1. Карта территориального охвата исследования

Источник: составлено авторами.

Таблица 1

Размер выборки по группам муниципальных образований

Группировка муниципальных образований (МО)	Количество наблюдений (N)		
	2018	2020	2022
Ядра агломераций (Вологда и Череповец)	821	834	847
Агломерационная зона (Шекснинский район и Грязовецкий округ)	228	229	225
Ближнее агломерационное окружение (Бабаевский и Вожегодский округа, Кирилловский район)	161	153	151
Региональная периферия (Тарногский округ и Никольский район)	107	102	98

Источник: составлено авторами.

Первая группа включает крупные города Вологодской области (Вологда и Череповец), являющиеся ядрами формирующихся агломераций. Ко второй группе были отнесены муниципальные образования, непосредственно входящие в агломерационную зону, в третью – имеющие общую границу с агломерационной зоной или расположенные от нее через одно муниципальное образование (соседи I и II порядка), в четвертую – находящиеся на периферии региона, наиболее удаленные от ядер (соседи III и IV порядка)⁵. При этом важно учитывать, что за пределами крупных городов и городской агломерационной зоны наблюдаются схожие процессы агломерирования, когда население и производство сосредотачиваются в его центральном поселении (малом городе, поселке городского типа, селе), а территория становится все менее «сельской» по своей сути [Катанандов и др., 2021: 13].

Применение агломерационного подхода позволяет провести прямые параллели между перспективами занятости и близостью места проживания от регионального центра, что служит связующим звеном на пути к выявлению источников притяжения людей и формированию конкретных предложений по повышению привлекательности локальных территорий. В этой работе мы сконцентрировали внимание на вопросах устойчивости положения работников, удовлетворенности трудом, уверенности в профессиональных и жизненных планах.

Особенности локальных рынков труда и занятости в разрезе «центр – периферия». Как показывает практика, рынок труда в России характеризуется достаточно высокой гибкостью и устойчивостью к вызовам различного рода. Ярким примером последних лет выступает адаптация отечественного рынка труда к последствиям пандемии коронавируса и введения санкционных ограничений [Капелюшников, 2022; Былков, 2022]. Несмотря на некоторый рост уровня общей и регистрируемой безработицы в 2020 г., уже в следующем году ситуация стабилизировалась и показатели достигли прежних значений. В региональном и муниципальном разрезе наблюдаются схожие тенденции, хотя территориальная дифференциация рынков труда сохраняется и различия устойчивы [Российский рынок..., 2017: 137–140]. В Вологодской области как типичном субъекте РФ ситуация остается довольно стабильной, хотя на уровне муниципалитетов текущее положение вещей заметно меняется. В частности, показатель регистрируемой безработицы возрастает при удалении от крупных городов региона (от 0,5 до 2,1% в 2022 г.). Схожая картина характерна и для среднемесячной заработной платы, разрывы в размере которой между

⁵ Великоустюгский муниципальный округ формально относится к региональной периферии, однако мы не стали включать его в выборку в связи с особенностями социально-экономического развития (например, связанными с расположением вотчины Деда Мороза как центра притяжения туристов).

Таблица 2

Распространенность отдельных признаков занятости в разрезе «центр – периферия» (%)

Группировка МО	2018 г.	2020 г.	2022 г.	Группировка МО	2018 г.	2020 г.	2022 г.
<i>Работа только на основной работе</i>				<i>Работа полный рабочий день</i>			
Ядра агломераций	75,2	57,6	79,8	Ядра агломераций	–	54,8	78,3
Агломерационная зона	90,6	63,3	86,2	Агломерационная зона	–	62,9	89,1
Ближнее агломерационное окружение	81,3	69,3	84,7	Ближнее агломерационное окружение	–	61,4	75,4
Региональная периферия	75,0	72,5	92,3	Региональная периферия	–	56,9	84,6
<i>Постоянная (регулярная) занятость</i>				<i>Наличие бессрочного трудового договора</i>			
Ядра агломераций	–	87,4	93,5	Ядра агломераций	59,6	68,3	69,9
Агломерационная зона	–	98,2	92,5	Агломерационная зона	87,7	76,2	82,2
Ближнее агломерационное окружение	–	84,1	92,4	Ближнее агломерационное окружение	67,2	54,0	72,0
Региональная периферия	–	75,9	91,0	Региональная периферия	63,1	64,6	70,5

Источник: рассчитано на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018–2022 гг.

районами/округами достигают двух раз⁶. В наиболее уязвимом положении находятся территории, периферийные по отношению к социально-экономическим центрам области, что провоцирует отток населения и усугубляет проблему дефицита кадров. В результате за последние 20 лет в сельской местности произошло двукратное сокращение среднесписочной численности работников (например, на 53,4 и 54,1% в Тарногском округе и Никольском районе соответственно)⁷.

Данные регионального мониторинга подтверждают тезис об устойчивости рынка труда, что выражается в преобладании признаков стандартной модели занятости (табл. 2). Большинство населения имеет только основную работу, причем по линии «центр – периферия» доля таковых лишь возрастает: с 80 до 92%. Это может быть связано с тем, что при удалении от крупных центров региона возможности локальных рынков труда по обеспечению спроса на дополнительную постоянную занятость существенно сокращаются.

Повсеместно распространены постоянные трудовые отношения и использование бессрочных трудовых договоров, а неполная занятость на практике встречается редко. По большей части это объясняется тем, что решение работать временно или периодически принимается в основном в связи с необходимостью высвобождения времени для личных нужд или невозможностью устроиться на постоянную работу⁸. Что касается динамики, то в целом по всем показателям наблюдаются позитивные изменения с существенным спадом в период пандемии. В данном случае выделяется зона региональной периферии, где значительного снижения не произошло.

Исходя из этого, можно заключить, что нестабильность последних лет и внутрирегиональные диспропорции не оказывают серьезного влияния на рынок труда, довольно быстро адаптирующийся к внешним шокам. Однако эпидемиологический фактор вынудил многих людей находить дополнительные возможности для заработка, особенно там, где

⁶ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <https://vologdastat.gks.ru/> (дата обращения: 16.04.2023).

⁷ Там же.

⁸ Нестандартная занятость в современной России: Виды, масштабы, динамика. URL: <https://vcot.info/blog/nestandartnaa-zanatotost-v-sovremennoj-rossii-vidy-mashtaby-dinamika> (дата обращения: 05.07.2023).

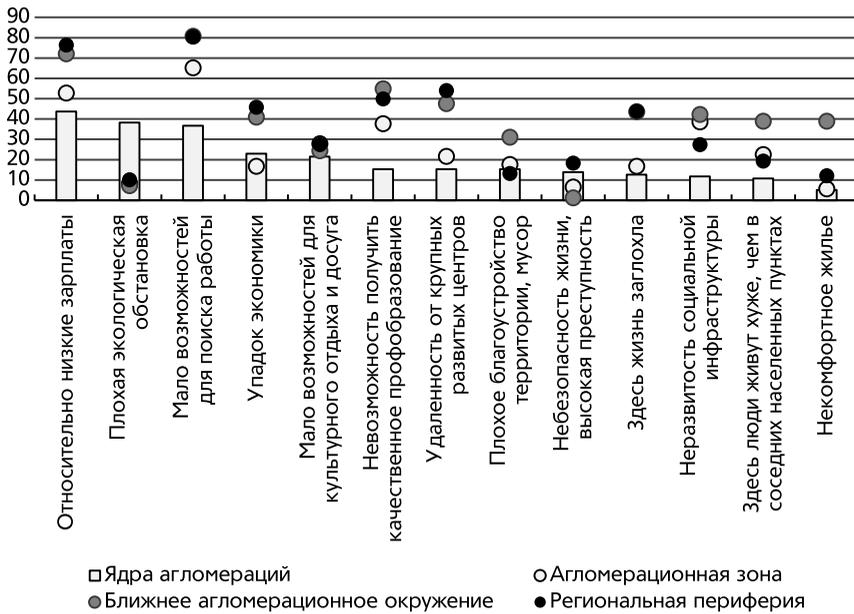

Рис. 2. Распределение ответов респондентов о непривлекательных чертах места проживания в зависимости от его удаленности от агломерационных центров Вологодской области (2022 г.), %

Источник: рассчитано на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 г.

для этого есть благоприятные локальные условия (крупные города и зона агломерации). Помимо этого, несмотря на относительную стабильность занятости, при детальном погружении раскрываются более глубокие проблемы, определяющие перспективы трудовой и повседневной жизни по оси «центр – периферия».

Сама по себе удаленность от крупных развитых центров уже является причиной ухудшения отношения к месту своего проживания, поскольку вследствие этого зачастую имеет место неразвитость социальной инфраструктуры и снижение возможностей для культурного отдыха и досуга, на что обращают внимание жители периферии и ближайшего агломерационного окружения (рис. 2). В то же время одними из ключевых факторов, формирующих привлекательность территории, выступают отсутствие возможностей поиска работы и получения качественного образования, низкий размер заработных плат. Более того, при движении от ядер агломерации к периферии значимость вопросов занятости значительно возрастает, что свидетельствует о серьезных ограничениях не только для профессиональной самореализации, но и обеспечения жизнедеятельности. Это подтверждается мнением почти половины жителей отдаленных районов об упадке местной экономики и угасании жизни в целом.

Возможности реализации профессиональных и жизненных планов в центр-периферийном измерении. Самореализация в трудовой деятельности весьма значима в жизни любого человека и зависит как от внутренних установок, так и от внешних условий. Одной из экзогенных причин, обуславливающих возможности профессиональной самореализации, является расположение места проживания, что существенно влияет на конъюнктуру рынка труда, шансы на повышение уровня образования и квалификации, карьерные планы [Fernandez, Su, 2004] и т.д.

Таблица 3

Самооценки населением Вологодской области собственных профессиональных перспектив, 2022 г. (%)

Вариант ответа	Ядра агломераций	Агломерационная зона	Ближнее агломерационное окружение	Региональная периферия
Востребованность в профессии	69,4	60,0	30,5	39,8
Повышение профессиональной квалификации	54,7	48,0	14,6	37,8
Самореализация в профессии	52,4	44,9	16,6	33,7
Достойная оплата труда	50,4	53,3	11,3	36,7
Карьерный рост	42,4	46,7	7,9	34,7

Источник: рассчитано на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 г.

Концентрация социально-экономических ресурсов в крупных городах приводит к тому, что за пределами агломераций население достаточно низко оценивает свои профессиональные перспективы (табл. 3). Это касается востребованности и самореализации в профессии, повышения квалификации, достойной оплаты труда и карьерного роста. Примечательно, что жители периферии позитивнее смотрят в будущее, чем представители ближайшего агломерационного окружения, что может быть связано с относительной неоднородностью входящих в эти группы территорий с точки зрения степени урбанизации и обеспечения возможности для саморазвития. Тем не менее сложившаяся ситуация может служить поводом для переезда из отдаленных районов ближе к региональным центрам в поисках более благоприятных условий, поскольку субъективное восприятие работы выступает ключевым фактором удовлетворенности жизнью на селе [Сарайкин и др., 2023: 90–91].

Кроме того, само по себе проживание в сельской местности в России способствует повышению риска попадания в состояние хронической низкооплачиваемой занятости [Гимпельсон и др., 2018: 506–507]. Малые города по отношению к крупным также находятся в менее благоприятном положении. В результате разрыв в уровне среднемесячной заработной платы и среднедушевого дохода между ядрами агломераций и отдаленными от них территориями довольно велик и составляет 1,7–1,8 и 1,5–1,9 раза соответственно (рис. 3). Ситуация существенно не изменилась и в кризисные годы, поскольку темпы роста показателей также значительно ниже за пределами крупных городов. При этом материальное благополучие жителей агломерационной зоны не сильно отличается от положения тех, кто проживает на периферии. Несмотря на это, они демонстрируют большую уверенность в собственных профессиональных перспективах.

На самооценку возможностей реализации трудового потенциала оказывает влияние и удовлетворенность трудом. В данном контексте практически по всем ее компонентам лидирует зона агломерации (табл. 4), что обусловлено кумулятивными преимуществами локального рынка труда двух крупнейших городов региона (доля позитивных оценок стабильно превышает 50%). Таким образом, удовлетворенность трудовой жизнью в целом снижается в направлении «центр – периферия». И в том и в другом случае исключение составляет только позиция в отношении деятельности профсоюзов, которые стремительно теряют свою популярность [Попов, Соловьева, 2023: 116]. Более высокие значения показателей на периферии по сравнению с ближайшим агломерационным окружением, возможно, обусловлены также тем, что уровень притязаний их жителей несколько ниже.

Рис. 3. Среднемесячная заработная плата и душевой доход в зависимости от близости территорий к агломерации, тыс. руб.

Источник: рассчитано на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018–2022 гг.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены разными аспектами вашей трудовой жизни...?»
(варианты ответа «вполне удовлетворен(а)» и «скорее удовлетворен(а), чем нет») (2022 г.), %

Вариант ответа	ЯА	АЗ	БАО	РП
Взаимоотношения в трудовом коллективе	79,3	82,8	56,8	61,5
Возможность сочетать трудовые и семейные / личные обязанности	75,7	76,4	54,2	56,4
Содержание выполняемой работы	75,4	70,7	47,5	59,0
Значимость организации для территории	73,2	72,4	43,2	47,4
Отношения с руководством организации	72,5	70,1	53,4	52,6
Техническая оснащенность рабочего места	69,8	78,7	44,1	65,4
Надежность вашего положения в организации	69,5	73,0	39,0	47,4
Соответствие квалификации выполняемой работе	68,2	63,2	39,0	47,4
Безопасность труда	67,1	77,6	36,4	66,7
Соблюдение трудового законодательства в организации	63,8	73,0	33,9	53,8
Полнота социального пакета	60,7	64,9	26,3	52,6
Возможность проявления новаторства и изобретательства	58,5	51,1	11,9	42,3
Возможность обучения, повышения квалификации	57,3	58,0	14,4	44,9
Внедрение инноваций в рабочий процесс / на рабочем месте	57,0	64,4	10,2	46,2
Размер заработной платы	56,5	53,4	19,5	57,7
Возможность участия в принятии управленческих решений	55,1	54,6	28,0	42,3
Возможности для карьерного роста	53,4	55,7	12,7	42,3
Работа профсоюзной либо иной рабочей организации	42,4	47,7	21,2	43,6

Примечание. ЯА – ядра агломерации; АЗ – агломерационная зона; БАО – ближайшее агломерационное окружение; РП – региональная периферия.

Источник: рассчитано на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 г.

Возможности проявления новаторства и изобретательства, внедрения инноваций в рабочий процесс, техническая оснащенность рабочего места, по мнению населения отдаленных районов, более ограничены, что в совокупности может сдерживать рост производительности труда. Ощутимый разрыв наблюдается и по ряду компонентов, отражающих устойчивость положения работников (надежность положения в организации, соблюдение трудового законодательства, полнота социального пакета и др.), которые, по всей видимости, вынуждены мириться с окружающей действительностью из-за отсутствия иных альтернатив безработице.

Сложившиеся условия во многом заставляют людей адаптироваться к реалиям повседневности и предпринимать определенные действия по улучшению своего положения как в трудовой, так и в повседневной жизни. При этом в зависимости от места проживания степень выраженности этих намерений различна (табл. 5). Жители крупных городов и прилегающих к ним территорий демонстрируют большую готовность к освоению новых знаний и навыков, изучению и использованию новых технологий на работе, повышению квалификации. При удалении от них ее уровень заметно снижается. Однако в отношении стремления организовать собственное дело жители региональной периферии более активны, что, вероятно, обусловлено их готовностью брать инициативу на себя в условиях наличия высокой доли «плохих» рабочих мест и в целом проблем с поиском работы.

В оценках повседневной жизни различия по линии «центр – периферия» не столь существенны, за исключением желания усвоить новые ценности и образцы поведения, характерные для современного образа жизни, что в первую очередь присуще населению городских агломераций. Намерение переехать в другой населенный пункт с более привлекательными условиями или заняться общественной и политической деятельностью не входит в круг первоочередных задач большинства жителей. И здесь возникает закономерный вопрос о том, почему миграционные настроения включают схожие показатели как в городских агломерациях, так и за их пределами. На текущем этапе исследования можно предположить, что взрослое население, несмотря на все бытовые трудности, остается преданным привычному для них укладу жизни и не спешит покидать родные

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Насколько вы готовы...?»
(варианты ответа «готов и уже реализую» и «готов»), 2022 г. (%)

Вариант ответа	ЯА	АЗ	БАО	РП
<i>Трудовая жизнь</i>				
Осваивать новые знания и навыки, лично и профессионально развиваться	72,0	59,6	50,3	51,0
Стать высококлассным специалистом	68,2	52,9	47,7	49,0
Изучать и использовать в своей работе и в быту новые технологии	64,8	61,8	47,0	33,7
Организовать собственное дело, семейный бизнес	39,9	34,2	30,5	45,9
<i>Повседневная жизнь</i>				
Усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни	57,5	52,4	44,4	34,7
Изучить иностранный язык	36,0	24,4	28,5	25,5
Переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями	28,0	31,6	23,2	30,6
Заняться общественной деятельностью	24,1	30,2	34,4	24,5
Заняться политической деятельностью	18,5	22,7	24,5	23,5

Примечание. ЯА – ядра агломерации; АЗ – агломерационная зона; БАО – ближайшее агломерационное окружение; РП – региональная периферия.

Источник: рассчитано на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 г.

места. Такая инертность в меньшей степени свойственна молодому поколению, отток которого – одна из ключевых причин поляризации регионального пространства.

Заключение. Исследование позволило по-новому взглянуть на внешнюю устойчивость российского рынка труда в условиях нестабильности последних лет. На основе агломерационного подхода, получившего широкое признание как в науке, так и на практике, были рассмотрены специфика и перспективы занятости, плохо поддающиеся изучению в силу ограниченности муниципальной статистики. Подобного рода ракурс не является типичным для тематики социально-трудовых отношений, однако способствует лучшему пониманию процессов, происходящих на периферии, развитие которой сопряжено с множеством вызовов и противоречий.

Результаты анализа свидетельствуют об устойчивости регионального рынка труда, что, помимо конъюнктурных изменений, выражается в преобладании признаков стандартной модели занятости (полный рабочий день, наличие бессрочного трудового договора, отсутствие вторичной занятости и т.д.). Особую обеспокоенность вызывает усиление барьеров, ограничивающих возможности осуществления трудовых и жизненных планов жителей отдаленных районов. Весьма закономерно, что вопросы занятости остаются ключевым фактором, определяющим привлекательность территорий, роль которого только возрастает при движении по оси «центр – периферия». Следствием этого являются центростремительная миграция населения и деградация трудового потенциала за пределами крупных городов. Это касается не только периферии, но и агломерационной зоны, а также ближайшего агломерационного окружения, которые, по сути, представляют собой «буферную» зону, или полупериферию, сочетающую черты обоих полюсов. В первом случае наблюдается тяготение к ядрам агломераций, а во втором – превалирование периферийных признаков.

Осознавая глубину демографических проблем, мы можем напрямую связать выход из сложившейся ситуации с созданием центров притяжения деловой активности, что будет стимулировать занятость на периферии за счет реализации промышленных, инфраструктурных и социально значимых проектов. Нельзя обойти стороной и важность поддержки предпринимательства, что весьма актуально для жителей отдаленных районов. Использование потенциала цифровизации также является перспективным направлением решения проблем на локальных рынках труда, поскольку предоставляет возможности для удаленной и платформенной занятости, фриланса и т.д.

Необходимо отметить, что при некоторых ограничениях исследования (неполный охват районов области и трудности, связанные со сбором информации на отдаленных территориях, особенно сельских [Лушникова, 2023: 131]) сформулированная гипотеза об ухудшении восприятия населением перспектив занятости и снижения готовности к изменениям в трудовой и повседневной жизни по оси «центр – периферия» в целом нашла свое подтверждение. Поиск более глубоких причин и сложившихся особенностей занятости на локальных рынках труда связан с более детальным изучением результатов массового опроса населения, а также анализом данных экспертного опроса специалистов отделений занятости и углубленных интервью с главами городских и сельских поселений в Вологодской области, что планируется на следующих этапах исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Былков В.Г. Социально-экономические предпосылки трансформации рынка труда в условиях введения беспрецедентных санкций // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 10. С. 1489–1508. DOI: 10.18334/et.9.10.116407.
- Ворошилов Н.В. Развитие городских агломераций на территории Европейского Севера России // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4(104). С. 54–74. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-4-54-74.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Шарунина А.В. Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. № 22(4). С. 489–530. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530.

- Зубаревич Н.В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 57–70. DOI: 10.31857/S086904990005814-7.
- Капелюшников Р.И. Анатомия коронакризиса через призму рынка труда // Вопросы экономики. 2022. № 2. С. 33–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-2-33-68.
- Катанандов С.Л., Межевич Н.М., Солодилов В.В. «Сельские агломерации» и «сельские ассоциации населенных пунктов» – возможные направления развития местного самоуправления на Северо-Западе России // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 9–17. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-9-9-17.
- Коломак Е.А. Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспект // Пространственная экономика. 2010. № 1. С. 26–35.
- Короленко А.В. Пространственные трансформации территорий России: тенденции и региональные различия расселения // Проблемы развития территории. 2023. № 27(1). С. 47–75. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.4.
- Костенко Е.П. Трансформация роли и функций HR в условиях новых экономических вызовов // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2021. № 12(4). С. 94–109. DOI: 10.17835/2078-5429.2021.12.4.094-109.
- Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Региональная дифференциация показателей человеческого потенциала // Экономика региона. 2015. № 4(44). С. 185–196. DOI: 10.17059/2015-4-15.
- Лушников О.Л. Трудовое поведение жителей удаленных сел Хакасии // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 129–134. DOI: 10.31857/S013216250022135-1.
- Попов А.В., Соловьева Т.С. Трансформация занятости в России в ракурсе межстрановых сравнений // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 1. С. 110–122. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.9.
- Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / Под общ. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой, С.Ю. Рощина. М.: ЦСР, 2017.
- Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений) / Под науч. рук. М.К. Горшкова, В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015.
- Сарайкин В.А., Никулина Ю.Н., Янбых Р.Г. Субъективное благополучие сельских жителей в России: факторы и их значимость // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 1. С. 71–105. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-71-105.
- Baumont C., Ertur C., Le Gallo J. Spatial analysis of employment and population density: the case of the agglomeration of Dijon 1999 // Geographical Analysis. 2014. Vol. 36. P. 146–176. DOI: 10.1111/j.1538-4632.2004.tb01130.x.
- Dauth W. Agglomeration and regional employment dynamics // Papers in Regional Science. 2013. Vol. 92. P. 419–435. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2012.00447.x.
- Fernandez R.M., Su C. Space in the study of labor markets // Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30. P. 545–569. DOI: 10.1146/annurev.soc.29.010202.100034.
- Holley D., Coulson K., Buckley C., Corradini E. Wellbeing in the workplace: exploring the VUCA approach // Journal of Learning Development in Higher Education. 2022. Vol. 25. DOI: 10.47408/jldhe.vi25.954.

Статья поступила: 19.04.23. Финальная версия: 08.07.23. Принята к публикации: 10.07.23.

EMPLOYMENT PROSPECTS FOR THE POPULATION OF RUSSIA ALONG THE CENTER-PERIPHERY AXIS (THE CASE OF VOLOGDA REGION)

POPOV A.V.*, SOLOVEVA T.S.*

*Vologda Research Center of RAS, Russia

Andrei V. POPOV, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher (ai.popov@yahoo.com); Tatiana S. SOLOVEVA, Senior Researcher (solo_86@list.ru). Both – Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia.

Acknowledgements. The reported study was funded by RSF within the scientific project no. 22-28-01986, <https://rscf.ru/project/22-28-01986/>

Abstract. Modern global trends are increasingly penetrating all areas of human activity, and in particular the world of work. However, the impact of these processes and capacity to adapt to their influence are significantly differentiated depending on the scale of the territory. The article analyzes the employment prospects of the population of the model area of Russia along the center-periphery axis. The information base is represented by official statistics and monitoring data on the quality of labor potential of the Vologda region population. Using the agglomeration approach, the authors show that, despite the external stability of employment, there are still unresolved problems that increase the intraregional disproportions. It is defined that the factors, in some way or another associated with employment (lack of opportunities for seeking jobs and quality education, low wages), largely influence the attractiveness of territories, and their importance increases moving from the cores of the agglomeration to the periphery. This in turn imposes restrictions not only on the possibilities of professional fulfillment, but also on life support processes, which explains population movements from remote areas to more attractive settlements in terms of employment. At the same time, the desire of people to improve their situation also differs depending on location. The population of the agglomeration is more willing to master new knowledge, technologies and patterns of behavior, while the residents of the periphery are inclined to implement entrepreneurial intentions.

Keywords: labour market, employment, employment transformation, urban area, rural area, center and periphery.

REFERENCES

- Baumont C., Ertur C., Le Gallo J. (2004) Spatial Analysis of Employment and Population Density: The Case of the Agglomeration of Dijon 1999. *Geographical Analysis*. Vol. 36: 146–176. DOI: 10.1111/j.1538-4632.2004.tb01130.x.
- Bylkov V.G. (2022) Socio-economic prerequisites for the transformation of the labor market in the context of the introduction of unprecedented sanctions. *Ekonomika truda* [Labor economics]. Vol. 9(10): 1489–1508. DOI: 10.18334/et.9.10.116407. (In Russ.)
- Dauth W. (2013) Agglomeration and regional employment dynamics. *Papers in Regional Science*. Vol. 92: 419–435. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2012.00447.x.
- Fernandez R.M., Su C. (2004) Space in the study of labor markets. *Annual Review of Sociology*. Vol. 30: 545–569. DOI: 10.1146/annurev.soc.29.010202.100034.
- Gimpelson V., Kapeliushnikov R., Sharunina A. (2018) Low paid jobs in the Russian labour market: does exit exist and where does it lead to? *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [HSE Economic Journal]. Vol. 22(4): 489–530. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530. (In Russ.)
- Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I., Roshchin S.Yu. (2017) *Russian labor market: trends, institutions, structural changes*. Moscow: CSR. (In Russ.)
- Holley D., Coulson K., Buckley C., Corradini E. (2022) Wellbeing in the workplace: exploring the VUCA approach. *Journal of Learning Development in Higher Education*. Vol. 25. DOI: 10.47408/jldhe.vi25.954.
- Kapeliushnikov R.I. (2022) The anatomy of the corona crisis through the lens of the labor market adjustment. *Voprosy Ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki]. Vol. 2: 33–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-2-33-68. (In Russ.)
- Katanandov S.L., Mezhevich N.M., Solodilov V.V. (2021) "Rural agglomerations" and "rural associations of settlements" – possible directions for the development of local self-government in the North-West of Russia. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting]. Vol. 9: 9–17. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-9-9-17. (In Russ.)
- Kolomak E.A. (2010) Interregional disparities in Russia: economic and social aspects. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. Vol. 1: 26–35. (In Russ.)

- Korolenko A.V. (2023) Spatial transformations of Russia's territories: Trends and regional differences in resettlement. *Problemy razvitija territorii* [Problems of Territory's Development]. Vol. 27(1): 47–75. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.4. (In Russ.)
- Kostenko E.P. (2021). Transformation of the role and functions of HR in the conditions of new economic challenges. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki* [Journal of Economic Regulation]. Vol. 12(4): 94–109. DOI: 10.17835/2078-5429.2021.12.4.094-109. (In Russ.)
- Lokosov V.V., Ryumina Ye.V., Ulyanov V.V. (2015) Regional differentiation of human potential indicators. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. Vol. 4: 185–196. DOI: 10.17059/2015-4-15. (In Russ.)
- Lushnikova O.L. (2023) Labor Behavior of Population from Remote Countryside of Khakassia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 3: 129–134. DOI: 10.31857/S013216250022135-1. (In Russ.)
- Popov A.V., Soloveva T.S. (2023) Employment transformation in Russia from the perspective of cross-country comparisons. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 26(1): 110–122. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.9. (In Russ.)
- Russian Society: Transformations in regional discourse (results of 20-year measurements)*. Ed. by M.K. Gorshkov, V.A. Il'in. Vologda: ISERT RAN. (In Russ.)
- Saraikin V., Nikulina Y., Yanbykh R. (2023) Subjective well-being of rural dwellers in Russia: Factors and Their Significance. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 24(1): 71–105. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-71-105. (In Russ.)
- Voroshilov N.V. (2021) Development of urban agglomerations in the European North of Russia. *Federalism* [Federalism]. Vol. 26(4): 54–74. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-4-54-74. (In Russ.)
- Zubarevich N. (2019) Inequality of regions and large cities of Russia: what was changed in the 2010s? *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World]. Vol. 4: 57–70. DOI: 10.31857/S086904990005814-7. (In Russ.)

Received: 19.04.23. Final version: 08.07.23. Accepted: 10.07.23.

© 2023 г.

С.Д. ЛЕБЕДЕВ, М. БЛАГОЕВИЧ, Л.В. ШАПОВАЛОВА

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ: К ПОНИМАНИЮ ПЕРСПЕКТИВ СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИИ

ЛЕБЕДЕВ Сергей Дмитриевич – кандидат социологических наук, доцент, руководитель лаборатории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия (serg_ka2001-dar@mail.ru); БЛАГОЕВИЧ Мирко – PhD (социология), главный научный сотрудник, руководитель Форума по религиозным вопросам (FOREL) Института общественных наук, Белград, Сербия (blagomil91@gmail.com); ШАПОВАЛОВА Людмила Владимировна – соискатель Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия (camerton27@yandex.ru).

Аннотация. В статье обосновывается видение авторами основных тенденций перспективной ревитализации религии в социокультурной среде обществ современности. Понимая ревитализацию как наращивание религиозными субъектами и институтами жизненного потенциала, необходимого для влияния на индивидуальном и коллективном уровне, авторы связывают ее возможность для конкретных религиозных объединений с несколькими глобальными социокультурными трендами, характерными для модернизированных обществ. Эти тренды имеют характер «вызовов», которым призвана соответствовать религия в формирующемся обществе будущего, и характеризуют запрос и реальные возможности религиозного «ответа». В содержательном отношении мейнстрим ревитализации религии, по мнению авторов, определяется социальным запросом на «духовность», понимаемую как осознанный радикальный постматериализм. Основная форма ревитализации религии задается трендом рефлексивности, находящем свое выражение в идейно-смысловом характере религиозной повседневности и значительной мере ее виртуализации. Перспективная логика развития религиозного мейнстрима связывается с «конструированием традиции», определяемым интеллектуализмом и институциональной ориентацией на человеческие отношения.

Ключевые слова: витальность религии • ревитализация религии • религиозность • религиозная ситуация • религиозная идентичность • духовность • рефлексивность • интеллектуализм в религии • человеческие отношения • поздняя Современность

DOI: 10.31857/S013216250027367-6

Введение. Проблематика религии в социологическом дискурсе вновь актуализируется. В последние десятилетия «исследования подчеркивают жизнеспособность священного на индивидуальном, групповом и институциональном уровнях» [Ciriani, Ricucci, 2020: 4]. Эту жизнеспособность проявляют как «старые», так и «новые» религиозные системы и течения, которые активизируют свою социальную деятельность и свое влияние, невзирая на истощение традиционной почвы своего воспроизводства и культурную маргинализацию религии светским мейнстримом. Эмпирические подтверждения этому тезису столь обширны, многообразны и наглядны, что авторитетные ученые на рубеже XX–XXI вв. заговорили о «десекуляризации» [Berger, 1999; Карпов, 2012] и о «постсекулярном обществе» [Хабермас, 2008; Узланер, 2020] как определяющих характеристиках

глобальных изменений в социально-религиозной сфере. Можно с достаточной уверенностью утверждать то, что в сколько-нибудь обозримом будущем религия будет сопутствовать человеческой жизни и так или иначе оказывать на нее влияние на всех уровнях социальной организации. Если же говорить об исторически долгосрочных прогнозах, то нельзя не принимать во внимание перспективы коренной глобальной трансформации культуры в сторону интегрального синтеза религиозных и «чувственных» ценностей, представленные в трудах П.А. Сорокина [2000; 1997].

Вместе с тем обстоятельства, когда, по словам П.Л. Бергера, сегодняшний мир вновь оказывается «ярко религиозен» [Berger, 1999: 2], пока что ставят перед социальной наукой больше вопросов, чем дают ответов. Пожалуй, главный «нерв» проблемной ситуации и вытекающего из нее комплекса исследовательских проблем заключается в неопределенности перспективы отношения между религией и тем долговременным и кардинальным по глубине мегатрендом социальных изменений последних трех столетий, который получил название «проекта Модерна». Будут ли религия и религиозность в своем мейнстриме адаптироваться к сформированной Модерном матрице социальных отношений, в духе веберовского «приспособления к миру», или же дадут жизнеспособные и влиятельные идеи ее трансформации? Сведется ли, во втором случае, это трансформирующее влияние к архаизации современных обществ, или же поможет найти «тесный путь» прорывного развития, интегрирующего лучшие культурные и общественные достижения настоящего и прошлого? И какие именно комбинации идей, практик и возможностей будут способствовать и сопутствовать разным путям социальной эволюции в условиях «множественных современностей»? От ответов на эти вопросы зависит прогноз развития не только религиозной ситуации в развитых и развивающихся странах, но и всей Современности. Задачей настоящей статьи, задуманной как начало цикла работ на тему эволюции религии в, прежде всего, российской современности, является «разметка вех», определяющих исследовательскую перспективу.

Методология. «Ревитализацию» следует понимать как обретение (возвращение) социальными субъектами, культурами и институтами «витальности», то есть жизненных сил, необходимых и достаточных не только для выживания, но и повышения своего «значения не только для индивида, но и для коллективных представлений и действий» [Благоевич, 2015: 3]. В рассматриваемом случае носителем таких жизненных сил выступает религия, за определение которой мы примем «устойчивое состояние массового сознания и поведения, основанное на сочетании: 1) представлений о священном как особой реальности, доступной только посредством веры; 2) переживаний и эмоциональных реакций, вызванных актами веры религиозной; 3) действий и объединений верующих для почитания и связи со священным» [Смирнов, 2017: 282–283]. Религия проявляется в многообразных формах вероисповеданий и существует в единстве своих субъектной (человеческой), культурной (смысловой) и институциональной (отношенческой) модальностей.

Определимся с содержательным аспектом витальности религии. Ряд влиятельных социологов определяют ее как степень воздействия религии на ментальные, мотивационные и поведенческие характеристики индивидов, что фактически приравнивает витальность религии к религиозности принадлежащих к ней верующих [Krech et al., 2013: 6–7]. Не оспаривая существенное «пересечение» этих понятий, тем не менее, считаем, что «витальность религии» – семантически более широкий концепт, где микросоциальный уровень (личностная религиозность) составляет ядро содержания, но не исчерпывает его. Витальность религии проявляется также на мезо- и макросоциальном уровнях отношений и выражается, помимо характерных манифестаций на каждом из них, в качественных характеристиках межуровневых связей.

Мы предложим в качестве «рабочего» определения витальности религии следующую формулировку. Витальность религии в социологическом ракурсе – качественно-количественная характеристика, отражающая характер и степень прямого и косвенного влияния религии на действия и взаимодействия людей в пространственно-временных границах

исследуемого социального объекта (группы, общности, социальной структуры, институциональной подсистемы, социума в целом) в заданный период его существования. Количественно витальность религии варьируется в пределах от условного нуля (примером здесь может быть религиозно-индифферентное сообщество интеллектуалов-скептиков) до условного максимума (сообщество «религиозных виртуозов» – например, монашеская община). Качественно она описывается характером влияния: здесь, в частности, могут быть предложены шкалы «прямое – косвенное» (через личностную религиозную мотивацию или помимо нее – через доверие и симпатии к религиозной традиции, сообществу и инициативам); «интегрированное – изолированное» (в содействии с другими социальными институтами, например государством, образованием, гражданским обществом, или только своими силами и средствами); «функциональное – дисфункциональное» (способствующее увеличению «общего блага», прежде всего, через социальную интеграцию, – или способствующее деструктивным процессам: возрастанию социальной напряженности, преступности, архаизации).

Вопрос витальности религии наиболее сложен и наиболее актуален на уровне общества как целостной автономной макросоциальной системы. В качестве ориентира для ее оценки здесь может быть взят глобально-исторический социокультурный подход П.А. Сорокина, выделявшего два полярных типа социокультурных суперсистем: идеациональную и сенситивную (чувственную). Общества, представляющие первый тип, характеризуются определяющим влиянием религиозных ценностей «абсолютного, вечного и нетленного» и соответствующих верований на все основные области и сегменты своей жизнедеятельности. Напротив, общества второго типа формируются и функционируют под определяющим влиянием ценностей и идей «эвдемонизма, гедонизма, утилитаризма, сенсуализма» [Сорокин, 2000: 57–64]. В идеациональной социокультурной среде религия определяет максимум смысложизненных ориентиров и институциональных правил человеческих взаимоотношений, влияя на них главным образом прямо и непосредственно. В чувственной социокультурной среде ее прямое влияние минимизируется, «сжимаясь» до специфически религиозного сегмента частной и общественной жизни¹.

Исходя из сказанного, повышение витальности религии в обществах современного типа мы предлагаем понимать как прогрессирующее возрастание ее влияния на субъектов, институциональные установления и культурные смыслы, образующие «ткань» этих обществ. Второй неотъемлемой стороной этого процесса является вовлечение разноплановых ресурсов социальной системы в орбиту прямого и косвенного контроля религиозной подсистемы. К таким ресурсам относится то, что в социологии принято называть «капиталами»: собственно экономические активы, социальные связи и влияние, культурно-смысловой тезаурус и символическая значимость. Чем выше значимость и больше объем контролируемых религиозной компонентой ресурсов всего социума, тем выше витальность религии в данном обществе.

Соответственно, витальность религии в социуме описывается через информационно-ресурсную модель со сложной системой обратных связей. Общий контур такой модели может быть представлен через вовлечение/дистанцирование в отношении «религиозного поля» конкретных социальных субъектов, пространства их связей и отношений и, в конечном итоге, их сугубо материальной подоплеки, основной движущей силой которого является мотивирующее воздействие «идей и верований» – базовых ценностей и смысложизненных ориентиров. Уровень и степень витальности религии в социуме определяется количеством и качеством вовлеченных в нее социокультурных активов, ключевым из которых является смысловой, – таково *первое отправное положение нашего подхода*.

---

¹ Здесь имеет место прямая аналогия с социальной организацией посредством политической власти, когда «экстенсивность взаимодействия может колебаться от тотальной, охватывающей все взаимоотношения между сторонами, до минимальной, ограниченной одним звеном» [Сорокин, 2000: 576].

Ревитализация явления предполагает, что в предыдущий исторический период его жизненные силы были так или иначе ослаблены, что применительно к религии означает принятие той или иной версии теории секуляризации. Поскольку задачи и объем данной статьи не позволяют углубляться в корпус теоретических истолкований секуляризации, мы примем за основу ее концепцию, которая может претендовать на *summa summaum* изысканий в этой области. Речь идет о формулировке секуляризации Ч. Тейлора, предложившего ее трехчастную модель:

1) «удаление религии из автономных общественных сфер» – экономики, политики, права и других основополагающих публичных пространств социального действия и взаимодействия;

2) «угасание религиозных убеждений и соответствующих практик», когда люди перестают верить в сакральное сверхъестественное и поклоняться ему, находя смысловые основания в светских ценностях и воззрениях (например, в «эксклюзивном гуманизме»);

3) принципиальное изменение положения религиозной веры, которая из безальтернативной традиции становится «одним из вариантов мировоззренческого выбора», причем «очень часто такой выбор оказывается не самым легким» [Тейлор, 2017: 3–4].

Исходя из этих определений, «витальность» религии в ходе модернизационных процессов Нового и Новейшего времени претерпела серьезные вызовы в трех взаимосвязанных измерениях: организационно-публичном, персонально-личностном и в третьем, связанном с усложнением архитектоники культурно-смыслового пространства. Соответственно, имеются основания для предположений, что, в силу этих сопряженных вызовов, в каждом конкретно-историческом случае религия могла понести урон своим «жизненным силам»; и то, насколько он был или не был причинен, зависит от особенностей среды и в первую очередь от того, как религия адаптировалась к новым для себя обстоятельствам.

В свою очередь, ревитализация как наращивание религией жизненных сил происходит либо в силу того, что процессы, несшие для них риски и угрозы, исчерпали себя, либо в силу адаптации религиозно-социального организма к изменившимся условиям «вмещающего контекста». Первое предполагает, что секуляризация подошла к логическому и историческому завершению, тогда как религия и религиозность в социокультурном плане не претерпели существенных качественных изменений. Однако оба эти тезиса вызывают большие сомнения. В соответствии с формулой Ч. Тейлора секуляризационные процессы продолжаются, как минимум, в своем третьем измерении: современность «отмечена неслыханным плюрализмом мировоззрений, религиозных и антирелигиозных, в которых множество возможных позиций, кажется, бесконечно возрастает» [Тейлор, 2017: 543]. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что можно назвать накопленной инерцией секуляризации – институциональные установления и культурные паттерны светского характера (по П. Сорокину, «чувственной культуры»), сформировавшие мейнстрим обществ Современности. Что касается собственно религиозной сферы, спектр произошедших в ней изменений весьма значителен: от появления множества «новых» и «нетрадиционных» вероучений и культов до виртуализированных и гибридных форм сознания и практик, от формирования масштабных течений «духовности», или «веры без принадлежности», с одной стороны, до распространения сопоставимого по масштабу феномена «принадлежности без веры» – с другой [Каргина, 2014: 208–233].

В данной связи заслуживает пристального внимания второе предположение: возрастание «витальности» религии в силу ее возросшей адаптированности к новым (позднемодерным) культурно-историческим условиям, когда факторы, ранее имевшие для нее характер индифферентный или даже негативный, становятся ресурсами и инструментами «повышения религией своего значения» в социуме (Ч. Тейлор). Иными словами, ревитализация религии в Современности допускается, несмотря на достигнутые результаты и последствия секуляризации и даже в существенной степени благодаря им. Однако ее следует

рассматривать не как неизбежность, но как возможность, к реализации которой конкретные религиозные сообщества и индивиды предрасположены в различной степени.

Как следствие, *вторым отправным положением* нашего методологического подхода будет то, что наличный уровень и потенциал достигаемой витальности религии в обществах современного (модерного) типа, определяющий «новое положение священного или духовного в отношении к индивидуальной и социальной жизни» [там же: 544], принципиально определяется ее адаптированностью к условиям вмещающего социокультурного контекста. Сказанное предполагает, что отношения между религией и секуляризацией, исходно выступившей одной из движущих сил формирования Современности, не сводятся к «игре до последнего гроша» [Хабермас, 2002: 120]. Им свойственна гораздо более сложная диалектика, в логике которой не только определенные типы религиозных проявлений могут способствовать секуляризации общества, но и, наоборот, определенные результаты и последствия секуляризации могут способствовать повышению витальности религии. Задачи социологии религии и смежных наук в данной связи концентрируются на выявлении и измерении соответствующих факторов в пространстве-времени различных обществ «поздней Современности».

Наконец, необходимо концептуальное понимание способа такой адаптации, подводящее к методологии эмпирического изучения предмета. Проявления религиозной ревитализации, особенно в поликонфессиональном обществе, многолики, противоречивы и мозаичны. Однако если принимать возможность ее дальнейшего прогрессирующего развития, в исторической перспективе они подчиняются универсальной закономерности системной интеграции. Последняя может быть обозначена как «рост степени синтеза порядка и хаоса, обусловленный стремлением к максимальной устойчивости» [Бранский, 2000: 500]. Принимая представление о социуме как открытой нелинейной диссипативной самоорганизующейся системе [Котельников, 2000: 80] и о религии как его подсистеме, подчиняющейся тем же закономерностям, следует поставить во главу угла функцию прогрессирующего упорядочения (согласования) в них процессов ревитализации религии в направлении «экономии энтропии».

В этой связи современные процессы наращивания ведущими религиозными объединениями экономических, организационных, социальных, отчасти политических и других ресурсов являют собой начальный уровень ревитализации, когда религия сохраняет позиции автономной периферии социальной системы. По большому счету, здесь со стороны последней «религия рассматривается не как религия, но именно как еще один функциональный ресурс» [Розати, 2014: 286], тогда как принятие решений задается критериями светской, секулярной культуры. Зрелый уровень ревитализации религии предполагает, что она сама в значительной мере «информационно регулирует» (Парсонс) эти критерии. В динамике системная интеграция общества определяется связкой двух факторов: социетального (рост степени синтеза социума в целом) и собственно религиозного (рост степени синтеза религиозных элементов), которые оказывают взаимно формирующее воздействие друг на друга. Социетальная система проводит все более согласованный отбор в свое ядро религиозных элементов, «созвучных» ее запросам на согласованность/минимизацию энтропии, а религиозная подсистема, по мере прохождения соответствующего фильтра, получает принципиально новый уровень возможностей для своего влияния на социальную систему через ее мейнстрим.

Этот формирующийся фильтр имеет в своей основе ментальную природу. Он представляет собой сложную систему диспозиций общественного сознания, обуславливающих возможность и вероятность принятия человеком, сформированным позднемодерными паттернами культуры и социальных отношений, смысложизненных ориентиров религиозного характера, не ведущего к десоциализации личности или культурному демпингу общества. Соответственно, адаптация религии к контекстам Современности, характеризующая ее витальность на уровне социума, определяется через соответствие проявлений

религии комплексу таких диспозиций. Сказанное представляет собой *третье отправное положение нашего методологического подхода*.

Дискуссия. Сосредоточим внимание на критериях, которые «фильтр» социальной системы предъявляет к религии, претендующей в ней на нечто большее, чем терпимая и время от времени востребуемая в качестве ресурса периферия. Можно предположить, что они проявляются в неких глубинных и устойчивых предрасположенностях массового сознания, подспудно складывающихся в фоновый, частью явный, частью неявный «образ будущей религии». Соответствующие установки формируют перспективную нишу, за которую разнообразные религиозные и гибридные социально-духовные образования, в различной степени рефлексируя этот факт, уже сейчас вступают в объективно обусловленную конкуренцию. Те из них, которые смогут ее занять, в дальнейшем получают возможность определяющего влияния на формирование конфигурации социокультурной системы.

Если говорить о характеристиках этого «фона», или «почвы», задающей культурную логику смыслообразования в точке встречи религии и поздней Современности, узловыми, то есть наиболее научно фундированными и эвристичными, нам представляются несколько концептов. Из их числа могут быть выделены универсалии «духовности», «рефлексивность» и «конструирование традиции». Понятие «духовность» описывает инвариант содержания, задаваемый ключевыми социальными ожиданиями от религии; понятие «рефлексивность» – преобладающую форму утверждения религии в обществе современности; понятие «конструирование традиции» – перспективную логику ее развития в современной социальной среде.

1. «Духовность». Первый «кит» ревитализирующейся религиозности в мире Modernity, который характеризует массовый устойчивый запрос на ее содержательные приоритеты, – «духовность». Быть «духовным» (spiritual) в наиболее обобщенном современном понимании означает «испытывать интерес к нематериальным ценностям и иметь более широкий и глубокий взгляд на жизнь» [Руткевич, 2014: 45]. Е.Д. Руткевич отмечает, что это понятие введено в социологический дискурс под давлением потребности «анализировать те аспекты религиозной жизни индивида, которые потерялись за спорами о секуляризации: неформальные и неортодоксальные практики и организации, личный опыт, индивидуальное творчество, “рынок религиозных/ духовных товаров”, религиозные дискурсы», для чего науке «потребовалась отличная от “религии” концептуализация» [там же: 41]. Первоначально концепт «духовность» и его производные имели широкое применение в христианской теологии, начиная с Посланий апостола Павла, где они характеризовали человека, возрастающего в Святом Духе, – в противоположность человеку «плотскому» и человеку «душевному». Эта дуальная оппозиция хорошо «легла» в конце XIX в. на антагонизм старых ценностей буржуазно-обывательского материализма и новых ценностей свободно-спонтанного творческого поиска жизненных форм. Во второй половине XX в. она была вновь акцентирована молодежными движениями тогда юного поколения «бэби-бумеров» [Roof, 1993] и вылилась в устойчивый «мегатренд», существенно изменивший религиозную ситуацию стран «первого» и «второго» мира.

Не вдаваясь в дискуссию об определении и типологизации «духовности» в современной науке о религии, что, ввиду обширности материала, не укладывается в рамки данной работы, считаем возможным сформулировать рабочее определение «духовности» как современного социопсихологического тренда, в терминах «осознанного радикального постматериализма». Постматериализм² здесь означает эмоциональную и идейную реакцию на терпящий кризис ценностный мейнстрим «перестойного чувственного», говоря словами П.А. Сорокина, западного общества конца XIX–XX в., выливающуюся

² Р. Инглхарт характеризует постматериалистические ценности как такие, «когда на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни» [Инглхарт, 1997: 7]. В радикальном случае – это поворот от ориентации на «процветание» (Ч. Тейлор), материальные блага, к сверхценности сакрального Начала, вдохновляющего человека на обновление всей жизни.

в интенсивный поиск альтернативных ценностей и смыслов, способных наполнить и обновить человеческую жизнь. Он радикален, как бунт чувствующего и мыслящего существа против исчерпавших себя в экзистенциальном плане рутинизированных жизненных смыслов и практик, «не дающих воды изнуренной твоей глубине, жаждущей жизни иной». Наконец, он так или иначе осознан, осмыслен в широком диапазоне форм – от рафинированной философии до наивной мифологии и от спектра видов и жанров художественного творчества до строгих концептуальных построений.

В работах исследователей, представляющих «социологию духовности», можно усмотреть тенденцию противопоставления этого явления «классической», институционализированной религии и религиозности [Zinnbauer, Pargament, Scott, 1999: 901–903]. С нашей точки зрения, такое противопоставление оправдано только в относительном, методологическом «формате» при характеристике конкретных исследовательских ситуаций. Как отмечают Р. Чиприани и Р. Рикуччи, «граница между религиозным и духовным становится все более нечеткой, менее однозначной» [Cipriani, Ricucci, 2020: 4]. Абсолютизация этой границы имеет причиной и результатом неверное понимание реальной живой диалектики религиозной жизни в современном мире. Социодинамика религиозной традиции, как это показала Ю.Ю. Синелина на примере исторических циклов православия в России Нового времени, включает «духовность» (в формах религиозного синкретизма и философского идеализма) в качестве компоненты и в качестве стадии своего развития [Синелина, 2011: 103–104]. Текущие, «виртуальные» проявления религиозности в благоприятных условиях склонны институционализироваться и «овеществляться» в том числе во вполне традиционные по форме паттерны социальных отношений. И напротив, деинституциализация «старых» религиозных структур не тождественна необратимому распаду религиозности как таковой, как это видели радикальные теоретики секуляризации. Во многих случаях здесь происходит ее переход в латентное состояние «невидимой» (Т. Лукман), «имплицитной» (Э. Бейли) или «диффузной» (Р. Чиприани) религии, тогда как суммарный «объем религии» социума, по-видимому, остается константой [Stark, Bainbridge, 1985: 2–3]. Как представляется, на этом ресурсе высвобожденной «духовности» в существенной мере основывается религиозный «бум» («ренессанс», «ревитализация» религий) последних десятилетий XX – начала XXI в.

Если говорить о современной ревитализации религий, то ее главной содержательной интенцией представляется «духовный» вектор – то есть, в предложенном здесь понимании, осознанный и радикальный постматериализм. Его сакральным эпицентром выступает трактуемое тем или иным образом мистическое Начало начал, осяцающее/очищающее от скверны, связанной с пороками современной цивилизации в различных ее проявлениях. Применяя концептуальную схему культурсоциологии Дж. Александера, можно сказать, что первоначально в переживании новообращенного верующего устойчиво актуализируется «силовое поле» триады смыслов: «тяга к сакральному – страх осквернения – необходимость очищения» [Александр, 2013: 55].

Импульсом, смещающим ключевые смыслы и формирующим устойчивую ситуацию такого преломления ценностей, выступает явление, получившее в современной социологии название «травмы». Это «результат острого дискомфорта, проникающего в самую середину ощущения сообществом собственной идентичности» [там же: 275]. Речь идет об остром негативном переживании оскорбления неких высших ценностей и нарушения ключевых норм человеческого существования, сопряженном с ясной и устойчивой концепцией, задающей нарратив «спасительного» пересмотра идентичности. Люди должны пережить «чувство шока и страха», так чтобы сами основополагающие для них структуры жизненного смысла, его глубинные сакральные основания оказались «нестабильными и поврежденными» [там же: 274]. Такое чувство концентрируется и артикулируется настроениями, что наше общество – «совершенно обескровленное, циничное, мертвое, общество, верящее в глупые ничтожные материалистические мифы, не дающие ничего

ни уму, ни сердцу»³. Ему «категорически не хватает чуда», поэтому все чаще люди готовы «с головой броситься в любую ересь или секту, лишь бы уйти от пресного, невыносимо скучного мира» (там же). В этой ситуации экзистенциального кризиса нам свойственно переоценивать ценности, искать, переоткрывать и изобретать смысложизненные ориентиры, ощущаемые как «Путь, Истина и Жизнь», обретение которых ощущается как залог сохранения и усиления собственной витальности.

Так возникает или переживает второе рождение сакральное отношение – религиозное чувство, которое при благоприятных микро- и макросоциальных условиях тяготеет к закреплению и опредмечиванию в религиозном комплексе: символах и концептуальных построениях (религиозном знании и атрибутике), человеческих объединениях (религиозных группах), паттернах социального действия (религиозных, прежде всего, ритуально-культурных, актах) и взаимодействия (религиозных институтов). В рамках всеобъемлющего универсума религиозной традиции домодерных обществ такие травматические переживания вели либо к углублению в «свою» религию, либо к уходу во внешнюю (апостасия) или внутреннюю (ересь) религиозную альтернативу. В современной ситуации «спиритуального супермаркета» выбору доступен несравненно более широкий спектр религиозных и квазирелигиозных направлений, а также возможность многообразных комбинаций и рекомбинаций их элементов [Эрвье-Леже, 2015: 254–268]. Попадая на почву множественных рисков и турбулентных социальных изменений, этот идейный арсенал актуализирует в сознании людей религиозные смыслы через переживание культурной травмы и поиски спасительного духовного, экзистенциального обновления.

2. *Рефлексивность*. Второй, формальный, точнее сказать, инструментальный «кит», на котором, на наш взгляд, основывается современная ревитализирующаяся религиозность, может быть обозначен как «рефлексивность». Последняя, согласно Э. Гидденсу, понимается как «постоянная обращенность социальных акторов на самих себя и социальный контекст, в котором они находятся» [Гидденс, Саттон, 2019: 68]. Рефлексивность, в отличие от более обобщенного понятия рефлексии как «управления мышлением», выражается в характерных для поздней Современности систематических практиках переосмысления своей позиции и действий в широком спектре жизненных ситуаций: от сугубо частных и прикладных до имеющих смысложизненное значение [Лебедев, 2012: 131]. Такая перманентная социальная рефлексия связывается социологической мыслью с постоянной необходимостью выбора, со ставшими повседневной нормой ситуациями «открытого принятия решений» и «указывает на тот факт, что нам постоянно приходится думать или размышлять об обстоятельствах, в которых мы проводим жизнь» [Гидденс, 2005: 585].

В этой связи религиозность в обществах современности характеризуется тем, что может быть определено как «рефлексивная идентичность». Идентичность – «ключевой элемент субъективной реальности» [Бергер, Лукман, 1995: 279] – понимается здесь как основание самосознания социального субъекта, выражающее его/ее осознанную принадлежность к некоторому социальному единству (группе, общности, сообществу, социуму). Соответственно, рефлексивная идентичность формируется в ситуации, где человек может и вынужден выбирать между несколькими сообществами, соотнося принадлежность к ним со своими жизненными ценностями, целями и возможностями. Как массовое явление, она специфична для мира поздней Современности, и ее определяющей особенностью выступает своего рода «дедуктивность», когда самоопределение человека не столько складывается исподволь из всего фона повседневности жизни и принимается как данность, сколько задается себе через интенсивное осмысленное переживание и часто драматичный выбор.

---

³ Дугин Александр: Настоящее Православие – это настоящее живое, светлое Чудо // https://tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-nastojashhee-pravoslavie-jeto-nastojashhee-zhivoe-svetloe-chudo_40351 (дата обращения: 09.05.2023).

Поскольку, подчеркивает Ч. Тейлор, «религиозная вера теперь существует в сфере выбора, включающей различные формы возражения и отклонения» [Тейлор, 2017: 543], сказанное распространяется и на нее. Применительно к религии, рефлексивность выражается в ее изначальной опредмеченности, заданности воспринимающему сознанию человека не столько «изнутри», как собственная, по умолчанию разделяемая установка, сколько «извне», как объективированное явление социальной жизни. Как таковая, она может быть принята/отвергнута как «лишь одна из открытых для человеческого выбора возможностей» [там же: 5], и ее принятие или отвержение, а также их конкретные формы зависят от «ключа», с которым субъект подходит к, выражаясь словами В.В. Налимова, распаковке ее семантического континуума.

Этот «ключ» формируется в сознании современного человека фоновой светской социокультурной средой, которая в отношении религии может варьироваться от умонастроенной жесткой конфронтации до благожелательного интереса, доверия и симпатии. Тем не менее константой остается существенный изначальный перенос фокуса внимания с «управляемого» на «управляющее», с цели на средство [Голицын, Петров, 2005: 89]. Собственно религиозные смыслы, концентрирующие и раскрывающие отношение к священному сверхъестественному (П.Л. Бергер), здесь объективируются в качестве «управляемого», тогда как «управляющим» выступает сформированный блок некоторых стереотипных представлений о религии вообще и ее наиболее актуальных версиях в частности. Именно это обстоятельство создает ситуацию, когда «вера, даже для самого твердого из верующих, является лишь одной из открытых для человеческого выбора возможностей» [Тейлор, 2017: 4], и при этом «пропорция веры меньше, а пропорция неверия – шире, чем когда-либо раньше» [там же: 543]. Что касается типичной для современности динамики формирования религиозной идентичности, она выражается в первичности акта внешней социальной оценки, переходящей в самоидентификацию относительно конкретной версии религии и, в случае положительного выбора, в формирование диспозиций религиозного сознания [Шаповалова, 2022: 73].

Данное свойство современной религиозной идентичности имеет, по меньшей мере, два значимых следствия. Первое из них состоит в распространении и рутинизации ситуаций переноса действия из объективно существующего пространства/времени реальных практик и отношений в «чертоги разума». Она проявляется в упреждающем (на практике – зачастую замещающем) дублировании социальных явлений их симуляциями, или виртуальными аналогами. Д.В. Иванов отмечает, что процессы виртуализации в обществах современности на рубеже XX–XXI вв. привели к эффекту «дополненной реальности» социальной жизни. Это явление характеризуется «взаимопроникновением разных социальных реальностей и интеграцией физических и цифровых, материальных и символических, ... модернистских и постмодернистских компонент человеческого существования» [Иванов, 2020: 51]. С учетом универсальной закономерности, обозначенной Р. Мертоном как «теорема Томаса» (если ситуация определяется участниками как реальная, то она реальна по последствиям), практически везде, где появляется возможность определить как реальное некоторое вымышленное сообщество, практику, человека и/или отношения с ним, соответствующие продукты рефлексии начинают в той или иной мере корректировать реальные установки и поведение людей, тем самым обретая своеобразное воплощение в социальной действительности. Такие эффекты комбинируются с эффектами от явлений, существующих и действующих в реальном пространстве и времени. Рефлексивность современного общества и, следовательно, религии в нем проявляется в формах и явлениях «дополненной» социальной реальности, распространяющихся в массовых масштабах.

Соответственно, дополнение реальности плодами виртуализации понимается нами здесь не столько как уход культовой и внекультовой активности верующих в электронные коммуникации и развитие практик религиозной миссии в социальных сетях, сколько более фундаментально. Можно утверждать, что в религии оно проявляется в замене большей или меньшей части опривыченных «весомых, грубых, зримых» социальных оснований

религиозной жизни емкими смыслообразами, выполняющими те же основные функции, но действующими во внутреннем, интериоризированном пространстве человеческого сознания. В первую очередь это касается референтных для верующего религиозных сообществ⁴. Эффект «дополненности» в религии выражен, главным образом, в часто реализуемой возможности замены или подмены реального религиозного сообщества его виртуальным эквивалентом – более или менее отчетливо артикулируемым смыслообразом, который может и не иметь объективно существующего коррелята либо быть связанным с ним весьма косвенно и опосредованно [Лебедев, 2020: 85–104].

Второе следствие состоит в том, что такой рефлексивной идентичности свойственна принципиальная незавершенность. П. Донати констатирует, что сегодня религиозное чувство и идентичность «все менее принадлежит стабилизированным (устоявшимся во времени) культурам и все более трансформируется в поиск» [Донати, 2019: 171]. В.А. Ядов диагностирует соответствующий тип идентичности формулой «контекстуально-лабильная идентификация как норма» [Ядов, 2019: 509]. З. Бауман помещает ее в более широкий контекст, отмечая, что реалиям глобализирующегося мира отвечает процесс идентификации, «никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости или сознательно вовлечены» [Бауман, 2002: 192]. Это связано с тем, что многочисленные стабилизирующие ограничения, накладываемые контролем со стороны реальной группы единоверцев, здесь чаще всего отсутствуют или присутствуют в существенно ослабленных версиях. Взамен перед личностью раскрывается обширное поле творческого поиска с перспективой «радости узнавания» и построения собственной, аутентичной религиозной Вселенной.

Возникающая тоска по устойчивости и усталость от неопределенности закономерно порождают идеалы совершенной жизни, в которых достигают предела устойчивости и определенности. В этой связи «Традиция», с которой ассоциируется «остановленное мгновение» идеализированной жизни предков или «совершенных людей» (реальных или мифических), может выступать и часто является для современных верующих таким идеалом [Кавыкин, 2007: 85]. Однако средства его достижения диктуются не характером идеала, а подоплекой социальных реалий, которая в данном случае ему полярна. Практика же определяется характером средств. Поэтому с большой вероятностью следует предположить, что типично современная религиозность латентно стремится не столько к сохранению, восстановлению или открытию той или иной «аутентичной» духовно-религиозной системы, сколько к сверхцели бесконечного приближения к идеальному состоянию устойчивой и гармоничной наполненности жизненным смыслом, сообщающим человеку «цель-принцип» существования [Тощенко, 2018: 201–202]. Это делает рефлексивную религиозность укладывающейся в универсальный для «индивидуализированного общества» тренд открытости в будущее [Бауман, 2002: 192].

3. «Конструирование традиции». Третий «килт» ревитализации религиозности в мире современности описывается концептом «(социальное) конструирование». Определяющей для религиозного импульса выступает целевая интенция преодоления хаоса – упорядочения мира. Как отмечает У. Руф, «современные поиски духовности – это проявление стремления реконструировать внутреннюю жизнь» [Roof, 1993: 35]. Соответственно, поиск духовных оснований и рефлексивная идентичность верующего современного типа выстраиваются в ходе такого (ре-)конструирования его внутренней жизни, при благоприятных условиях перерастающего в конструирование реального социального пространства/времени его жизненного мира от микро- до макроуровня включительно. Ключ к пониманию перспективной логики его выстраивания задается несколькими трендами. Здесь

⁴ И.Г. Каргина отмечает в этой связи, что значительная часть современных верующих «убеждены в том, что можно быть и оставаться верующим и без активного участия в деятельности какой-либо церкви» [Каргина, 2014: 47].

мы акцентируем такие направления социальных ожиданий, как «интеллектуализм» и «ориентация на человеческие отношения».

Интеллектуализм. Первый тренд в значительной степени вытекает из свойства рефлексивности и выражается в том, что, по словам Р. Беллы, «религиозные группы больше не могут принимать на веру традиционные обязательства. Все унаследованное от прошлого становится предметом тщательного изучения и проверки, а мотивы для такого принятия подвергаются внимательному рассмотрению, особенно со стороны наиболее подготовленных умов из числа членов самих религиозных групп» [Белла, 1996: 675]. Этому способствуют «меньшая значимость религиозного авторитета. Гибкие правила, ситуационная этика. Акцент на смысле и назначении жизни» [Инглхарт, 1997: 22, Табл. 1]. Характерно, что сказанное относится и к проявлениям идейно-религиозного традиционализма: в основе его концептуальных построений лежат вполне современные интеллектуальные продукты [Шиженский, 2015], что делает такой традиционализм явлением парадоксального свойства.

Помимо общей современной доминанты рефлексивности, не зависящей от развитости интеллекта рефлексирующего субъекта и уровня его подготовки, и ослабления контроля со стороны религиозных институций, к такого рода критическому пересмотру и реконструированию религиозного наследия предрасполагают культурные характеристики носителя религии. Социальную основу современных религиозных явлений и процессов чаще всего составляют люди, живущие в больших городах, достаточно образованные, по своему образу жизни и мышления максимально удаленные от архаично-традиционных практик и отношений. Такая социальная база, состоящая из «тех, кто занимает наиболее специализированные позиции, связан с контактами на большие расстояния и координирует различные части целого» [Коллинз, 2009: 200], оптимально предрасположена к продуцированию абстрактных идей. Поэтому религия у людей современного типа, почти независимо от ее исходного содержания, в значительной и возрастающей степени представляет собой религию интеллигенции и интеллектуалов – людей, по определению М. Вебера, «превращающих концепцию “мира” в концепцию “смысла”» [Вебер, 1994: 171]. Как отмечал Р. Белла, «этой постоянно расширяющейся и все более влиятельной группе требуются тонкие, недогматические системы мысли с высоким уровнем самопознания» [Белла, 1996: 674–675]. Обретение религиозной идентичности здесь начинается с рефлексивной мыследеятельности, находящей выражение в интеллектуальном творчестве [Синелина, 2011: 278–282], и в дальнейшем она подкрепляется и развивается во многом через интеллектуальные практики – чтение религиозно-философских текстов, размышления, мировоззренчески ориентированную коммуникацию.

В этой связи значимым видом «капитала», обуславливающего жизнеспособность и перспективное влияние религий, конфессий и конкретных религиозных объединений, представляется их рефлексивный потенциал [Лебедев, 2012: 29–42]: способность религиозного сообщества творчески развернуть смыслы своей традиции к пониманию и решению значимых общественных и культурных проблем – так, чтобы эти смыслы могли быть востребованы и более широкой внешней общественностью. Носителями рефлексивного потенциала выступают наиболее образованные и социально активные группы представителей религиозных сообществ, способные к такой, в терминах В.В. Налимова, «распаковке семантического континуума» своей религии, которая будет способствовать ее притягательности для широкой общественности не только как любопытной экзотики или музейной ценности, но в качестве «основополагающего ресурса для решения... социальных проблем или нарушений в коллективном сознании» [Александр, 2013: 301]. Речь идет, прежде всего, о выработке на религиозной основе действенных нравственно-этических систем, адаптированных к контекстам современных сообществ. Во вторую очередь, речь идет о мотивационных моделях социальной интеграции и общего целеполагания – в том числе о политических и гражданских идеологиях. И в более отдаленной, но реальной перспективе речь может заходить о глубоком переосмыслении концептуального, мировоззренческого и выразительно-символического богатства религиозных

традиций с целью обогащения социума, длительное время погруженного в «чувственную» (П.А. Сорокин) культуру, новыми для него измерениями смысла.

Человеческие отношения. Второй важный тренд современного ре-конструирования религии, как представляется, вытекает из свойства духовности. Его характеризует теоретическая концепция «реляционности» П. Донати, обосновывающая в качестве базового социального института характер отношений между людьми.

П. Донати рассуждает в духе неофункционализма, предлагая рассматривать современные экспериментальные формы социальной организации как системную реакцию на возможный крах существующего типа современного общества по причине «кризиса его интеграции на социальном и системном уровне» [Донати, 2019: 44]. В результате такого кризиса общества «значительные его части запускают морфогенетический процесс создания сетей отношений, в которых принцип функционализма заменяется другими принципами» [там же]. К этой категории едва ли не в первую очередь могут быть отнесены личности и группы – представители «старых» и «новых» религий, утверждающие на практике идеалы любви к ближнему, бескорыстия и взаимопомощи. В качестве основного принципа здесь выступает утверждение приоритета ценности социальных отношений «как отличительного критерия новой социальной молекулы», которая должна прийти на смену современному ценностному приоритету прагматической «адаптации» [там же]. По существу, указанная теория представляет современное развитие положений, высказанных в середине прошлого столетия П.А. Сорокиным. Констатированный Сорокиным долговременный исторический тренд на смену изживающей себя «чувственной» фазы культуры «интегральной» фазой, где во главу угла станут идеалистические ценности, совпадает с глубинным запросом общества и культуры на принцип «творческой неэгоистической любви», выработанный христианством и другими мировыми религиями и философско-этическими системами [Сорокин, 1997: 78–79].

В логике рассуждения П. Донати, всякая религия настолько имеет перспективы к утверждению и влиянию в обществе будущего, насколько она сможет предложить в качестве живого образца новую матрицу социальных отношений, где нормой жизни будет высокое качество самих этих отношений (христианское «возлюблю ближнего своего, как самого себя») и где соответствующая ценность будет одной из основополагающих в системе его сакральности. Чтобы иметь на это шансы, религиозное сообщество призвано осознанно выбрать соответствующий приоритет своей деятельности. Упор на развитие и «продвижение» культа и религиозных организационных структур или на социально-политическую активность может дать религии и отдельной конфессии кратко- или среднесрочные преференции, повышая ее адаптированность к доминирующей секулярной среде, но в стратегической перспективе он чреват «догоняющим» путем, на котором религия обречена оставаться маргинальной – «этнографическим заповедником» в первом случае и «радикальной» частью политического спектра во втором. Это относится и к сугубо интеллектуальной составляющей развития религиозных доктрин. Перспективу выхода из микро- и мезосоциального измерений в макросоциальное религия может обрести только на пути выработки новых жизнеспособных паттернов человеческих отношений, которые были бы способны лечь в основание ключевых социальных институтов общества будущего. Насколько существующие и возникающие религиозные системы окажутся состоятельными на этом пути – покажет время.

Заключение. Социологическое видение витальности религии в контексте перспектив формирования религиозной ситуации в мире Модерна связано с развитием взаимодействия религиозной компоненты социума с ее системным контекстом. Применительно к значительной части «множественных современностей», включая российскую, этот вопрос может быть поставлен в ключе ревитализации религии, в той или иной мере ослабленной модернизационными изменениями. Витальность религии предлагается рассматривать через вовлеченность в нее социокультурных активов («капиталов») в рамках исследуемого фрагмента социальной реальности и определять по критерию адаптированности

к условиям вмещающего социокультурного контекста. В свою очередь, перспективную адаптацию к контекстам поздней Современности, характеризующую витальность религии на уровне социума, предлагается определять через соответствие проявлений религии комплексу диспозиций массового сознания, задающих основные критерии религии, которая могла бы сформировать интегральный мейнстрим будущего общества. Речь идет о предположительно устойчивых долговременных установках, обуславливающих возможность принятия современным человеком религиозных смысложизненных ориентиров без ущерба для его социализации и уровня культуры сообщества. К таким идеально-типическим ожиданиям, определяющим содержание, форму и перспективную логику развития «религии будущего» в первом приближении, следует отнести: «духовность» как стремление к идеалу осознанного радикального постматериализма, рефлексивность как осмысленный выбор религиозной идентичности на основе объективированного «образа религии» и «конструирование традиции», значимыми свойствами которой представляются интеллектуализм и ориентация на приоритет человеческих отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Белла Р. Основные этапы эволюции религии в истории общества // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 665–677.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Благоевич М. Десекуляризованное общество как показатель витальности религии // Сетевой журнал «Научный результат». Сер. Социология и управление. 2015. Т. 1. № 4(6). С. 3–7.
- Бранский В.П. Искусство и философия. Калининград: Янтарный сказ, 2000.
- Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ) // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 78–446.
- Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл: пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. 2-е изд. М.: ВШЭ, 2019.
- Голицын Г.А., Петров В.М. Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции. Информационный подход. М.: КомКнига, 2005.
- Донати П. Реляционная теория общества: Социальная жизнь с точки зрения критического реализма. М.: ПСТГУ, 2019.
- Иванов Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9.
- Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // ПОЛИС. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.
- Кавыкин О.И. Родноверы. Самоидентификация неоязычников в современной России. М.: ИА РАН, 2007.
- Каргина И.Г. Самоидентификация верующих: социальная мотивация // Социологические исследования. 2004. № 1(237). С. 45–53.
- Каргина И.Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма. М.: МГИМО-Университет, 2014.
- Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 114–164.
- Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: Территория будущего, 2009.
- Котельников Г.А. Теоретическая и прикладная синергетика. Белгород: БелГТАСМ; Крестьянское дело, 2000.
- Лебедев С.Д. Виртуализация религиозного сообщества как ключ к пониманию эволюции социологических концепций религиозности // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4. № 3(15). С. 85–104.
- Лебедев С.Д. Рефлексивный потенциал православной культуры в России, 1990–2000-е гг.: к социологическому анализу проблемы // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 129–142.
- Руткевич Е.Д. Социология духовности: проблема становления // Вестник Института социологии. 2014. № 2(9). С. 36–65.

- Синелина Ю.Ю. Циклы секуляризации в истории России. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
- Смирнов М.Ю. Религия // Энциклопедический словарь социологии религии / Под ред. М.Ю. Смирнова. СПб.: ПФО, 2017. С. 282–284.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000.
- Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.
- Социология Ядова: Методологический разговор. М.: Новый Хронограф, 2019.
- Узланер Д.А. Постсекулярный поворот: как мыслить о религии в XXI веке. М.: Ин-т Гайдара, 2020.
- Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М.: Весь Мир, 2002.
- Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? // Российская философская газета. 2008. № 5(19). С. 1–2.
- Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни: поиск ответов на научные и общественные вызовы // Дмитриев А.В., Иванов В.Н., Тощенко Ж.Т. Социологическая мозаика – 2018 / Предисл. М.К. Горшков. М.: КНОРУС, 2018. С. 147–221.
- Шаповалова Л.В. Отношение к религии: социологические контексты анализа // Социология религии в обществе позднего модерна. 2022. Т. 11. С. 68–76.
- Шиженский Р.В. Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н.Н. Сперанского). 2-е изд., испр. и доп. Н. Новгород: Поволжье, 2015.
- Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1(33). С. 254–268.
- Berger P.L. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Wm.B. Eerdmans Publishing Company, 1999.
- Cipriani R., Ricucci R. Introduction. Discussing religions in a globalized world. Trends, changes and novelties // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 3. С. 4–8.
- Krech V., Hero M., Huber S. et al. Religious Diversity and Religious Vitality: New Measuring Strategies and Empirical Evidence // Interdisciplinary Journal of Research on Religion. 2013. Vol. 9.
- Roof W.C. A generation of Seekers: The Spiritual journeys of the baby boom generation. San Francisco: Harper, 1993.
- Stark R., Bainbridge W. The future of religion. Berkeley, CA: University of California press, 1985.
- Zinnbauer B., Pargament K., Scott A. The emerging meanings of religiousness and spirituality: Problems and prospects // Journal of Personality. 1999. Vol. 67(6): 879–919.

Статья поступила: 07.03.23. Финальная версия: 12.06.23. Принята к публикации: 02.07.23.

REVITALIZATION OF RELIGION: TOWARD AN UNDERSTANDING OF THE PERSPECTIVES OF THE MODERN RELIGIOUS SITUATION

LEBEDEV S.D.*, BLAGOEVICH M.**, SHAPOVALOVA L.V.*

*Belgorod State National Research University, Russia; **Institute of Social Sciences, Serbia

Sergey D. LEBEDEV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Head of the Laboratory, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia (serg_ka2001-dar@mail.ru); Mirko BLAGOEVICH, PhD (Sociol.), Chief Researcher, Head of the Forum on Religious Issues (FOREL), Institute of Social Sciences, Belgrade, Serbia (blagomil91@gmail.com); Lyudmila V. SHAPOVALOVA, Applicant, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia (camerton27@yandex.ru).

Abstract. The article discusses the issue of the prospects for religion in late modern societies. The concept of the progressive revitalization of religion is seen as a qualitative increase in its influence on the social system through the value and semantic transformation of the sociocultural mainstream. To achieve this, religious systems must go through the "razor's edge" between maintaining their semantic and institutional core and maximum adaptation to the complex of deep societal demands formed by the Late Modernity. Several attitudes of mass consciousness are discussed as such predispositions, forming the niche of the "religion of the future": request for "spirituality"; imperative of reflexivity; social expectations of intellectualism and focus on human relations. In terms of content, the mainstream of the revitalization of religion, according to the authors, is determined by the social demand for "spirituality", understood as a conscious radical post-materialism. The main form of the revitalization of religion is set by the trend of reflexivity, which finds its expression in the ideological and semantic nature of religious everyday life and a significant degree of its virtualization. The perspective logic of the development of the religious mainstream is associated with the "construction of tradition", determined by intellectualism and institutional orientation towards human relations.

Keywords: vitality of religion, revitalization of religion, religiosity, religious situation, religious identity, spirituality, reflexivity, intellectualism in religion, human relations, Late Modernity.

REFERENCES

- Alexander J. (2013) *Meanings of Social Life: Cultural Sociology*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Bauman Z. (2002) *Individualized society*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Bella R. (1996) *The main stages of the evolution of religion in the history of society*. In: *Religion and Society: A Reader in the Sociology of Religion*. Comp. by B.I. Garaja, E.A. Rutkiewicz. Moscow: Aspect Press: 665–677. (In Russ.)
- Berger P., Lukman T. (1995) *Social construction of reality. Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)
- Berger P.L. (1999) *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Wm.B. Eerdmans Publishing Company.
- Blagoevich M. (2015) Desecularized society as an indicator of the vitality of religion. *Setevoy zhurnal «Nauchnyy rezul'tat»*. Ser. Sotsiologiya i upravleniye [Network Journal "Scientific Result". Ser. Sociology and Management]. Vol. 1. No. 4 (6): 3–7. (In Russ.)
- Bransky V.P. (2000) *Art and philosophy*. Kaliningrad: Yantarnyi skaz. (In Russ.)
- Cipriani R., Ricucci R. (2020) Introduction. Discussing religions in a globalized world. Trends, changes and novelties. *Scientific result. Sociology and Management*. Vol. 6. No. 3: 4–8.
- Collins R. (2009) *Four sociological traditions*. Moscow: Territoriya budushchego. (In Russ.)
- Donati P. (2019) *Relational theory of society: Social life from the point of view of critical realism*. Moscow: PSTGU. (In Russ.)
- Giddens E. (2005) *Sociology / With the participation of K. Birdsall*: transl. from English. 2nd ed., compl. rework. and expand. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Giddens E., Sutton F. (2019) *Basic concepts in sociology*. 2nd ed. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Golitsyn G.A., Petrov V.M. (2005) *Social and cultural dynamics: long-term trends. Information approach*. Moscow. (In Russ.)
- Habermas Y. (2002) *The future of human nature. On the way to liberal eugenics?* Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Habermas Y. (2008) *Post-secular society – what is it?* *Rossiyskaya filosofskaya gazeta* [Russian philosophical newspaper]. No. 5 (19): 1–2. (In Russ.)

- Hervieux-Léger D. (2015) In Search of Certainty: Paradoxes of Religiosity in Societies of Developed Modernity. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. No. 1 (33): 254–268. (In Russ.)
- Inglehart R. (1997) Postmodern: Changing Values and Changing Societies. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 4: 6–32. (In Russ.)
- Ivanov D.V. (2020) Augmented modernity: effects of postglobalization and postvirtualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 44–55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9. (In Russ.)
- Kargina I.G. (2004) Self-identification of believers: social motivation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1 (237): 45–53. (In Russ.)
- Kargina I.G. (2014) *Sociological reflections of modern religious pluralism*. Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russ.)
- Karpov V. (2012) Conceptual foundations of the theory of desecularization. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. No. 2 (30): 114–164. (In Russ.)
- Kavykin O.I. (2007) *Rodnovers. Self-identification of neo-pagans in modern Russia*. Moscow. (In Russ.)
- Kotelnikov G.A. (2000) *Theoretical and applied synergetics*. Belgorod: BelGTASM; Krest'yanskoye delo. (In Russ.)
- Krech V., Hero M., Huber S. et al. (2013) Religious Diversity and Religious Vitality: New Measuring Strategies and Empirical Evidence. *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*. Vol. 9.
- Lebedev S.D. (2020) Virtualization of the religious community as a key to understanding the evolution of sociological concepts of religiosity. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture]. Vol. 4. No. 3(15): 85–104.
- Lebedev S.D. (2012) Reflexive Potential of Orthodox Culture in Russia, 1990–2000s. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Russian Sociological Journal]. No. 3: 129–142. (In Russ.)
- Roof W.C. (1993) *A generation of Seekers: The Spiritual journeys of the baby boom generation*. San Francisco: Harper.
- Rutkevich E.D. (2014) Sociology of spirituality: the problem of formation. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 2 (9): 36–65. (In Russ.)
- Shapovalova L.V. (2022) Attitude to religion: sociological contexts of analysis. *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna* [Sociology of religion in the society of late modernity]. Vol. 11: 68–76. (In Russ.)
- Shizhensky R.V. (2015) *Pochvennik ot paganstva: mirovozrencheskie diskurs sorkhva Velimir (N.N. Speransky)*. 2nd ed., corr. and suppl. Nizhny Novgorod: Povolzh'e. (In Russ.)
- Sinelina Y.Y. (2011) *Cycles of secularization in the history of Russia*. LAP LAMBERT Academic Publishing. (In Russ.)
- Smirnov M.Y. (2017) Religion. In: *Encyclopedic Dictionary of Sociology of Religion*. Ed. M.Y. Smirnova. St. Petersburg: PFO: 282–284. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1997) *Main trends of our time*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2000) *Social and cultural dynamics. A study of changes in the great systems of art, truth, ethics, law and social relations*. St. Petersburg: RKhGI. (In Russ.)
- Stark R., Bainbridge W. (1985) *The future of religion*. Berkeley, CA: University of California press.
- Taylor C. (2017) *Secular eyelid*. Moscow: BBI. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2018) Sociology of Life: Search for Answers to Scientific and Social Challenges. In: Dmitriyev A.V., Ivanov V.N., Toshchenko Zh.T. *Sociological Mosaic*. Moscow: KNORUS: 147–221. (In Russ.)
- Uzlaner D.A. (2020) *Post-Secular Turn: How to Think about Religion in the Twentieth Century*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- Weber M. (1994) Sociology of religion (types of religious communities). In: Weber M. *Selected Works. Image of society*. Moscow: Yurist: 78–446. (In Russ.)
- Yadov's Sociology: Methodological Conversation*. (2019) Moscow: Novyi Hronograf. (In Russ.)
- Zinnbauer B., Pargament K., Scott A. (1999) The emerging meanings of religiousness and spirituality: Problems and prospects. *Journal of Personality*. Vol. 67 (6): 879–919.

Received: 07.03.23. Final version: 12.06.23. Accepted: 02.07.23.

Е.Е. БУРОВА, Ш.Е. ДЖАМАНБАЛАЕВА

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ (опыт социологической реконструкции)

БУРОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник (bee1958@bk.ru); ДЖАМАНБАЛАЕВА Шолпан Ерболовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель генерального директора по научной работе (dsholpan1971@gmail.com). Обе – Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки МНВО РК, Алматы, Казахстан.

Аннотация. В статье на основе данных государственной статистики, массовых и экспертных опросов анализируется специфика религиозной ситуации в современном Казахстане. Исследуются предпосылки, условия и факторы меняющихся статуса и функций религии в период «религиозного ренессанса», совпадающего с кризисом мировоззренческой идентичности. Определены контурные характеристики религиозной самоидентификации населения, зафиксированы предпочтения мировоззренческой нормативности (светской, религиозной, их конгломерата). Выявлена неоднозначность восприятия государственных идеологем в отношении религии в общественном дискурсе (массовом и специализированном). Установлена противоречивость восприятия и оценки положительных и негативных религиозных трансформаций в проекции на личность, общество, государство. Представлены амбивалентные экспертные оценки состояния и перспектив религиозного процесса. Интерпретируется область рисков утратной мировоззренческой идентичности и разбалансирования соотношения светского/религиозного.

Ключевые слова: Республика Казахстан • религиозная идентификация • тенденция исламизации • традиционная религия • светскость государства • социология религии

DOI: 10.31857/S013216250027368-7

Введение. Религия в годы суверенного развития Казахстана манифестируется как значимый институт в государственном, общественном и личностном измерениях, а религиозный фактор выступает не только существенным маркером культуры повседневности, а также фундируется в государственной политике. Проявление в общественном дискурсе понимания значения и роли религии указывает на их неоднозначность применительно и к сложившейся ситуации, и в отношении перспективного будущего. Условия сохраняющейся поликонфессиональности общества, с одной стороны, и объективные демографические тенденции к масштабированию моноэтничности – с другой, проблематизируют не только влияние исламизации, но смещают также демаркации традиционного и нового религиозного выбора, актуализируют представления о соотношении светского и религиозного вектора развития государственности.

Задача настоящей статьи – на основе данных массовых и экспертных опросов, посвященных изучению религиозной ситуации, сложившейся в современном Казахстане, раскрыть особенности религиозной самоидентификации и восприятия населением идеологем в отношении религии, а также очертить основные тренды, характеризующие религиозные изменения в казахстанском обществе.

Методы и инструментарий. Исследования современной религиозной ситуации интегрируют предмет изучения через синтез эмпирической интерпретации и теоретической реконструкции. Чтобы проявить религиозную ситуацию и построить ее объяснительную

Исследование проводилось в рамках финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP09259797).

модель, необходимо выбрать надежные инструменты социологической диагностики. Ее цель – «получение объективного и вместе с тем социально действенного знания о процессах и явлениях», основанного на аналитических конструктах, свободных от привнесенных идеологических оценок и влияний [Волков, 2015: 3]. При этом важно иметь в виду, что универсальные аналоговые модели из-за уникальности страновой специфики отсутствуют, и поэтому задача социологов религии – показать подлинное состояние религиозной жизни общества, тем более, что «социокультурные и политические трансформации последних десятилетий ставят ... дополнительные проблемы, соответствие которым требует ... большей гибкости и нетривиальных интерпретаций» [Смирнов, 2014: 141].

В статье использованы данные государственной статистики и результаты массовых и экспертных опросов 2013, 2018, 2020, 2021, 2022 гг. по инструментарию, разработанному исследовательской группой¹. В массовых опросах использовалась случайная многоступенчатая кластерная выборка, репрезентирующая региональные (областные), поселенческие, гендерные, возрастные и национальные характеристики генеральной совокупности ($N = 1500$ в 2013 г., $N = 1800$ в 2018 г., $N = 1800$ в 2020 г., $N = 1500$ в 2021 г., $N = 3000$ в 2022 г.²). Использовался метод стандартизированного интервью, САПИ. Ошибка выборки при 95%-ном доверительном интервале не превышает $\pm 2,5\%$.

Опросы экспертов проводились в 2020 г. (июнь), 2021 г. (август-сентябрь), в 2022 г. (август) методом стандартизированного интервью. Подбор экспертов осуществлялся в городах республиканского значения и в регионах в соответствии с требованиями репрезентации позиций трех когорт. Опрошены в 2020 г. 107, в 2021 г. – 30, в 2022 г. – 30 экспертов следующих категорий: 1) государственные служащие, имеющие отношение к анализу религиозной ситуации (представители Комитета по делам религий Министерства информации и общественного развития, руководители или ведущие специалисты отделов/управлений по взаимодействию с религиозными объединениями городов областного и республиканского значения); 2) светско-ориентированные представители интеллигенции: ученые, преподаватели вузов, журналисты, освещающие вопросы религии в СМИ; руководители НПО, лидеры общественного мнения; 3) конфессионально-ориентированные эксперты: руководители и представители религиозных объединений, как традиционных, так и новых: имамы, настоятели церквей, священнослужители, преподаватели религиозных учебных заведений, теологи.

Статистические данные религиозности населения (фиксировалась в переписях населения в 2009 и в 2021 гг.), а также сведения о состоянии религиозной картины (учитываются государственным уполномоченным органом – Агентством по делам религий в Министерстве информации и общественного развития Республики Казахстан) позволяют верифицировать результативность научных выводов.

Особенности религиозной самоидентификации и статус «религиозного человека». В мониторинге с 2013 г. выявлено, что от 57 до 82% жителей Казахстана (в зависимости от регионов) позиционируют себя верующими и от 73 до 85% сообщают о том, что в их семье есть верующие. Чаще респонденты декларируют и рассматривают конфессиональную принадлежность как элемент этнокультурной самоидентификации. Типология, уровень и динамика религиозности сходны у мужчин и женщин, у городских и сельских жителей. У сограждан из разных поколений, этнических групп, у людей с разными социальным, профессиональным статусом, уровнем доходов, а также проживающих в различных регионах они по тенденциям не совпадают.

Респондентам предлагалось ответить на вопрос о самых важных самоидентификациях: «Кем вы считаете себя в первую, во вторую, в третью очередь?» Результаты, представленные

---

¹ Полевой этап и статистическая обработка данных выполнялись Институтом демократии (2013, 2022) и Центром бизнес-информации, социологических и маркетинговых исследований "BISAM Central Asia" (2018, 2020, 2021).

² Объем выборки зависел от размеров финансирования исследований.

Таблица 1

Субъективная значимость личных идентификационных статусов
(население в целом, в % к числу опрошенных)

Статус	Год проведения опроса			Тенденция изменений самоидентификации
	2013	2018	2021	
Член семьи	53,3	83,5	80,2	Существенно возрастает и стабилизируется
Казахстанец	60,7	73,1	73,5	Значительно возросла и стабильна
Представитель этноса	53,1	41,7	38,7	Проявляет незначительную тенденцию к снижению
Друг	16,0	26,3	27,4	Значительно возросла и проявляет тенденцию к устойчивости
Житель города/поселка	13,0	24,8	22,6	Значительно возросла и «пульсирует»
Представитель профессии	13,6	9,6	8,2	Демонстрирует тенденцию к снижению
Религиозный человек, представитель общины	13,0	6,4	7,0	Значительно снизилась и проявляет тенденцию к стабильности
Член коллектива (трудового/учебного)	10,9	10,3	5,5	Демонстрирует тенденцию к существенному ослаблению
Гражданин мира	10,2	12,6	17,7	Демонстрирует тенденцию к поступательному росту
Сосед	2,2	10,0	10,0	Существенно возросла и стабильна

в табл. 1 (в суммативном значении независимо от ранжирования их очередности), демонстрируют снижение доли людей, определяющих себя через статус религиозного человека.

Анализ ответов респондентов в разрезе их религиозной приверженности показывает, что статус «религиозный человек» как наиболее значимый для личности выбран во всех ранжированных по отношению к религии группах, включая атеистов (табл. 2).

В исследовании 2020 г. выявлено, что религиозная вера в структуре социальных институтов ценна для каждого десятого жителя. В этническом срезе респонденты-казахи

Таблица 2

Самооценка своего религиозного статуса
(по самоидентификации, в % от числа опрошенных, 2021 г.)

	Верующий, ведущий РОЖ	Верующий номинально	Верующий вне конфессии	Неверующий, участвующий в обрядности	Неверующий, уважающий верующих	Равнодушный к религии	Атеист
Казахстанец	73,8	77,6	76	75,8	82	67,2	52,7
Представитель своего этноса, нации	39,6	44,1	39,2	33,4	22	18,1	34,6
Член своей семьи	73,2	84,3	78,6	81,8	99	81,1	82,2
Представитель профессии	6,4	7,2	8,1	3	17	13,9	11,6
Член коллектива (учебного, трудового)	3,2	6,1	5,4	6	8	6,6	6,6
Религиозный человек	18,2	8,2	3,7	3	5	4,1	3,3
Друг	26,7	25,6	26,5	36,3	36	29,5	36,2
Сосед	12,8	9,6	7,7	12,1	21	17,2	8,2
Житель города, поселка	14,4	19,6	26,1	24,3	37	30,4	19,9
Гражданин мира	31,5	17,8	27,3	24,3	39	32	44,6

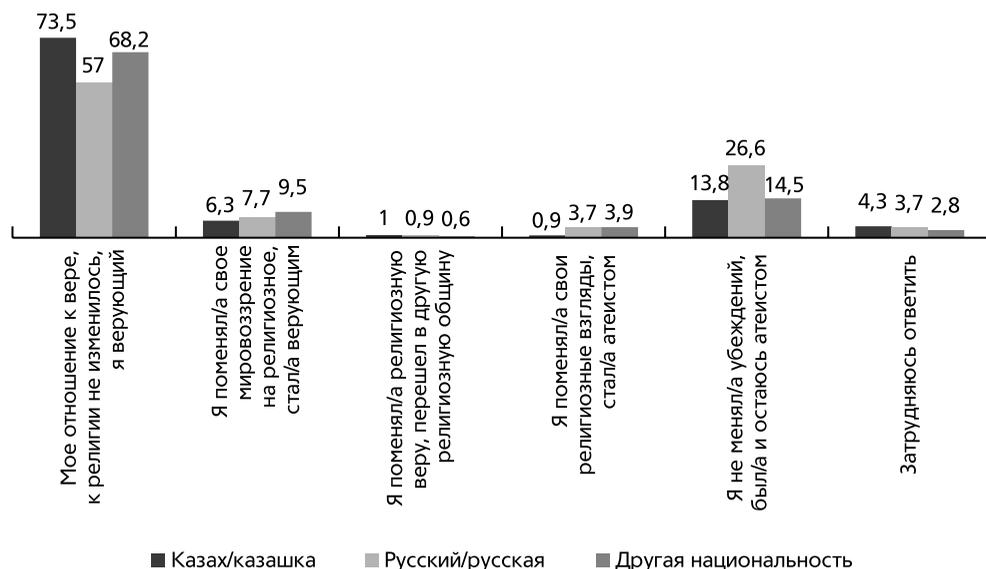

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как менялось ваше религиозное мировоззрение за последние 5 лет?» (этнический срез, в % от числа опрошенных, 2021 г.)

(11,3%) и представители других этносов (10,6%) выбирают приоритетность религиозной веры в разы чаще, чем русские (4%).

В ответе на вопрос «Как менялось ваше религиозное мировоззрение за последние 5 лет?» подтверждены: высокий уровень устойчивой номинальной религиозности (57–73,5% считают себя верующими), атеистической приверженности (13,8–26,6%), а также векторы религиозной конверсии, когда респонденты стали верующими (6,3–9,5%) или перешли из одной веры в другую (1%) (рис. 1).

Контурная модель религиозности демонстрирует, что к верующим, следующим религиозному образу жизни, интегрированным в деятельность общины или коммуникации с единоверцами, относят себя 13–20% респондентов (конфессионально-ориентированные верующие). Среди них только 6–8% строго выполняют религиозные предписания и ведут религиозный образ жизни. 60–65% являются номинально верующими (не вовлечены в религиозную жизнь, не участвуют в деятельности религиозных общин, не посещают культовые учреждения, не следуют канонам религиозного образа жизни, участвуют от случая к случаю в обрядовой религиозности). В зависимости от регионов от 6% до 26% идентифицируются как внеконфессиональные верующие (их жизнь не соотносена с общинным укладом, с вероучением, с определенной доктриной, с потребностью в духовном наставничестве). Среди неверующих наблюдаются четыре категории: а) придерживающиеся религиозных обрядов и традиций, б) уважающие верующих, в) равнодушные к религии и вере, г) негативно относящиеся к религии.

Религиозная нормативность: реальность и перспективы. В соответствии с мировоззренческой самоидентификацией респонденты соизмеряют нормативность поведения. В опросе 2021 г. 46,7% отметили, что руководствуются в жизни отчасти религиозными, но преимущественно – светскими нормами; 19,5% строят взаимоотношения, исходя исключительно из светского (не религиозного) миропонимания; 18,9% опираются в своем опыте только на религиозные нормы; 13,1% предпочитают светские нормы, так как в них есть не только ценностно-положительные регулятивы, но и антиценностные ориентации, без которых невозможно представить современную жизнь (в качестве антиценностных

изучались нечестность, ложь, обман, нетерпимость, неприятие других точек зрения, несправедливость, грубость, резкость, жестокость, насилие, фанатичность).

Религиозная самоидентификация фиксирует устойчивые тенденции, когда в составе населения преобладают номинальные верующие (не практикующие и не входящие в общины); в составе практикующих верующих доминирует молодёжь и поколение среднего возраста; растет численность исламской молодежи; снижается численность православной молодежи; растет численность внеконфессиональных верующих; растет число атеистов.

Выявлен спад религиозной вовлеченности (по параметру «верующий, состою в общине, следую религиозным предписаниям») с увеличением возраста респондентов. В исследовании 2020 г. среди 18–24-летних доля тех, кто состоит в религиозной общине и следует религиозным нормам, составляет 23,2%, среди 25–34-летних таких 19,4%, среди 35–44-летних – 15,2%, а среди 45–54-летних – 11,7%. Высокий уровень атеистической приверженности фиксируется среди русских (26,6%) по сравнению с представителями других национальностей (14,5%) и казахами (13,8%).

Оценка проективного будущего детей в соизмеримости с религией показывает, что аксиологические установки в отношении значимости религии амбивалентны. Отвечая на вопрос о том, кем бы хотели в будущем видеть своих детей в связи с их отношением к религии, респонденты демонстрируют (по степени убывания значимости в интервале значений):

- преобладающую позицию равнодушия к религии как к социальному институту (66,4–77,3%);
- акцентированное отрицание перспективы атеистической убежденности детей (64–78,1%);
- одобряемую позицию уважительного отношения к религии и в то же время сохранения дистанционного неучастия в религиозной жизни с выбором позиций сторонних наблюдателей (51,5–77,1%);
- невовлеченность в религиозный образ жизни (49,4–58,5%);
- вовлеченность в религиозный образ жизни (28,2–32,9%);
- равнодушное отношение к религии (9,3–17,1%);
- атеистическую убежденность (7,2–13,3%) (рис. 2).

Восприятие идеологем в отношении религии. Многоконфессиональность общества сохраняется. 51,3% полагают, что религиозное разнообразие может способствовать

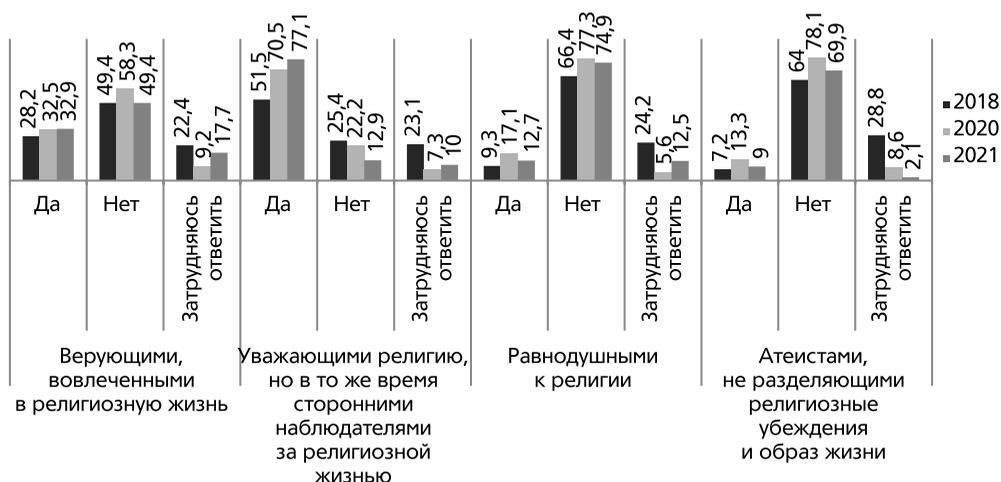

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы вы, чтобы в будущем ваши дети были...» (в % от числа опрошенных)

единству казахстанского общества, в то время как 33,2% придерживаются противоположной точки зрения. Респонденты отвечали на вопрос о своих предпочтениях при выборе окружения по мировоззренческому критерию. Подавляющее число предпочитает многоконфессиональное окружение, 1/5 часть – среду единомышленников, до 9% не приемлют в своем окружении атеистов (рис. 3).

В поликонфессиональном обществе важно понимание и восприятие парадигм светского, многоконфессионального, а также, с учетом современных темпов исламизации, религиозного (исламского) государства. В исследовании 2020 г. выявлено, что большинство жителей воспринимают Казахстан многоконфессиональной страной (89,3%), с преобладанием верующих, представляющих две основные религии – ислам суннитского мазхаба и православие (72,8%).

Склонны относить Казахстан в силу демографических характеристик населения к странам исламского мира 64,1% жителей. Рост числа сторонников утверждения о том, что «Казахстан – многоконфессиональное государство» и «Казахстан – страна двух основных религий: ислама и православия» фиксируется с увеличением возраста, в то время как мнение, что «Казахстан можно отнести к странам исламского мира», разделяют больше представители молодых и средних поколений.

Абсолютное большинство во всех возрастных группах желают жить в светском государстве с преобладанием исламской традиции (в интервалах значений от 74,5 до 82,1%). 25% респондентов в возрастных группах 18–44 лет и 20% в группах 45–54 лет считают, что Казахстан должен стать религиозным государством с регламентацией общественной и личной жизни религиозными нормами.

Утверждение о необходимости или желательности придерживаться традиционных для этносов Казахстана или акцентированно поддерживаемых государством традиционных религий для верующих (имеется в виду ислам ханафитского мазхаба и православное христианство) одобряется 72,8%, не одобряется 27,2% респондентов. Доля респондентов, не согласных с этим утверждением, составляет среди русских 31,9%, среди других этносов – 30,5% и среди казахов – 25,1%. Выявлена тенденция: чем младше респонденты, тем больше среди них оппонентов светскости государства (43,2% среди 18–24-летних по сравнению с 26,5% в когорте 55–65-летних). Чаще всего за то, чтобы Казахстан оставался светским государством, «голосуют» этнические русские (71,5%), а в поселенческом срезе – городские жители (63,9%). Иной позиции (в пользу религиозного статуса государства) придерживаются преимущественно казахи (42,3%) и жители сельской местности (42,4%).

Растет число разделяющих точку зрения, что «Казахстан в силу демографической ситуации можно отнести к странам исламского мира», и отмечен устойчивый рост сторонников превращения Казахстана в религиозное государство: 4,1% от числа опрошенных в 2000 г., 7,8% – в 2005 г., 13,6% – в 2014 г., 21,6% – в 2018 г., 22,2% – в 2020 г.

В массовом сознании утрачивает значение идеологема в отношении традиционно предписанной религиозной идентичности, растет либеральное понимание свободы мировоззренческого выбора. Перемену вероисповедания 71,1% жителей воспринимают как

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «В каком окружении вы предпочитаете работать (учиться), проживать, проводить свободное время?» (в % от числа опрошенных, 2022 г.)

частное дело и право человека; 18,1% рассматривают как измену вере предков; 13,8% интерпретируют как проявление духовной слабости; 9,2% оценивают как результат активной миссионерской деятельности нетрадиционных религиозных объединений и направленных воздействий на религиозный выбор; 8,2% квалифицируют как упущение традиционных для Казахстана религий (ислама ханафитского мазхаба и православного христианства); 6,2% определяют как недоработку светской системы образования и воспитания; 6% рассматривают как средство изменить социальный статус; 5,9% обозначают как способ улучшить материальное положение.

Тренды религиозного процесса в оценках экспертов. На основе ранее реконструированных авторами данных о направлениях религиозных конверсий (в 2015, 2017, 2019 гг.) экспертам в опросе 2020 г. предлагалось оценить их масштабность и интенсивность. Каждый четвертый эксперт (25,8%) согласился с суждением, что «не практикующие верующие превращаются в практикующих». На то, что атеисты становятся верующими, указали 16,9% экспертов. Считают, что сограждане оказываются равнодушными к религии и формируют свое собственное представление о Боге, 12,4%, а также меняют свое вероисповедание 11,2%; переходят из традиционных религий в нетрадиционные религиозные течения 6,7%; из сторонников атеистов становятся адептами нетрадиционных религий 5,6% опрошенных экспертов.

Мотивации, условия, векторы, типы религиозных конверсий были предметом специального исследования [Религиозные конверсии..., 2017]. Конверсии становятся векторами религиозных преобразований, но ведущим и масштабным (в связи с изменением демографической ситуации) проявлен тренд исламизации.

В 2021 г. эксперты трех категорий (госслужащие, светски ориентированные, конфессионально ориентированные эксперты) оценивали тенденции процесса религиозизации, которые были эксплицированы нами в предыдущих исследованиях. Мнения всех категорий экспертов совпали в определении следующих приоритетных тенденций религиозных изменений как наиболее значимых: возрастает и традиционная, и нетрадиционная религиозность; интенсивность увеличения численности верующих в традиционных религиях такая же, как и в нетрадиционных религиях; молодежь все чаще обращается в нетрадиционные религии; динамично развивается сконструированная религиозность (эkleктичный синтез фрагментов разных вер, культов, традиций); номинальная религиозность стала элементом повседневной культуры масс и элиты.

В качестве значимой светски ориентированные эксперты назвали тенденцию, когда *«предписанная этнокультурная религиозность перестает быть алгоритмом для религиозного выбора»*. В то же время госслужащие и конфессионально ориентированные эксперты оценили ее как малозначимую. Большая часть и светски, и конфессионально ориентированных экспертов сочли значимой чертой религиозной ситуации то, что *«пик деятельности нетрадиционных религий пройден, население предпочитает традиционный религиозный выбор, совпадающий с этнокультурной идентичностью»*, в отличие от госслужащих, которые не считают, что нетрадиционные религии реализовали максимум возможностей для рекрутирования неофитов.

По взаимоисключающим суждениям: «религиозная ситуация остается динамичной, скрытой и непредсказуемой» и «религиозная ситуация стабилизировалась, проявляется очевидно, прогнозируема» совпадают позиции как светски ориентированных, так и конфессионально ориентированных экспертов, которые оценивают динамику как равнодействующую. Госслужащие больше склонны определять религиозную ситуацию как стабилизированную, прогнозируемую, очевидную.

На то, что миссионерская, прозелитистская работа осуществляется интенсивнее нетрадиционными религиозными объединениями по сравнению с традиционными, указали только светски ориентированные эксперты – ученые, преподаватели вузов, журналисты, освещающие вопросы религии в СМИ, руководители НПО, лидеры общественного мнения.

В экспертной среде обосновывается парадигма о необходимости равной удалённости государства как от традиционных, так и от нетрадиционных религий в соответствии с принципом светскости. Руководитель Комитета по делам религий официально озвучил позицию об отходе от демаркации понятий «традиционные религии» и «нетрадиционные религии», что сигнализирует о стремлении к изменениям концептуального подхода государственной политики. У экспертов нет консенсуса в оценке результативности влияния традиционных и новых религий на жизнь общества: 1) оценка позитивного влияния традиционных религий (73,4%) в два раза превышает оценку позитивного влияния новых религий (36,7%), 2) негативное влияние традиционных религий по сравнению с новыми оценивается в три раза ниже, 3) отсутствие эффективного влияния новых религий определяется в 2,5 раза меньше, чем традиционных.

В 2022 г. эксперты оценивали положительные и негативные последствия результатов религиозного процесса за годы независимости. Предлагаемые для оценки суждения были концептуализированы авторами в предыдущих исследованиях на основе глубинных интервью и фокус-групповых обсуждений [Светскость и религия..., 2020]. Зафиксированы амбивалентные (в равной степени положительные и отрицательные) экспертные оценки в отношении одних и тех же формализованных результатов религиозного процесса. Среди них: рост активности верующих казахстанцев; рост религиозности молодежи; улучшение нравственного самочувствия общества в процессе следования все большего числа казахстанцев религиозному образу жизни; религиозное разнообразие; появление семей, которые ведут преимущественно религиозный образ жизни; появление инфраструктуры, связанной с религиозностью (индустрия «халяль», религиозный туризм, трудовые коллективы, основанные на религиозной принадлежности); уступка государственных институтов религиозным в процессе формирования менталитета, ценностей; выполнение священнослужителями разных конфессий и деноминаций функций просветителей, психологов, идеологов; превращение религиозности в маркер культуры повседневности (одежда, символы религиозной принадлежности, молитвенные практики, религиозная обрядность, религиозный календарь и др.); становление Казахстана частью исламского мира. Больше сходство позиций и акцентированную обеспокоенность эксперты проявили в оценке тенденции утрачивания Казахстаном позиции светского и приближения к статусу религиозного государства (негативных оценок этого вектора в три раза больше, чем позитивных).

По вопросу масштабирования и инкорпорирования религиозного образа жизни мнения поляризованы длительно: одни эксперты считают, что уровень религиозности стабилизирован и соизмерим с уровнем стран со средней религиозностью, другие полагают, что религиозные процессы нарастают и могут привести к реальной угрозе утраты светскости государства при активизации направленного и заинтересованного внешнего воздействия в Центрально-Азиатском регионе³. Процесс развития религиозной ситуации с учетом изменений роли и места религии в Центрально-Азиатском регионе и в Казахстане в 2020 г. эксперты оценили как несинхронизированный, осложненный рисками стихийности, подверженный влиянию на вектор стабильности, но пока менее критичный для Казахстана, чем для Центрально-Азиатского региона: в связи с чем 56,7% опрошенных экспертов считают необходимостью реализацию специальной политики применительно к Центральной Азии и только 23,3% – к Казахстану.

Выводы. Парадигма религиозности как значимая идентификационная проекция прочно укоренилась в повседневных практиках и в менталитете казахстанцев. Стремительное изменение статуса института религии привело к формированию нового типа верующих, существенно трансформировало палитру и структуру религиозной ментальности. В исследованиях фиксируется мозаичность, парадоксальность, диффузность казахстанской религиозности. Формируются противоположные устремления – как к модернизации, так

³ Байдаров Е. Исламизация государств Центральной Азии: тенденции и перспективы (философско-политологический анализ) // 21 ВЕК. 2013. № 4 (29). С. 73–96.

и к архаизации в понимании роли религиозных институтов, статуса верующих, религиозного образа жизни семей, мировоззренческой социализации детей.

Государственная статистика и социологические измерения выявляют преобладание религиозной вовлеченности по исламскому лекалу в южных, западных регионах и в столице; высокий уровень скрывааемой внеконфессиональной религиозности; доминирование религиозности в сельской местности; рост атеизации.

Экспертные мнения и интенции массового сознания в оценке состояния, функционирования и результативности религиозных изменений не отличаются аксиологическим сходством, проявляют амбивалентность позиций. Выявлена противоречивая тенденция, которая в равной степени интенсивности, с одной стороны, фиксирует отход от алгоритма религиозной идентификации в соответствии с предписанной этнокультурной традицией, ее утратность, рост масштабов либерального отношения к конверсии, а с другой – указывает на интерес и стремление обращаться к традиционным религиозным институтам.

Многоконфессиональность общества и светскость государства способствуют детрадиционализации. Религиозная ситуация проявляет себя как многофакторный и противоречивый процесс: сосуществуют разнонаправленные тенденции секуляризации и клерикализации, которые сопрягаются с противоположными устремлениями к модернизации и архаизации. В общественном сознании артикулируются позиции восприятия государственных идеологов в отношении религии, которые проявляют поляризацию мнений среди населения, у экспертов. В обществе сохраняется мировоззренческий консенсус, но формируются риски разбалансирования соотношения светского и религиозного. Растет число сторонников религиозной государственности.

И внутренние факторы, и глобализационные воздействия на состояние и динамику религиозной ситуации создают предпосылки для переосмысления феномена религии, ее функций и значимости для государства, общества, личности. Становятся актуальными перереформатирование стратегемы в отношении религии в светском государстве, определение статуса религиозных институтов в структуре многоконфессионального общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков Ю.Г. Социологический диагноз как аналитический конструкт // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 4–11.
- Религиозные конверсии в постсекулярном обществе (опыт феноменологической реконструкции) / Под ред. А.Х. Бижанова. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2017.
- Светскость и религия в современном Казахстане: модернизация духовно-культурных смыслов и стратегий / Под ред. А.Х. Бижанова Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2020.
- Смирнов М.Ю. Религиозная социология и социология религии: соотношение и взаимоотношения // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 136–142.

Статья поступила: 25.04.23. Финальная версия: 20.06.23. Принята к публикации: 03.07.23.

RELIGIOUS SITUATION IN MODERN KAZAKHSTAN (a sociological reconstruction)

BUROVA E.E.*, JAMANBALAYEVA Sh.E.*

*Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the CS MSHE RK, Kazakhstan

---

Elena E. BUROVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher (bee1958@bk.ru); Sholpan E. JAMANBALAYEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chief Researcher, Deputy Director General for Scientific Work (dsholpan1971@gmail.com). Both – Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the CS MSHE RK, Almaty, Kazakhstan.

Acknowledgements. The article was prepared as part of the financing of the Committee of Science of the CS MSHE RK – grant AR09259797.

Abstract. The purpose of the study is to reconstruct current religious situation in Kazakhstan as a secular state. Goals were formulated as follows: to reveal specifics of the religious situation; to present the religious self-identification of the population; to show the spectrum of the value perception of religion in public discourse; to outline main trends of religious changes; to discover the lines of “fault” in understanding the possibilities and prospects of secularism and religiosity; to comprehend the relevance and practical application in the research of the religious process. The religious process is assessed as multifactorial and contradictory. Based on sociological studies of public opinion and expert assessments, the authors presented a paradigm of perception of religion, analyzed its functions and capabilities in a multicultural and multi-confessional society. The religious situation in Kazakhstan is analyzed on the basis of state statistics, mass and expert surveys. Practical recommendations are given for improving government approaches in cooperation with religious institutions.

Keywords: Republic of Kazakhstan, religious identification, religious process, trend of Islamization, traditional religion, secularism of the state, sociology of religion.

REFERENCES

- Religious conversions in a post-secular society (the experience of a phenomenological reconstruction).* (2017) Ed. by A.Kh. Bizhanov. Almaty: IFPR KN MON RK. (In Russ.)
- Secularism and Religion in Modern Kazakhstan: Modernization of Spiritual and Cultural Meanings and Strategies.* (2020) Ed. by A.Kh. Bizhanov. Almaty: IFPR KN MON RK. (In Russ.)
- Smirnov M.Yu. (2014) Religious Sociology and Sociology of Religion: Correlation and Relationships. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 136–142. (In Russ.)
- Volkov Yu.G. (2015) Sociological diagnosis as an analytical construct. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 4–11. (In Russ.)

Received: 25.04.23. Final version: 20.06.23. Accepted: 03.07.23.

© 2023 г.

З.Е. ДОРОФЕЕВА, П.М. КОЗЫРЕВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАКТИК ВОВЛЕЧЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ В ЖИЗНЬ ДЕТЕЙ

ДОРОФЕЕВА Злата Евгеньевна – кандидат социологических наук, научный сотрудник (zdorofeeva@hse.ru); КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института; заведующая Центром (pkozyreva@isras.ru). Обе – Институт социологии ФНИСЦ РАН; Центр лонгитюдных исследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» анализируется процесс трансформации практик вовлеченности родителей в жизнь детей. На фоне рассмотрения социальных преобразований проводится ретроспективный анализ шести категорий практик этой вовлеченности: подготовка уроков, посещение родительских собраний, чтение, физическая активность, посещение врачей и проведение отпуска. Исследование выявило интенсификацию взаимодействия с детьми во всех сферах, снижение гендерной асимметрии, проявляющееся в росте вовлеченности отцов и снижении преимущественной вовлеченности матерей. Анализируемые данные позволили представить трансформацию практик вовлеченности родителей и других родственников в жизнь детей, показать, что дети постепенно стали более значимой частью жизни взрослых, а само родительство приобрело интенсивный характер.

Ключевые слова: родительская вовлеченность • родительство • родительские практики • интенсивное родительство • РМЭЗ НИУ ВШЭ

DOI: 10.31857/S013216250027370-0

Введение. Передача человеческого капитала внутри семьи представляет собой сложный процесс, включающий повседневные практики. Понимание его особенностей дает возможность исследователю приблизиться к постижению не менее глубоких и серьезных процессов формирования социальной структуры общества. Э. Гидденс отмечает: «...второстепенные и несущественные правила поведения, условности и традиции повседневной социальной жизни оказываются фундаментальным каркасом социальной жизни» [Гидденс, 2005: 19]. Одновременно он также подчеркивает, что любые социальные практики должны рассматриваться с учетом внешних условий – времени и пространства [там же: 17].

В разные периоды истории нашей страны представления о роли родителей в процессе воспитания детей и участии государства и школы в детско-родительских отношениях менялись. В середине прошлого века, когда взрослое население было занято послевоенным восстановлением страны, государство посредством проводимой социальной политики транслировало позицию необходимости если не полной замены семейного воспитания

В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

общественным, то значительным участием государства в этом процессе. Коллектив как основа коммунистического общества представлялся не менее подходящим институтом для социализации личности, чем семья: «Государство, считая воспитание и образование своей важной политической, экономической, идеологической задачей, брало на себя всю полноту ответственности за подготовку подрастающего поколения к будущей самостоятельной жизни» [Андреева, 2017: 260].

В дальнейшем на фоне увеличения доли малодетных семей ценность детей продолжала расти, а детско-родительские отношения стали демократизироваться. Постепенно участие государства в формировании личности снижалось, в то время как роли отцов и матерей становились более значимыми не только в воспитании, но и в учебе. В позднесоветский период провозглашалось достижение определенной гармонии в отношениях государства и семьи: «Никогда раньше семейное и общесоциальное воспитание не были так органически слиты, так не зависели друг от друга, как в нашем обществе. Поэтому общественные организации вправе требовать от родителей повседневной заботы об обеспечении и нравственном развитии детей, а родители в свою очередь вправе рассчитывать на повседневную помощь со стороны общества в выполнении этой большой и ответственной задачи» [Харчев, 1979: 319].

Социальные трансформации постсоветского периода затронули внутрисемейные практики не только из-за утраты государственной идеологии, но и из-за резко изменившейся ситуации на рынке труда, где были заняты родители. Последующая трансформация отношений государства и семьи сопровождалась изменением образовательных практик, происходящим в контексте формирования новых моделей родительства, чему в нашей стране способствовало в том числе изменение образовательной политики. Так, Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании», принятый 29 декабря 2012 г., включает родителей в число участников образовательных отношений наряду с самими обучающимися и педагогами. При этом «родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся имеют преимущественное право на обучение и воспитание детей перед всеми другими лицами»¹. Сегодня школа ожидает от родителей высокого уровня вовлеченности, особенно в начальных и выпускных классах. Этот процесс естественным образом отражается и на самих детях, их развитием вовлеченные родители начинают заниматься с раннего возраста. Широкое распространение практик раннего развития и активное участие взрослых меняют формат детства, которое все меньше похоже на детство предыдущих поколений.

Истоки изучения темы родительской вовлеченности в отечественной социологии можно найти в работах, посвященных изучению бюджетов времени², в которых авторы выделяют «уход и воспитание детей», включающий в том числе: «контроль за выполнением домашних заданий», «внешкольное чтение и беседы с детьми», «игры в доме и обучение детей трудовым навыкам», «игры на открытом воздухе и прогулки», «медицинский уход» и др. Несмотря на развитие отечественной социологии семьи, родительство и родительские практики не сразу оказались в фокусе внимания исследователей, однако в 1970-е гг. появляются исследования о распределении родительских обязанностей, образе и условиях жизни с детьми³. К проблеме родительства в своих работах обращается И.С. Кон, однако в качестве прицельного предмета изучения она по-настоящему раскрывается в исследованиях Т.А. Гурко, в которых родительская вовлеченность занимает значительное место [Гурко, 2008]. В исследованиях последнего десятилетия тема вовлеченности актуализируется и получает дальнейшее развитие⁴, начинает исследоваться феномен «интенсивного» родительства [Исупова, 2018].

---

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: <https://fzakon.ru/laws/federalnyy-zakon-ot-29.12.2012-n-273-fz/statya-1/> (дата обращения: 04.02.2023).

² Напр., [Патрушев, 2001].

³ Результаты ряда исследований представлены в работе [Янкова и др., 1983].

⁴ Напр., [Антипкина и др., 2018; Любичкая, 2019; Поливанова и др., 2015; Рождественская, 2020].

При этом, несмотря на обширный опыт изучения родительской вовлеченности, единого конструкта понятия не существует, а его операционализация в разных исследованиях имеет свои особенности. В представленной работе, основывающейся на данных специального блока вопросов обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ⁵, конструкт включает шесть категорий родительских практик в отношении детей: *подготовка уроков, посещение родительских собраний, чтение, физическая активность, посещение врача, проведение отпуска*. Вопросы о практиках имеют ретроспективный характер, каждый из которых задается относительно матери, отца и других взрослых родственников респондента. В общей сложности данный блок включает 18 вопросов (варианты ответов: «часто», «иногда», «никогда», «не относится», «затруднились ответить»). Суммарные данные по двум позициям шкалы («часто» и «иногда») характеризуют распространенность анализируемых практик, тогда как отдельные взятые показатели шкалы «часто» и «иногда» – интенсивность родительского участия.

В исследовании принимается допущение, что родительская вовлеченность меняется в зависимости от возраста самого ребенка, в то время как респондентам задавались вопросы, начинающиеся со слов «Когда вы были ребенком...» без указания конкретного возраста. Кроме того, и сами ретроспективные ответы могут не в полной мере отражать реальность в прошлом. Принимая во внимание эти допущения, мы полагаем, что полученные результаты представляют научный интерес и вносят значимый вклад в изучение практик родительской вовлеченности в нашей стране⁶.

Проводимая в нашей стране семейная политика за исключением отдельных принятых мер продолжает поддерживать «традиционный» образ семьи, в котором основная нагрузка по уходу за ребенком ложится на мать. Но, несмотря на это, исследователи фиксируют также постепенный рост роли отца в жизни детей, который происходит на фоне развития идеологии гендерного равенства, эгалитарного распределения ролей внутри семьи, снижения асимметрии родительского вклада в жизнь ребенка в целом и его развития в частности.

Теоретико-методологические основания исследования. Изучению вовлеченности родителей в жизнь детей посвящено много зарубежных, а в последние десятилетия и российских работ. Первым крупным эмпирическим исследованием, прицельно изучающим вовлеченность родителей, можно считать работу Дж. Коулмана [Coleman, 1966], который в середине 1960-х гг. одним из первых обратил внимание на зависимость успеваемости детей от «семейных факторов», после чего понятие «родительской вовлеченности» прочно заняло свою нишу в исследовательском поле зарубежной социологии. «Отчет Коулмана» продолжает активно обсуждаться и сегодня, а исследователи по всему миру, проводя исследования, подтверждают одни результаты, полученные американским социологом, опровергают другие, ставят новые задачи и проверяют все больше гипотез относительно влияния вовлеченности родителей на жизнь детей. Среди наиболее значимых факторов, выявленных в ходе исследований, стоит отметить семейную композицию (состав семьи), а именно наличие полной семьи, которая, как предполагалось, способствует родительской вовлеченности. Однако более поздние исследования доказали в том числе необходимость направляющего участия школы в этом вопросе [McLanahan, Sandefur, 1994]. В работах Дж. Эпштейн показана модель, описывающая взаимодействие трех ключевых сфер – семьи, школы и местного сообщества [Epstein, Sheldon, 2006]. Эта модель послужила основой разработки программ по увеличению родительской вовлеченности.

⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: <http://www.hse.ru/rlms>; <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>

⁶ Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ позволяют исследовать родительскую вовлеченность с учетом возрастных особенностей детей, поскольку аналогичные вопросы были также включены в вопросники для детей до 14 лет и фиксировали ситуацию на момент опроса. Решение этой задачи будет представлено в отдельной публикации.

Важный вклад в развитие темы внесли исследования на материалах PIRLS⁷, в частности влияние родительской вовлеченности показано на примере развития навыка чтения [Punter et al., 2015]. Проведенный У. Джейнсом метаанализ по рассматриваемой теме позволил сделать вывод, что наибольшее влияние на развитие детей оказывают не те формы вовлеченности, которые считаются наиболее важными и включаются педагогами в пособия для родителей (помощь с домашними заданиями, посещение школьных мероприятий, контроль за временем занятий и отдыхом и т.п.), а формы, подразумевающие более тонкие методы, в частности разделяемая семьей ценность образования, выражающаяся в том числе в ожиданиях родителей от детей, общение с детьми на околошкольные темы, а также поддерживаемый в семье баланс любви, поддержки и дисциплины, создающий здоровые условия для развития [Jeunes, 2011].

В представленном исследовании использованы данные репрезентативной выборки 30-й волны (2021) РМЭЗ НИУ ВШЭ индивидуального уровня (респонденты 14 лет и старше). Всего в анализ включено 10319 наблюдений. Анализ полученных данных в разрезе возрастных групп позволил проиллюстрировать процесс трансформации родительской вовлеченности, а именно динамику распространенности родительских практик и интенсификации взаимодействия с детьми во всех рассматриваемых сферах. Для этого сначала выделили сферы родительского участия, изменения практик в которых, на наш взгляд, наиболее примечательны, и, объединив респондентов в семь возрастных групп, представили данные в обобщенном виде по этим возрастным группам, а затем более подробно рассмотрели каждую категорию родительских практик.

Анализ распространенности практик вовлеченности родителей и других родственников в жизнь детей. Больше всего процесс трансформации родительской вовлеченности затронул сферу занятий различными видами физической активности: среди матерей сегодняшних подростков доля занимающихся физкультурой и спортом с детьми по сравнению с матерями старшего поколения (65+) выросла почти в 4 раза (табл.). В то же время среди отцов и других родственников этот рост составил 3,3 и 3,5 раза соответственно. Менее всего данный процесс заметен в распространении практики посещения врача, которая была и остается прерогативой матери. Но при этом наблюдается заметное повышение активности участия отцов: только каждый пятый респондент в возрасте 65+ ответил, что в детском возрасте отец водил его к врачу, в то время как в группе 14–17 лет – уже почти каждый второй. Вовлеченность других родственников в эту практику возросла в 3,5 раза. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении посещения родительских собраний – матери сохраняют здесь ведущую роль, в то время как вовлеченность отцов и других родственников значительно возросла.

Две последние рассмотренные категории (посещение родительских собраний и детского врача) могут быть отнесены к прямым родительским обязанностям, с чем и связана их менее заметная динамика применения матерями на фоне других категорий, однако именно на их фоне ярче проявляется гендерная асимметрия родительской вовлеченности.

При анализе распространенности практики помощи родителей и других взрослых родственников детям с уроками в первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что участие в ней матерей поколения респондентов, находящихся в возрасте до 25 лет, составляет более 90%, тогда как участие матерей старшего поколения – только около половины (рис. 1). Значительно возросла вовлеченность в эту практику отцов и других родственников. Однако при более детальном анализе мы обнаруживаем, что регулярную помощь (т.е. помогали часто) детям с уроками взрослые оказывали менее активно. При этом роль отца и других родственников возросла не столь заметно, как роль матери.

---

⁷ PIRLS (Progress in International Reading Literacy Study) – это международное сопоставительное исследование читательской грамотности. Проводится Международной ассоциацией по оценке учебных достижений (International Association for the Evaluation of Educational Achievement – IEA). Национальным координатором реализации исследования PIRLS в Российской Федерации является ФГБУ «Федеральный институт оценки качества образования».

Таблица

Ретроспективная оценка распространенности практик вовлеченности родителей и других родственников в дела детей в зависимости от возрастных групп респондентов, в %

Практики вовлеченности	14–17	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65+
Отец помогал вам делать уроки	66	60,6	58,9	54,9	48,6	38,7	28,1
Мать помогала вам делать уроки	92,1	90,6	85,0	81,9	75,7	59,6	45,7
Другие взрослые родственники помогали вам делать уроки	53,5	47,9	37,1	29	25,4	21,1	14,8
Отец посещал родительские собрания	46,1	45,9	45,2	43,3	40,4	37,0	29,2
Мать посещала родительские собрания	95,9	95,6	94,4	94,6	93,9	90,1	79,5
Другие взрослые родственники посещали родительские собрания	24,2	27,5	20,1	15,4	11,5	9,5	7,7
Отец читал вам	58,5	56	53,2	51,8	46,4	38,7	30,3
Мать читала вам	93	92	87,5	86,1	81,0	68,2	53,6
Другие взрослые родственники читали вам	61,9	57,2	44,6	38,6	32,8	28,8	20,8
Отец занимался с вами различными видами физической активности, спортом	49,2	42,6	41,6	37	31,5	23,3	14,7
Мать занималась с вами различными видами физической активности, спортом	41,7	35,6	34,2	27,1	23,4	16,9	10,7
Другие взрослые родственники занимались с вами различными видами физической активности, спортом	29,3	22,2	20,3	16,8	13,8	11,3	8,5
Отец водил на приемы к врачу	49,4	44,5	36,8	36,4	31,8	27,4	20,5
Мать водила на приемы к врачу	96,5	97,1	96,1	96,9	95,8	93,1	87,9
Другие взрослые родственники водили на приемы к врачу	42,5	41,8	31	24	18,7	14,9	12
Отец проводил с вами отпуск	71,1	74,3	70,2	71,7	66,6	56,8	44,4
Мать проводила с вами отпуск	85,9	89,2	82,9	82,8	75,7	65,2	50,2
Другие взрослые родственники проводили с вами отпуск	51,4	52,1	41,1	40,5	33,5	25,8	19,6

Примечание. Объединены варианты ответов помогали «иногда» и «часто». Предварительный анализ показал отсутствие статистически значимых различий между категориями «родной отец» и «приемный отец» по анализируемым показателям, число «приемных матерей» в выборке не позволило выделить их в отдельную категорию для анализа, в связи с чем родные и приемные родители в данном исследовании объединены в одну категорию.

Образование является одним из наиболее доступных каналов социальной мобильности. Структура и особенности функционирования этого института могут способствовать как устранению неравенства в обществе, так и наоборот – усиливать его. Все это обуславливает высокую ответственность и заинтересованность родительского участия в образовании детей. Современная ситуация в школьном образовании предполагает активное вовлечение родителей в образовательный процесс. Такая политика способствует развитию интенсивного родительства, что неизбежно затрагивает сферу формальной занятости, когда один из родителей, как правило мать, вынужден уходить с рынка труда, чтобы иметь возможность активно включиться в процесс образования детей. Значительная материнская вовлеченность становится общепринятой практикой. В связи с этим хотелось бы напомнить слова Т.И. Заславской, которая отмечала, что «практики могут меняться, не затрагивая их сущности. Напротив преобразование институтов неизбежно

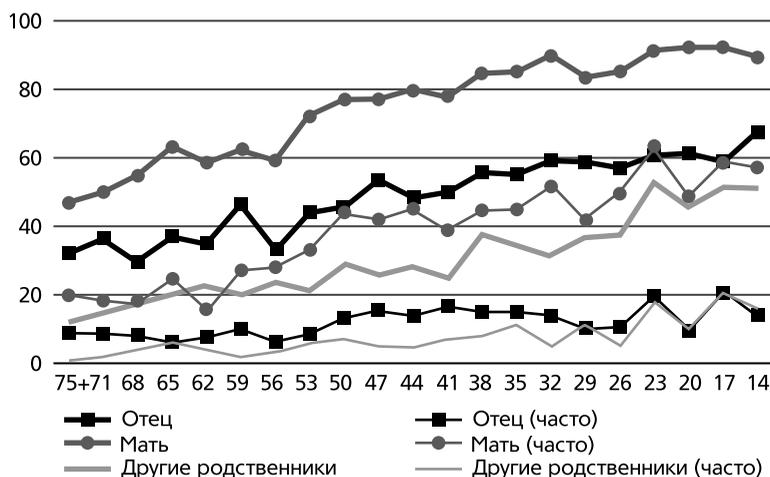

Рис. 1. Ретроспективная оценка распространенности практики помощи детям с уроками (в зависимости от возраста респондента), в %

Примечание. В связи с недостаточным числом респондентов старше 75 лет их ответы представлены в виде среднего значения по группе 75+. Здесь и далее на графиках категории возраста даны в обратном порядке с целью представления трансформаций практик в последовательном временном континууме.

сопровождается изменением практик, причем последнее служит самым надежным критерием подлинных институциональных сдвигов» [Заславская, 2001: 7].

Интенсификация материнства сопровождается также расширением круга взрослых, включенных в процесс подготовки уроков с ребенком (рис. 2). Если представители старшего и среднего поколений могли рассчитывать в школьные годы преимущественно на помощь одного или двух взрослых при подготовке уроков, то три четверти респондентов в возрасте до 20 лет были окружены двумя и более взрослыми, помогающими

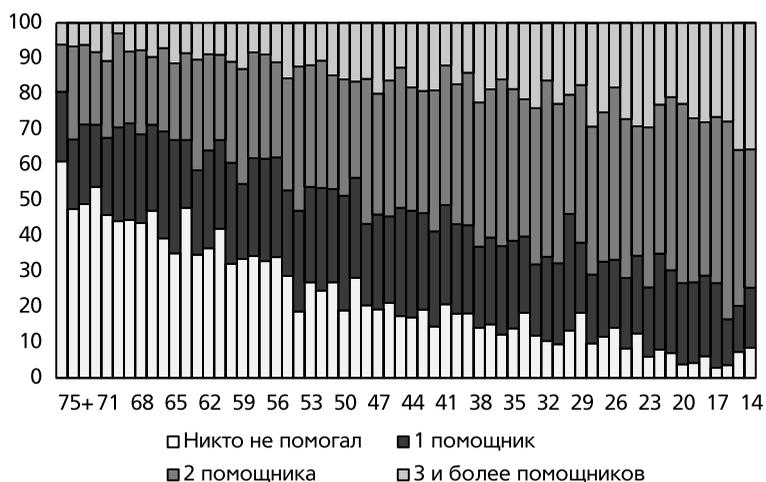

Рис. 2. Динамика соотношения числа взрослых, помогавших с уроками (в зависимости от возраста респондента), в %

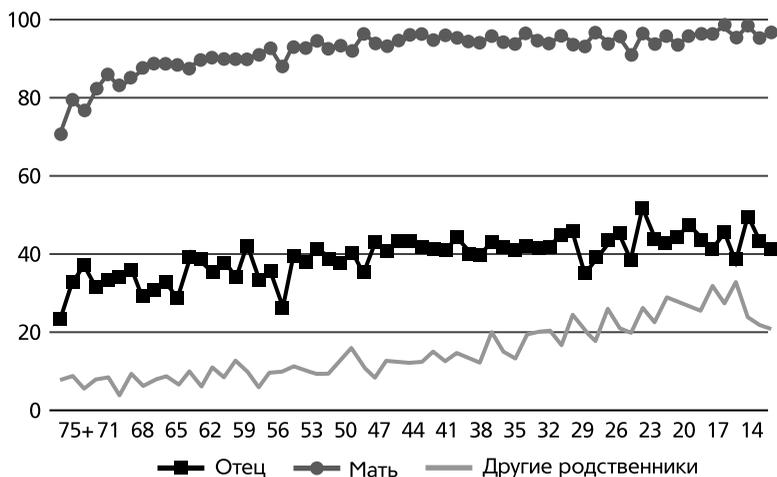

Рис. 3. Ретроспективная оценка распространенности практики посещения родительских собраний (в зависимости от возраста респондента), в %

выполнять домашние задания. Отметим также, что практика самостоятельной подготовки уроков, которую мы практически в половине случаев наблюдаем у старшего поколения, сегодня встречается у 4–7% подростков в возрасте 14–17 лет.

Практика посещения родительских собраний, которая, как отмечалось выше, является одной из обязанностей родителей, претерпела меньшие изменения, оставаясь на протяжении всего периода наблюдений прерогативой матерей (рис. 3). Доля матерей, которые посещают родительские собрания, имея изначально высокие значения, за рассматриваемый период выросла незначительно. Увеличение вклада отцов и других родственников немного заметнее, но доля участвующих в этой практике среди них значительно ниже, чем среди матерей. Лишь около половины сегодняшних подростков отметили, что их отцы посещали родительские собрания.

Существенные изменения произошли в реализации практики чтения книг детям – они приобрели характер общепринятой нормы. Доля тех, кому совсем не читали в детстве, стремительно падает со снижением возраста (рис. 4). Среди современных подростков таких не более 5%. При этом постепенно увеличивается доля тех, кому читали книги несколько взрослых. Чтение – пожалуй, одна из самых распространенных категорий, включаемых исследователями в конструкт родительской вовлеченности. В работах, нацеленных на поиск связи практики чтения и дальнейших академических успехов, эффективности родительской вовлеченности, нередко отмечается тот факт, что в культуре современного общества ценность чтения высока сама по себе, а его значимость сложно выделить, поскольку оно, как правило, связано с другими практиками, повышающими культурный капитал человека (см., напр.: [Любичкая, 2020]).

Максимальный вклад в распространение практики чтения детям вносят матери. Так, 9 из 10 представителей молодежи в возрасте до 30 лет указали, что их матери читали им в детстве, тогда как среди отцов и других родственников таких оказалось немногим более половины. Причем на графике, представленном на рис. 5, мы видим заметный рост этой доли для всех взрослых, окружающих ребенка. Вместе с тем более детальный анализ показывает, что часто читают детям в основном матери. И если для старшего поколения в возрасте 60+ этот показатель составляет около 30%, то для молодежи до 25 лет – более 65%. Вклад отцов и других родственников в практику регулярного чтения детям значительно скромнее – 10 и 5% соответственно для старшего поколения и порядка 20% для молодежи.

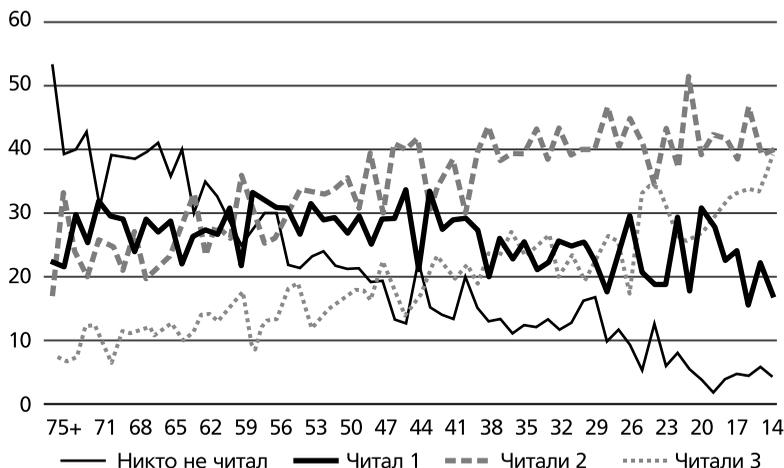

Рис. 4. Ретроспективная оценка числа взрослых, читавших респонденту в детстве (в зависимости от возраста респондента), в %

Рост распространения практики чтения с детьми является отражением общего роста уровня образования населения и повышения его ценности. В исследовании, посвященном читательской грамотности детей, отмечается, что порядка 80% семей, в которых мать имеет высшее образование, регулярно практикуют чтение с детьми [Капуза, Захаров, 2017: 50].

Занятия физической активностью – это единственное поле взаимодействия с ребенком, где ведущая роль принадлежит отцу. Причем это утверждение верно для всех возрастов респондентов, несмотря на то что для старшего поколения участие отцов, матерей и других родственников в этом виде активности в целом было не слишком распространенным явлением (рис. 6). Разница в вовлеченности взрослых для этого поколения оказывается минимальной, но постепенно разрыв увеличивается – отцы сохраняют

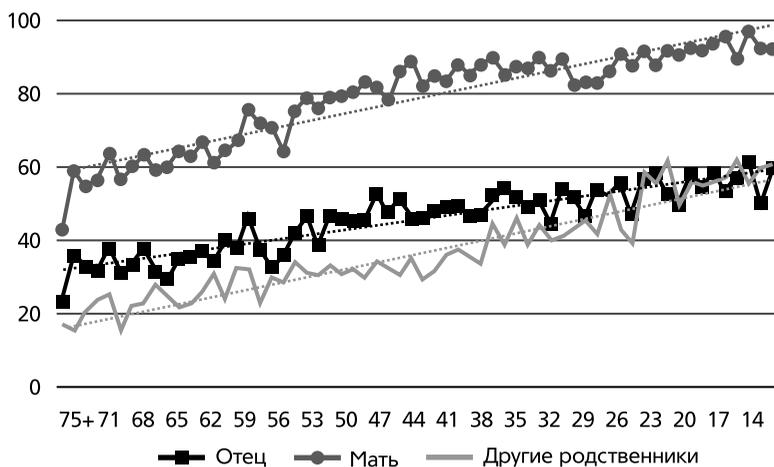

Рис. 5. Ретроспективная оценка распространенности практики чтения (в зависимости от возраста респондента), в %

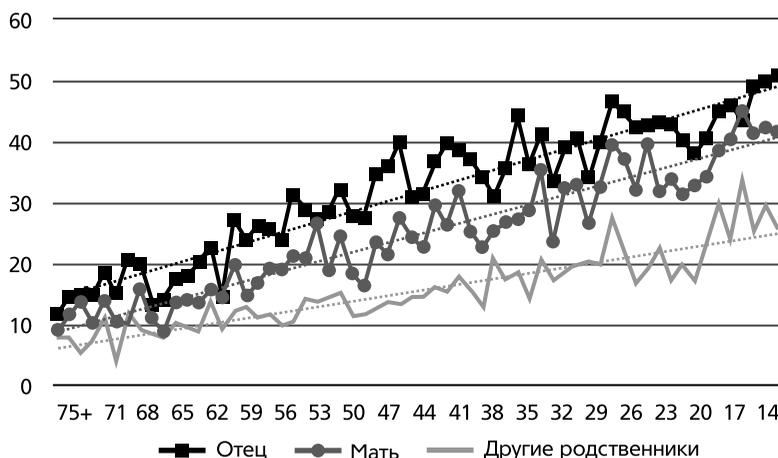

Рис. 6. Ретроспективная оценка распространенности практик физической активности (в зависимости от возраста респондента), в %

лидерство, вовлеченность матерей растет практически синхронно с вовлеченностью отцов, в то время как роль других родственников в реализации практик физической активности возрастает менее заметно.

Полученные результаты соотносятся с выводами других авторов, отмечающих, что мужчины в большей степени ориентированы именно на активную досуговую деятельность с детьми [Егорова и др., 2020]. В исследовании этих же ученых отмечается, что отцы чаще включаются во взаимодействие с сыновьями, чем с дочерьми [там же]. Действительно, анализ вовлеченности отцов в занятия различными видами физической активности с детьми показывает статистическую значимость⁸ при оценке ответов респондентов разного пола: в среднем отцы на 10% чаще включались в такие занятия с сыновьями, чем с дочерьми. Примечательно, что при анализе аналогичных практик, реализуемых матерями, статистически значимых гендерных различий обнаружено не было – матери готовы включаться в физически активные занятия с сыновьями и дочерьми наравне. В целом проведенный анализ остальных практик, рассматриваемых в данном исследовании, подтвердил наличие в семьях «сыноцентризма», на который российские [Sivak, Smirnov, 2019] и зарубежные [Raley, Bianchi, 2006] исследователи неоднократно обращали внимание, – действительно отцы больше вовлечены в практики взаимодействия с сыновьями, нежели с дочерьми. При этом в занятиях различными видами физической активности отцов с сыновьями это проявляется наиболее ярко. Кроме того, отцы чаще посещали родительские собрания и проводили отпуск с сыновьями, чем с дочерьми.

Одной из самых нейтральных родительских практик с точки зрения пола ребенка является посещение врача. Как и в случае с посещением родительских собраний, роль матерей здесь является ведущей, достигая практически 100-процентного предела для молодежи, в то время как для поколения респондентов старше 60 лет этот рубеж составляет около 90% (рис. 7). При этом мы наблюдаем значительный рост вовлеченности отцов и других родственников. Для молодежи в возрасте до 25 лет показатель этой вовлеченности превышает отметку в 40%, в то время как для поколения 60+ составляет 23% в отношении отцов и 12% – других родственников.

⁸ Статистика χ^2 значима на уровне 0,05.

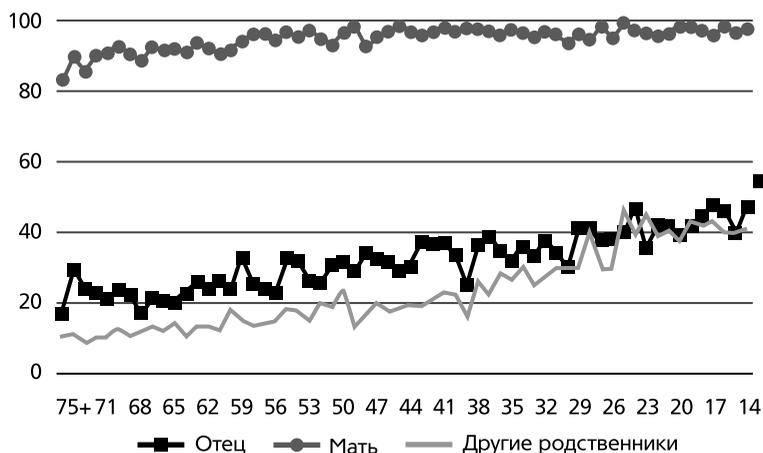

Рис. 7. Ретроспективная оценка распространенности практик посещения врача (в зависимости от возраста респондента), в %

К родительским практикам, получившим широкое распространение, относится проведение отпуска с детьми (рис. 8). Особенно часто берут с собой детей на отдых матери. Примечательно, что и отцы, и матери берут мальчиков в отпуск чаще, чем девочек, для других родственников это различие статистически незначимо. Но при этом особого внимания заслуживает заметный рост доли других родственников, участвующих в реализации этой практики.

Анализ данных в зависимости от типа населенного пункта, в котором родился респондент, показал наличие статистически значимых различий по всем видам рассматриваемых практик между городом и селом – в городе вовлеченность родителей и других родственников в дела детей ожидаемо выше. При этом минимальные различия наблюдаются в уровне вовлеченности в практики посещения родительских собраний и врача.

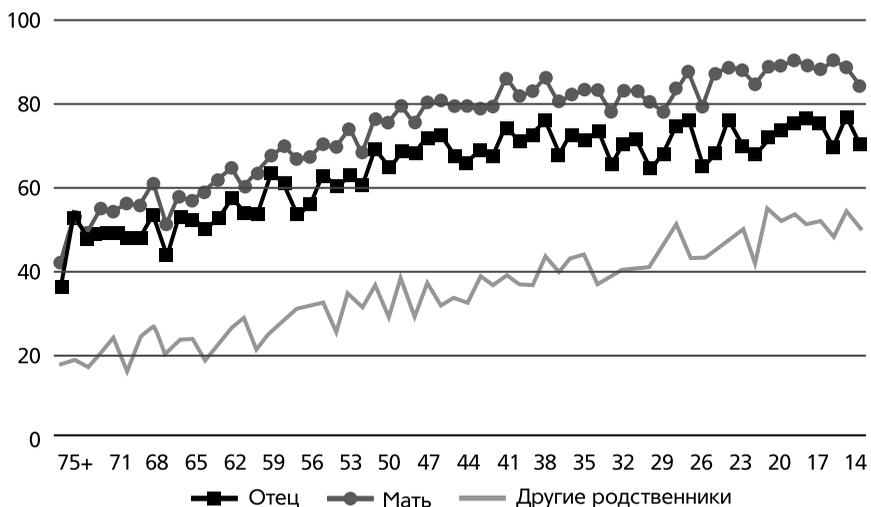

Рис. 8. Ретроспективная оценка распространенности практик проведения отпуска (в зависимости от возраста респондента), в %

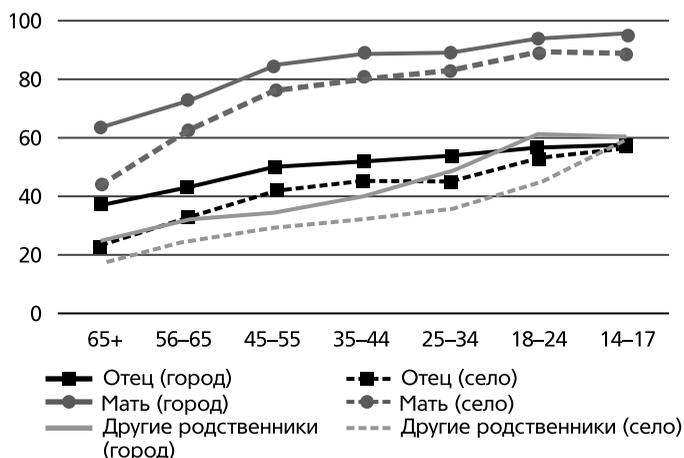

Рис. 9. Ретроспективная оценка распространенности практик чтения (в зависимости от возрастной группы и типа населенного пункта, в котором родился респондент), в %

Интересные результаты получены в отношении распространенности практики чтения детям. Это хорошо иллюстрируют данные, изложенные на рисунке 9. Лидерами являются городские матери – превышение ими уровня вовлеченности матерей, проживающих в селе, составляет 5–10%, а для старшей возрастной группы – 20%. Уровень вовлеченности отцов, проживающих в городе, практически для всех возрастных когорт был выше уровня вовлеченности остальных выделенных групп родственников (за исключением матерей). При этом мы видим, что для возрастной когорты 14–17 лет значения для всех групп родственников, кроме матерей, практически сравнялись, составив около 60%.

По уровню вовлеченности в практики физической активности с детьми лидерами ожидаемо являются городские отцы. Для возрастной группы 14–17 лет этот показатель превышает отметку 50%. Именно отцы вносят максимальный вклад в распространение данной практики. Значения анализируемого показателя для городских матерей и отцов, проживающих в селе, сопоставимы по всем возрастным когортам.

Распространение практики проведения отпуска с детьми возрастает равномерно для всех выделенных категорий родственников, при этом вовлеченность городских матерей для возрастных групп 14–17 и 18–24 лет близка к 100%.

Закключение. Проведенный анализ зафиксировал значимые восходящие тренды, касающиеся практик вовлеченности родителей в жизнь детей. Одновременно выявлено заметное снижение уровня так называемой «скрытой безотцовщины», выражающейся «в том, что в ряде случаев отцы, живя в семье, не принимают или почти не принимают участия в воспитании своих детей» [Харчев, 1979]. Наиболее высок этот показатель в двух старших возрастных группах: у представителей 65+ он составляет 31,3%, а в группе 56–65 – 22,9%. При этом самый низкий показатель, составляющий 14,3%, выявлен в группе 14–17-летних. Снижается с уменьшением возраста и доля тех, чьим воспитанием занималась исключительно мать (при наличии отца или других родственников): в самых старших возрастных группах этот показатель составляет 25,5 и 16,4% соответственно, в то время как в младшей группе – 4,9%. Примечательно, что в выборке не представлено ни одного случая полного отсутствия участия матери в практиках взаимодействия с детьми. Доля «неучаствующих» родственников (не считая отца и мать) снижается с 50,5% в старшей возрастной когорте до 19,6% в младшей.

В работе намеренно не оценивается влияние рассматриваемых практик на дальнейшую жизнь детей и их достижения, поскольку это является отдельной исследовательской

задачей. Как отмечал Дж. Коулман: если «человеческий капитал родителей не дополнен социальным капиталом, воплощенным в семейных отношениях, то он не играет большой роли в образовательном уровне ребенка, вне зависимости от того, каковы размеры человеческого капитала родителей» [Коулман, 2001]. Вовлеченность родителей, по сути, и представляет собой этот социальный капитал, неуклонный рост которого был продемонстрирован в работе.

Уход за ребенком, воспитание и формирование его личности – процесс, в котором, как правило, принимают участие два ключевых агента – родители (или опекуны) и государство. Государство не только устанавливает определенные социальные нормы, в рамках которых действуют родители, но и оказывает на ребенка и семью в целом непосредственное влияние в первую очередь через систему образования. И если влияние государства имеет скорее глобально-универсальный характер, то родительское участие в жизни детей представляет собой «тонкую настройку», которая меняется вслед за системными преобразованиями. Анализируемые данные позволили представить трансформацию практик вовлеченности родителей и других родственников в жизнь детей, показать, что дети постепенно стали более значимой частью жизни взрослых, а само родительство приобрело интенсивный характер. Наибольший уровень вовлеченности демонстрируют матери, которые всегда были ключевыми взрослыми в жизни детей. При рассмотрении практик, которые были условно отнесены нами к прямым родительским обязанностям, их вовлеченность достигает практически 100%. Рост вовлеченности отцов и других родственников в практики посещения родительских собраний и особенно посещения врача заметен, однако именно на этих примерах ярко проявляется гендерная асимметрия родительства. Наибольший рост эгалитарности родительства проявляется в досуговой сфере. В практиках чтения детям, которые отчасти могут быть отнесены к сфере досуга, вовлеченность отцов значительно уступает вовлеченности матерей, особенно при рассмотрении регулярных практик. Отцы постепенно включались в практики проведения отпуска с детьми, хотя и здесь рост вовлеченности матерей опережает отцовские показатели. Зона ответственности, в которую наиболее активно включаются отцы, – это физическая активность с детьми, преимущественно с сыновьями. Все это происходит на фоне увеличения числа взрослых, включенных в жизнь детей.

На наш взгляд, процессу роста родительской вовлеченности в нашей стране способствовал комплекс факторов. В первую очередь это улучшение социально-экономического положения населения. Общее повышение дохода, образования и главное – ценности образования сместили родительский фокус с материального обеспечения детей на их развитие, что способствовало появлению некоторой родительской конкурентности, формированию формата «вовлеченного родителя», заинтересованного в развитии ребенка. Немаловажную роль сыграло научно-техническое развитие, сократившее объем времени, требующегося для выполнения домашнего труда, ухода за детьми. И, наконец, важное влияние оказала социальная и образовательная политика, которая напрямую и косвенно отражается на распределении обязанностей по уходу и воспитанию детей как между государством и семьей, так и внутри семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева А.Д. Функциональность семьи в современном транзитивном обществе // Научный диалог. 2017. № 6. С. 258–269. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-258-269.
- Антипкина И.В., Любичкая К.А., Нисская А.К. Вовлеченность родителей третьеклассников в учебные дела детей // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 230–260. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-4-230-260.
- Багирова А.П., Шубат О.М. Концептуальные подходы к качеству родительского труда // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 31. С. 2–6.
- Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академ. проект, 2005.
- Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: ИС РАН, 2008.
- Егорова Н.Ю., Янак А.Л., Рябинская Е.С. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 233–251.
- Заславская Т.И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Куда идет Россия; Кто и куда стремится вести Россию? / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 3–15.
- Исупова О.Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 3. С. 180–189.
- Капуза А.В., Захаров А.Б. Обучение чтению до школы и читательская грамотность детей в первом и конце четвертого класса: роль культурного капитала семьи // Образование и социальная дифференциация / Отв. ред. М. Карной, И.Д. Фрумин, Н.Н. Кармаева. М.: ВШЭ, 2017. С. 43–62.
- Караханова Т.М., Большакова О.А. Бюджет времени рабочих как отражение их реального поведения в повседневной жизни (1965–2014 гг.) // Вестник Института социологии. 2016. № 18. С. 70–96. DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.413.
- Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
- Любичкая К.А. Родительская вовлеченность в формирование образовательного пространства детей. Резюме: дис. канд. н. об образовании. М., 2020.
- Любичкая К.А. Родительская вовлеченность в формирование образовательного пространства детей // Педагогика. 2019. № 8. С. 64–72.
- Патрушев В.Д. Жизнь горожанина (1965–1998). М.: Academia, 2001.
- Поливанова К.Н., Вопилова И.Е., Нисская А.К. Образовательные программы для родителей: история и современные тенденции // Педагогика. 2015. № 7. С. 95–101.
- Рождественская Е.Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 155–185.
- Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: 1979.
- Янкова З.А., Ачильдиева Е.Ф., Лосева О.К. Мужчина и женщина в семье. М.: Финансы и статистика, 1983.
- Coleman J.S. Equality of Educational Opportunity. U.S. Government printing office, Washington.
- Epstein J.L., Sheldon S.B. Moving forward: Ideas for research on school, family, and community partnerships // Conrad C., Serlin R. (eds) SAGE handbook for research in education: Engaging ideas and enriching inquiry. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2006. P. 117–138.
- Harris K.M., Morgan S.P. Fathers, Sons, and Daughters: Differential Paternal Involvement in Parenting // Journal of Marriage and the Family. 1991. Vol. 53(3). P. 531–534. DOI: 10.2307/352730.
- Jeynes W.H. Parental Involvement Research: Moving to the Next Level // School Community Journal. 2011. Lincoln. Vol. 21. No. 1. P. 9–18.
- McLanahan S., Sandefur G. Growing Up with a Single Parent: What Hurts, What Helps. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
- Punter R.A., Glas Cees A.W., Meelissen Martina R.M. Psychometric Framework for Modeling Parental Involvement and Reading Literacy, Springer, 2015.
- Raley S., Bianchi S. Sons, Daughters, and Family Processes: Does Gender of Children Matter? // Annual Review of Sociology. 2006. Vol. 32: 401–421. DOI: 10.1146/annurev.soc.32.061604.123106.
- Sayer L.C., Bianchi S.M., Robinson J.P. Are Parents Investing Less in Children? Trends in Mothers' and Fathers' Time with Children // American Journal of Sociology. 2004. Vol. 110. No. 1: 1–43. DOI: 10.1086/386270.
- Sivak E., Smirnov I. Parents mention sons more often than daughters on social media // PNAS. 2019. Vol. 116. No. 6. P. 2039–2041. DOI: 10.1073/pnas.1804996116.

Статья поступила: 12.05.23. Финальная версия: 16.06.23. Принята к публикации: 27.06.23.

TRANSFORMATION OF PARENTAL INVOLVEMENT IN THE CHILDREN'S LIVES

DOROFEEVA Z.Y.***, KOZYREVA P.M.***

*HSE University, Russia; **Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Zlata Y. DOROFEEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Researcher (zdorofeeva@hse.ru); Polina M. KOZYREVA, Dr. Sci. (Sociol.), First Deputy Director; Head of the Center (pkozyreva@isras.ru). Both – Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy, HSE University; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. Using data from the “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE), this article analyzes the process of transforming parental involvement in children’s lives. A retrospective analysis of 6 categories of practices of this involvement is conducted against the background of social transformations: preparing lessons, attending parent-teacher meetings, reading, physical activity, visiting doctors and vacationing. The study revealed an intensification of interaction with children in all areas, a decrease in gender asymmetry is manifested in the growth of the fathers’ involvement and a decrease in the predominant involvement of mothers. The analyzed data allowed to present the transformation of parental and other relatives’ involvement practices in children’s lives, showing that children have gradually become a more significant part of adults’ lives, and parenting itself has become more intensive.

Keywords: parental involvement, parenting, parental practices, intensive parenting, RLMS-HSE.

REFERENCES

- Andreyeva A.D. (2017) Functionality of Family in Modern Transitive Society. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue]. No. 6: 258–269. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-258-269. (In Russ.)
- Antipkina I.V., Lyubitskaya K.A., Nisskaya A.K. (2018) Third-Grade Parent’s Involvement in Schools. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 4: 230–260. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-4-230-260. (In Russ.)
- Bagirova A.P., Shubat O.M. (2011) Conceptual approaches to the quality of parental work. *Economicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice]. No. 31: 2–6. (In Russ.)
- Coleman J. (2001) Social and Human Capital. *Obschestvennye nauki i sovremennost’* [Social sciences and contemporary world]. No. 3: 121–139. (In Russ.)
- Coleman J. (1966) *Equality of Educational Opportunity*. U.S. Government printing office, Washington.
- Egorova N.Y., Yanak A.L., Ryabinskaya E.S. (2020) Parental roles in the modern Russian family: the male boundaries. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsialnyje peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 233–251. (In Russ.)
- Epstein J.L., Sheldon S.B. (2006) Moving forward: Ideas for research on school, family, and community partnerships. In: Conrad C., Serlin R. (eds) *SAGE handbook for research in education: Engaging ideas and enriching inquiry*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications: 117–138.
- Giddens A. (2005) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Akadem. proekt. (In Russ.)
- Gurko T.A. (2008) *Marriage and parenthood in Russia*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Harris K.M., Morgan S.P. (1991) Fathers, Sons, and Daughters: Differential Paternal Involvement in Parenting. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 53(3): 531–534.
- Isupova O.G. (2018) Intensive motherhood in Russia: mothers, daughters and sons in school upbringing. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i culture* [Emergency ration. Debate about politics and culture]. No. 3 (119): 180–189. (In Russ.)
- Jeynes W.H. (2011) Parental Involvement Research: Moving to the Next Level. *School Community Journal*. Lincoln. Vol. 21. No. 1: 9–18.
- Kapuz A.V., Zakharov A.B. (2017) Learning to read before school and reading literacy of children in the first and end of the fourth grade: the role of the family’s cultural capital. In: Carnoy M., Frumin I.D., Karmaeva N.N. (eds) *Education and social differentiation*. Moscow: VSHE: 43–62. (In Russ.)
- Karakhanova T.M., Bolshakova O.A. (2016) Laborers time budget as a reflection of their actual behavior in everyday life. *Vestnik Instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 18. No. 3: 70–96. DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.413. (In Russ.)
- Kharchev A.G. (1979) *Marriage and family in the USSR*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Lyubitskaya K.A. (2019) Parental involvement in the formation of children’s educational environment. *Pedagogika* [Pedagogy]. No. 8: 64–72. (In Russ.)

- Lybitskaya K.A. (2020) *Parental engagement in the construction of children's educational space*. Dis. ... cand. sci. Moscow. (In Russ.)
- McLanahan S., Sandefur G. (1994) *Growing Up with a Single Parent: What Hurts, What Helps*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Patrushev V.D. (2001) *The life of a city inhabitant (1965–1998)*. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Polivanova K.N., Vopilova I.Ye., Nisskaya A.K. (2015) Educational programs for parents: history and current trends. *Pedagogika* [Pedagogy]. No. 7: 95–101. (In Russ.)
- Punter R. Annemiek, Glas Cees A.W., Meelissen Martina R.M. (2015) *Psychometric Framework for Modeling Parental Involvement and Reading Literacy*. Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-28064-6.
- Raley S., Bianchi S. (2006) Sons, Daughters, and Family Processes: Does Gender of Children Matter? *Annual Review of Sociology*. Vol. 32: 401–421. DOI: 10.1146/annurev.soc.32.061604.123106.
- Rozhdestvenskaya E.Y. (2020) Involved Fatherhood, Caring Masculinity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5: 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676. (In Russ.)
- Sayer L.C., Bianchi S.M., Robinson J.P. (2004) Are Parents Investing Less in Children? Trends in Mothers' and Fathers' Time with Children. *American Journal of Sociology*. Vol. 110. No. 1: 1–43. DOI: 10.1086/386270.
- Sivak E., Smirnov I. (2019) Parents mention sons more often than daughters on social media. *PNAS*. Vol. 116. No. 6: 2039–2041. DOI: 10.1073/pnas.1804996116.
- Yankova Z.A., Achil'dieva E.F., Loseva O.K. (1983) *Man and Woman in the Family*. Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Zaslavskaya T.I. (2001) About the subject-activity aspect of the transformation process. In: *Where is Russia going; Who is striving to lead Russia and where?* Moscow: MSSES: 3–15. (In Russ.)

Received: 12.05.23. Final version: 16.06.23. Accepted: 27.06.23.

О.Н. БЕЗРУКОВА, В.А. САМОЙЛОВА

«НЕНУЖНЫЕ» ДЕТИ? ЦЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСТВА, ПРАВА ОТЦОВ И МАТЕРЕЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСТАНОВКАХ РОССИЯН

БЕЗРУКОВА Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, и.о. зав. кафедрой социологии молодежи и молодежной политики (o.bezrukova@spbu.ru); САМОЙЛОВА Валентина Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы (v.samojlova@spbu.ru). Обе – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. В статье анализируются социокультурные установки населения, отражающие ценности родительства, отношение к правам отцов и матерей в ситуации репродуктивного выбора, распределению ответственности за отказ от новорожденного между матерью, отцом, ближайшими родственниками, к поддержке детей из семей алко- и наркозависимых граждан, матерей с повышенным риском отказа от новорожденных, оставления их в бэби-боксах. Опрошено 2000 респондентов в восьми федеральных округах РФ, проведено 15 фокус-групп (N = 142) с руководителями и специалистами, родителями и 15 глубинных интервью с молодыми матерями. Сделан вывод о том, что 90% участников исследования негативно оценивают оставление матерью ребенка, при этом более половины опрошенных занимают крайне осуждающую позицию, более трети проявляют к ней сострадание и участие. Обвиняющую позицию чаще занимают лица молодого возраста, с начальным и средним профессиональным образованием, верующие, сострадающую – лица старшего возраста, с высшим и незаконченным высшим образованием, неверующие. Поляризация мнений граждан наблюдается в отношении доминирующего права матери на репродуктивный выбор в ситуации аборта, признании репродуктивных прав отцов в ситуации прерывания беременности, допустимости аборта в ситуации невозможности воспитать ребенка. Выявлена потребность общества в эгалитаризации родительских прав и ответственности отцов за репродуктивные решения и заботу о ребенке. Сформулированы показатели ответственного отцовства.

Ключевые слова: ценности родительства • социокультурные установки • материнство • ответственное отцовство • аборт • этическая дилемма • отказ от новорожденного ребенка • бэби-бокс • права детей • права отцов

DOI: 10.31857/S013216250027371-1

Введение. Демографический кризис и снижение рождаемости обуславливают повышенное внимание государства к новорожденным детям и семьям с детьми как нуждающимся в защите и поддержке. С одной стороны, наблюдаются позитивные тенденции снижения показателей смертности и заболеваемости новорожденных, усиливается медико-социальная помощь и внимание к репродуктивному здоровью и поведению мужчин и женщин, разрабатываются новые меры поддержки семей [Сакевич, Денисов, 2019; Архангельский, Калачикова, 2021; Елизаров, Синеца, 2019; Шрайбер и др., 2020]. Более нетерпимым становится отношение к насилию в отношении детей, как результат – снизилось число случаев убийств новорожденных матерями¹. С другой стороны, по-прежнему широко распространены слу-

---

Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 23-18-00770). URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00770/> и Госконтракта № ГК 17/201.

¹ По данным Росстата, в 2008 г. зарегистрировано 149 случаев, квалифицированных как «убийство матерью новорожденного», в 2014 г. – 86, в 2020 г. – 51. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/b75FAADW/5-1.xls> (дата обращения: 26.04.2023).

чаи халатного отношения родителей к здоровью детей, оставления новорожденных и детей раннего возраста в опасности. Обострились проблемы неблагополучия в семейных отношениях, растет внебрачная рождаемость, наблюдается дефицит ответственного отцовства. В 2020 г. в России вновь наметился рост доли детей, родившихся у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке². Так, в 2022 г. 22,8% детей было рождено вне брака³, при этом практически в половине случаев отцовство официально не устанавливается⁴, т.е. каждый десятый ребенок в стране не признан своим отцом.

Особую тревогу представляют семьи с детьми, где родители ведут асоциальный образ жизни, имеют наркотическую зависимость. По данным Доклада о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2021 г., на начало 2022 г. на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России состояло 132,7 тыс. граждан, имеющих на иждивении детей и не исполняющих и (или) ненадлежащим образом исполняющих обязанности по их содержанию, обучению и воспитанию. Значительное число этих родителей не работали (77,5 тыс.), употребляли спиртные напитки (83,7 тыс.) и наркотики (3,3 тыс.), 16,5 тыс. имели судимость. На профилактический учёт поставлено почти 92 тыс. неблагополучных родителей (Доклад...: 148–149). Такие ситуации возможны при истощении нравственных основ семейного образа жизни, обеднении ценностей детей и родительства. Очевидно, у многих родителей не сформирована культура семейной жизни, недостаточно внутренних ресурсов, чтобы справляться с имеющимися проблемами. Кроме того, велики риски бедности и маргинализации семей в отсутствие постоянной работы, востребованного образования, достойного жилья. До сих пор не создана комплексная и разветвленная система профилактики семейного неблагополучия, недостаточно структур социальной поддержки семей и матерей в кризисной ситуации [Безрукова, Самойлова, 2022a], отсутствует целенаправленная работа с мужчинами и отцами по формированию ответственного и вовлеченного отцовства, наблюдается дефицит профилактической работы с отказами от новорожденных [Пучкина, 2009; Манерова, Маркина, 2022], не проработаны альтернативные механизмы сохранения здоровья и жизни детей – анонимные роды, «безопасные прибежища», бэби-боксы [Friedman, Resnick, 2009; Устинова, 2013; Безрукова и др., 2021].

Методология исследования. В качестве теоретической основы исследования, во-первых, учитывались положения о трансформации института семьи и брака [Amato, 2005; Гурко, 2017 и др.], теории изменения ценностей семейного образа жизни, детей, детско-родительских отношений, рождаемости [Ценности..., 2020; Синельников, 2018 и др.]. Во-вторых, родительство (parenting) рассматривается как исторически и культурно обусловленное отношение к детям; чувства, родительские роли, практики поведения [Кон, 1999; Гурко, 2008 и др.] и ценности родительства как одна из групп семейных ценностей – комплекс эмоционально и культурно обусловленных устойчивых убеждений о предпочтительных моделях репродуктивного, экзистенциального, социализационного поведения родителей с целью рождения и воспитания детей [Безрукова, 2016: 119]. В-третьих, учитывались распространенные в общественном мнении установки и стереотипы,

² До середины 1980-х гг. доля внебрачных рождений в РФ немного превышала 10%, в 2005 г. возросла до 30%, в 2016 г. снизилась до 21,1%, в 2016–2019 гг. стабилизировалась на уровне около 21%, в 2021 г. увеличилась до 22%. См.: Демографические итоги I полугодия 2022 года // Демоскоп Weekly. 2022. № 957–958. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0957/barom05.php> (дата обращения: 05.03.2023).

³ Родившиеся живыми у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, по субъектам Российской Федерации в 2022 г. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_2022.xlsx (дата обращения: 19.06.2023).

⁴ Родившиеся живыми по брачному состоянию матери. Демографический ежегодник России. 2021: Стат. сб. М., 2021. С. 67. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dem21.pdf> (дата обращения: 26.04.2023).

в котором родительство воспринимается как трудная обязанность, а воспитание детей сопряжено с большим количеством проблем и рисков [Балабанов и др., 2009; Безрукова, 2016; Костина и др., 2019].

В общественном мнении существуют полярные позиции по поводу проблем с высокой этической нагрузкой, таких как аборты, репродуктивные права женщин; отказы от новорожденных, помощь семьям с выраженным неблагополучием (пьющие, опустившиеся) [Исупова, 2002; Клупт, 2021; Борисов и др., 2021; Безрукова, Самойлова, 2022а и др.]. Наряду с гуманистическими убеждениями в безусловной ценности детей, их значимости для продолжения рода, накопления человеческого капитала общества, демографического развития страны, высказываются жесткие, бескомпромиссные оценки в адрес «маргинальных» родителей, ограничивающие их человеческие права, предложения отказаться от поддержки детей из бедных и неблагополучных семей в пользу детей из «хороших» семей среднего класса [Латов, Латова, 2021], проявляется равнодушие к проблеме оставления детей, непонимание причин отказов от ребенка [Ковалевский, 2015].

Цель статьи заключается в сравнительном анализе социокультурных установок населения – сторонников и противников бэби-боксов – в отношении ценностей родительства и детей, прав отцов и матерей в ситуации репродуктивного выбора. Основные исследовательские задачи включали изучение мнений населения о распределении ответственности за отказ от новорожденного между матерью, отцом, ближайшими родственниками, о правах отцов, отношении к поддержке детей и семей уязвимых групп, матерей с повышенным риском отказа от новорожденных, в том числе оставления их в бэби-боксах.

В качестве гипотезы выступало предположение о том, что сторонники бэби-боксов в целом более гуманистически настроены и в значительно большей степени склонны к объективному восприятию трудной жизненной ситуации матерей, оставляющих новорожденных детей, неосуждающему эмпатическому отношению к матерям по сравнению с противниками⁵. В качестве критерия выявления различий между группами сторонников и противников мы рассматривали выбор респондентами ответа на вопрос: «Как вы считаете, нужны или не нужны бэби-боксы?»

Эмпирическая основа статьи – данные комплексного исследования, проведенного в 2017–2018 и 2023 гг.: 1) телефонный опрос жителей поселений разного типа восьми федеральных округов РФ ($N = 2000$). Критерии отбора: пол, возраст, тип населенного пункта, федеральный округ. Доля мужчин – 46,7%, женщин – 53,3%. Предел погрешности выборки 2%; 2) 15 фокус-групп в пяти регионах РФ, где используется технология «бэби-боксы» (Краснодарский и Пермский края), в отказавшихся (Владимирская область, Санкт-Петербург), с преимущественно мусульманским населением (Башкирия). Целевые группы: специалисты социальных государственных и негосударственных учреждений; сотрудники отделов по опеке и попечительству; представители СМИ; родители, имеющие новорожденных и детей раннего возраста, приемных детей ($N = 142$); 3) глубинные интервью с молодыми матерями до 35 лет ($N = 15$), проведены в Санкт-Петербурге.

Установки по отношению к матерям, оставляющим своих детей. На отношение к бэби-боксам как своеобразному инструменту преодоления матерями своих жизненных трудностей влияют социокультурные установки личности, затрагивающие гуманистические ценности, ценности материнства, родительства, детей и т.д. Их распространенность характеризует состояние общественного сознания с точки зрения его содержания, дифференцированности, присущих ему стереотипов и т.д. Важно, в каком виде они присутствуют в сознании людей, направляющих и реализующих деятельность по социальной поддержке граждан.

Обобщенная установка по отношению к матерям-отказницам, отраженная в формулировке «*нормальная мать не откажется от своего ребенка*», характерна для большинства опрошенных – 88,9%. Это ожидаемое проявление нормативности общественного

⁵ См. подробнее о бэби-боксах и практиках анонимного оставления детей [Безрукова и др., 2021].

сознания и восприятия отказов как социальной девиации. Противники бэби-боксов более непреклонны в следовании этой норме – 95,0%, десятая часть сторонников с ней не согласна и проявляет более гибкую позицию.

Подавляющее большинство также считает, что «можно всегда найти какой-то выход, но не отказываться от своего ребенка», – 89,1%, причем убежденность в этом противников выше, чем сторонников (94,1 против 87,6%). С одной стороны, отметим конструктивность такой установки, с другой – а всегда ли есть для этого необходимые ресурсы и можно ли их найти без посторонней помощи?

Осуждающее отношение к матери-отказнице отражено в формулировке «не может быть никакого оправдания матерям, оставляющим своих детей» (табл. 1). Согласны с этим утверждением 54,6%. В то же время более трети – 35,8% – проявляют готовность к участию и состраданию: «матери, оставляющие своих детей, заслуживают сострадания и участия». Эти эмоционально нагруженные суждения отражают противоположные позиции, хотя и не полностью дихотомичны. В первом случае это резкое обвинение, проявление гнева и неприятия, во втором сострадание, а также поддержка, участие, которые оправдания как необходимого условия не предполагают. Как точно выразился один из участников фокус-групп, «осуждения заслуживает поступок матери, а саму ее нужно пожалеть и ей помочь»⁶. Если первая установка отражает недифференцированное эмоциональное восприятие данного явления, вторая предполагает необходимость более внимательного отношения к ситуации, ее причинам, возможностям исправления.

Сравнение противников и сторонников бэби-боксов показывает, что среди первых значительно больше осуждающих (68,5 против 50% сочувствующих). Напротив, среди сторонников бэби-боксов больше сочувствующих (40,6 против 22,7% осуждающих). Иными словами, те, кто осуждает матерей, чаще отвергают бэби-боксы, кто им сочувствует – считают, что бэби-боксы нужны.

Анализ распределений ответов в зависимости от возраста показывает, что осуждающих заметно больше среди молодых (18–30 лет), а сочувствующих – среди тех, кто старше 40 лет. Так, в группе совсем молодых респондентов 18–24 и 25–30 лет осуждающая позиция характерна для 59,6% и 64,3% опрошенных, в то время как среди тех, кто старше 40 лет, осуждают таких матерей около половины (в группе 41–45 лет – 48,3%, 46–50 лет – 52,0% и 51–60 лет – 46,9% опрошенных). Категоричность молодых постепенно сменяется более гибким и мудрым отношением, которое приходит с жизненным опытом.

Влияние уровня образования не столь существенно: сравнительно больше обвиняющих с начальным и средним профессиональным образованием, напротив, несколько более сочувствующими выглядят респонденты с высшим и незаконченным высшим

Таблица 1

Доля согласившихся с оценочными суждениями о матерях, оставляющих своих детей», в %

Оценочные суждения	В целом по выборке	Сторонники бэби-боксов	Противники бэби-боксов	Мужчины	Женщины
Не может быть никакого оправдания матерям, оставляющим своих детей	54,6	50,0	68,5	53,8	55,4
Матери, оставляющие своих детей, заслуживают сострадания и участия	35,8	40,6	22,7	36,7	34,9
Затрудняюсь ответить	9,6	9,4	8,8	9,5	9,7

⁶ Далее представители целевой группы специалистов государственных и негосударственных учреждений обозначены «С».

образованием. Так, в группе лиц со средним полным и средним профессиональным образованием доля согласных с осуждающей позицией 56,3 и 58,3%, в то время как среди лиц с высшим и незаконченным высшим образованием – 52,5 и 50,7% соответственно.

Анализ влияния фактора религиозности и конфессиональной принадлежности показал, что верующие более нетерпимо относятся к материнскому отказу по сравнению с неверующими, с тем, что «не может быть никакого оправдания матерям, оставляющим своих детей», согласны 57,2% верующих против 47,3% неверующих. Мусульмане более нетерпимы, чем православные (61,9 против 57,2%). Соответственно, в той же пропорции падает выраженность сострадания и желания проявлять участие (42,0% – неверующие, 33,9% – православные, 30,9% – мусульмане).

Репродуктивные права и ответственность отцов. Острота проблемы отказа от ребенка традиционно увязывается с негативными явлениями, процессами, факторами в сфере материнства. Основное бремя ответственности за ребенка возлагается на мать. Это подтверждают ответы на вопрос: «кого нужно привлекать к ответственности за отказ от новорожденного». На первом месте – мать (76,7%), отца назвали намного меньше – 51,1% (табл. 2). Родственников со стороны матери и отца в целом выбирает каждый пятый участник опроса (11,7 и 9,8%). Отец ребенка остается в тени, его родительские права и обязанности оказываются менее важными по сравнению с доминирующей ответственностью, приписываемой общественным мнением роли матери в отказе от новорожденного. В связи с этим представляют интерес мнения опрошенных о правах отца в случае отказа матери от ребенка до его рождения (аборта) и после рождения (отказа).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Кого нужно привлекать к ответственности за отказ от новорожденного?», в %

Варианты ответа	В целом по выборке	Сторонники бэби-боксов	Противники бэби-боксов	Мужчины	Женщины
Мать	76,7	74,4	85,2	70,6	82,2
Отца	51,1	49,8	55,7	50,3	51,8
Родственников со стороны матери	11,7	10,7	14,5	10,1	13,1
Родственников со стороны отца	9,8	8,6	13,0	8,8	10,8
Другое	2,1	1,8	1,8	3,1	1,2

Более половины респондентов считают, что при отказе от новорожденного нарушаются права отца – 51,8 при 35,7% несогласных; причем убежденность в этом противников бэби-боксов выше, чем сторонников, – 56,6 и 50,5% соответственно (табл. 3). Характерно, что разделяют эту позицию две третьих мужчин, в то время как женщин – менее половины. Аналогичная картина с необходимостью согласия мужчины, если женщина решает сделать аборт. В целом по выборке мнения разделились практически поровну: 49,2% тех, кто высказывается «за», и 43,3% – «против». При этом чаще считают, что «женщина может прерывать беременность только с согласия отца», противники бэби-боксов, чем сторонники (63 и 45,4%), мужчины, чем женщины (63,3 и 36,6%).

В обсуждениях на фокус-группах и в интервью с молодыми матерями активно обсуждалась тема отцов, при этом участники говорили о дефиците их ответственности и несправедливости ситуации, когда мать в одиночку несет груз моральной ответственности и бремя заботы о ребенке: «Она несёт ответственность за ребенка, будет искать, как собрать себя в роддом, как одной выкручиваться. А мужчина? Он дело своё сделал и ушёл» (С.).

В целом, проблематика ответственности мужчины за своих детей представлена в общественном дискурсе как противоположность безответственности и проявляется в том, что он: – осознает свои действия и совершает осознанный репродуктивный выбор: «на этапе зачатия ребенка тоже обязанность мужская – следить за деторождением, принимать

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «С какими суждениями о правах отца вы согласны, а с какими нет?», в %

Оценочные суждения	В целом по выборке	Сторонники бэби-боксов	Противники бэби-боксов	Мужчины	Женщины
<i>«При отказе матери от новорожденного нарушаются права отца»</i>					
Согласен	51,8	50,5	56,6	59,6	45,0
Не согласен	35,7	36,9	31,9	29,1	41,4
Затрудняюсь ответить	12,1	12,2	8,7	10,0	13,5
<i>«Женщина может прерывать беременность только с согласия отца ребенка»</i>					
Согласен	49,2	45,4	63,0	63,5	36,6
Не согласен	43,3	46,8	31,7	29,5	55,4
Затрудняюсь ответить	7,5	7,8	5,3	6,3	8,0

участие в предохранении, нести ответственность за деторождение или не деторождение, а не просто получать удовольствие» (М.)⁷;

– признает факт отцовства и юридически устанавливает его: «В зачатии ребенка участвовали два человека – женщина и мужчина, они должны нести солидарную ответственность. Женщина должна собирать какие-то безумные денежные средства для того, чтобы подтвердить, что вот этот человек является отцом. Мужчина несет ответственность такую же, как женщина, и должен официально подтвердить его» (С.);

– заботится о потребностях ребенка совместно с матерью: «У нас мужчины в принципе не только на уровне алиментов, а в целом, они как-то у нас сбоку. А нужно уже начинать воспитывать быть ответственными, о детях своих рожденных беспокоиться, как это делают матери. Это твой ребенок, и никому кроме тебя он не нужен!» (М.);

– заботится о матери в процессе беременности и после рождения ребенка: «Это выбор и ответственность человека за рождение и воспитание ребенка, это на сто процентов нормальная практика со стороны мужчин – стать отцом, брать на себя заботу о беременной и ребенке» (М.);

– несет финансовое бремя по содержанию ребенка совместно с матерью (в процессе беременности, после рождения ребенка, на всех этапах развития ребенка): «Мужчины каждый день бросают своих детей. Им абсолютно все равно, как ребенок живет, что он кушает. А нужно, чтобы содержал и обеспечивал детей» (С.);

– разделяет ответственность за материальное обеспечение детей после развода: «У нас мужчина в принципе вообще ни за что не отвечает: "Я алименты платить не буду, это не мой ребенок и всё". Мужчина должен нести ответственность наравне с женщиной. Это не должна быть просто проблема женщины. Если я отец, то соответственно я буду платить алименты» (М.).

В целом, полученные результаты совпадают с переменными ответственного отцовства, которые могут относиться к отцам, как живущим вместе с детьми, так и отдельно [Levine, Pitt, 1995: 5].

Схожие тенденции получены нами при анализе смыслов отцовства с точки зрения самих отцов. Если у матерей понимание этих смыслов – любви, вовлеченности, наставничества, ответственности, долга по отношению к детям – более зрелое, мужчины сравнительно чаще согласны с мнением об инфантильности и безответственности современных отцов и в целом воспринимают отцовство как способ своего взросления, личностного роста, получения радости и удовольствий, любви ребенка [Безрукова, Самойлова, 2022б: 104].

⁷ Здесь и далее мать – «М».

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Если не можешь воспитывать и содержать ребенка, лучше сделать аборт», в %

Варианты ответа	В целом по выборке	Сторонники бэби-боксов	Противники бэби-боксов	Мужчины	Женщины
Согласен	47,3	47,1	48,7	40,8	52,9
Не согласен	42,3	42,7	41,6	48,4	37,0
Затрудняюсь ответить	10,4	10,2	9,7	10,6	10,1

Отношение к абортам. Тесно связан с проблемой отказов вопрос аборт (табл. 4). Он описывает ситуацию выбора между тем, чтобы сохранить жизнь ребенку и впоследствии отказаться от него, если не можешь его воспитывать, или не дать ему родиться вообще. Для многих – это трудноразрешимая этическая дилемма. Ответы на этот вопрос разделились практически пополам, с преобладанием мнений выступающих за аборт: «если не можешь воспитывать и содержать ребенка, лучше сделать аборт» (47,3 против 42,3% несогласных). Между противниками и сторонниками бэби-боксов по этому вопросу различий нет, женщины согласны заметно чаще, чем мужчины (52,9 против 40,8%).

Установки по отношению к неблагополучным семьям с детьми. Отношение к жизни каждого ребенка как к безусловной ценности – эта установка как никакая другая характеризует общественный климат. Распределение мнений по поводу суждения: «нужно больше заботиться о здоровых детях, а не тратить деньги на больных детей алкоголиков и наркоманов» (табл. 5), позволяет сделать вывод, что в целом в нашем обществе преобладает гуманное отношение ко всем детям: согласных 21,6%, несогласных 70,1%, остальные затруднились с ответом. Более гуманистически настроены сторонники бэби-боксов: среди них не согласны 72% (среди противников – 67,6%). Мужчины заметно чаще женщин проявляют прагматизм в ущерб гуманизму (26,1 против 17,5%).

Проявлением не только гуманизма, но и солидарности является несогласие с мнением о том, что «не стоит тратить усилия на спасение опустившихся родителей, а нужно больше помогать благополучным семьям». Несогласных две трети (63,9%), в то же время каждый четвертый (27,1%) считает это правильным. Среди противников бэби-боксов их больше – 32,6% (у сторонников 25,4%). Мужчины согласны чаще женщин (29,1 по сравнению с 25,3%).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «С какими суждениями о неблагополучных семьях с детьми вы согласны, а с какими нет?», в %

Оценочные суждения	В целом по выборке	Сторонники бэби-боксов	Противники бэби-боксов	Мужчины	Женщины
<i>«Нужно больше заботиться о здоровых детях, а не тратить деньги на больных детей алкоголиков и наркоманов»</i>					
Согласен	21,6	19,7	25,6	26,1	17,5
Не согласен	70,1	72,0	67,6	65,6	74,1
Затрудняюсь ответить	7,6	8,2	6,8	8,3	8,4
<i>«Не стоит тратить усилия на спасение опустившихся родителей, а нужно больше помогать благополучным семьям»</i>					
Согласен	27,1	25,4	32,6	29,1	25,3
Не согласен	63,9	65,9	59,9	62,3	65,3
Затрудняюсь ответить	8,8	8,7	7,5	8,6	9,4

В практике социальной защиты детства одним из ключевых вопросов, который часто вызывает дискуссии, является вопрос о том, что лучше – изъять ребенка из семьи ради сохранения его здоровья и жизни или оставить его в семье (оказав ей поддержку), так как бытует мнение, что «любая семья лучше детского дома». В свете исследуемой темы этот вопрос не менее важен (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Если мать новорожденного намерена отказаться от него, то следует сразу передать ребенка в дом малютки, а не тратить силы и время на ее уговоры, или нужно сделать все, чтобы ребёнок остался с матерью?», в %

Варианты ответа	В целом по выборке	Сторонники бэби-боксов	Противники бэби-боксов	Мужчины	Женщины
Лучше передать ребенка в дом малютки	28,5	29,8	24,7	29,9	27,3
Нужно сделать все, чтобы ребенок остался с матерью	63,3	61,6	70,0	61,2	65,1
Затрудняюсь ответить	8,2	8,5	5,3	8,9	7,6

Две трети респондентов выступают за то, что «нужно сделать все, чтобы ребенок остался с матерью» (63,3%), в то время как 28,5% не видят перспектив в работе с такой матерью. Хотя этот аргумент не является разделяющим между сторонниками и противниками бэби-боксов – большинство тех и других выступает за поддержку кровной семейной связи и в поддержку матери/семьи для ребенка, все же противники бэби-боксов более активны в поддержке ценности семьи (70,0% против 61,6%). По-видимому, сторонники испытывают больше сомнений в том, что в сохраненной для ребенка семье будут обеспечены необходимые условия для его жизни и полноценного развития.

Заключение. Результаты исследования подтвердили выраженность в общественном мнении существенных расхождений в отношении таких этических дилемм: осуждение или сочувствие матерям, оставляющим своих новорожденных детей; признание приоритета репродуктивных прав матерей или равных прав обоих родителей в ситуации прерывания беременности; возложение ответственности на мать или также и на отца в ситуации отказа от ребенка; отстаивание права на жизнь ребенка или права матери делать свой репродуктивный выбор в ситуации аборта; ценностное отношение ко всем детям в равной мере или отношение, обусловленное благополучием семейной истории ребенка; приоритет воспитания детей пусть даже маргинальной матерью, но в кровной семье или их изъятие и размещение в государственном учреждении или новой семье; создание мест, оборудованных для анонимного оставления новорожденных или запрет на «окна для жизни», оценка их как ненужных и даже вредных.

Наряду с согласованной оценкой участников исследования оставления матерью ребенка как негативного, чрезвычайного события, отношение к самой матери становится разделительной чертой между теми, кто безоговорочно ее осуждает и не выходит за границы «вины матери», и теми, кто способен испытывать сострадание к ней, видит в качестве пострадавшей и саму женщину, а значит, открыт к восприятию причин этого поступка, поиску альтернатив помощи в критической ситуации, в том числе помещения ребенка в бэби-бокс.

В целом сторонники бэби-боксов более гуманистически настроены, в большей степени способны к объективному восприятию ситуации, ее сложности, неоднозначности, к неосуждающему и эмпатическому отношению к людям. Эта тенденция проявилась в отношении к различным ситуациям; по-видимому, данная установка является частью единого комплекса социокультурных установок, присущих части респондентов.

Вместе с тем следует отметить довольно высокий уровень позитивных суждений и согласованности мнений сторонников и противников бэби-боксов по поводу заботы о больших детях из асоциальных семей, что отражает преобладающий в обществе общий гуманистический настрой.

Результаты исследования в очередной раз подтвердили, что основное бремя ответственности за происходящее с ребенком на всех этапах его жизни возлагается на мать, в то же время установки на равные родительские права и равную ответственность становятся более выраженными. Высока потребность общества в усилении ответственности отцов и расширении их прав в репродуктивной и родительской сфере. И хотя мужчины

активно заявляют о своих правах, реальное поведение не всегда согласуется с декларируемыми установками. Приведение их в соответствие означало бы преодоление стереотипа доминирующей ответственности матери, а реализация потенциала этого фактора и учет мнения отца при принятии жизненно важных для ребенка решений, возможно, изменили бы ситуацию с отказами от детей в лучшую сторону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. Женщины и мужчины: различия в показателях рождаемости и репродуктивного поведения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 165–185. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.10.
- Балабанов С.С., Наук Б., Саралиева З.Х.-М. Типология мотивов иметь или не иметь детей // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 129–136.
- Безрукова О.Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 118–127.
- Безрукова О.Н., Самойлова В.А., Шишкина Е.В., Яшина М.Н. «Никто не поможет...»: отказы от новорожденных детей и бэби-боксы // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 47–57. DOI: 10.31857/S013216250014214-8.
- Безрукова О.Н., Самойлова В.А. «Невидимые» матери: социальный портрет женщин, оставляющих новорожденных детей // Женщина в российском обществе. 2022а. № 2. С. 57–73. DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.5.
- Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция // Социологические исследования. 2022б. № 2. С. 94–106. DOI: 10.31857/S013216250016969-8.
- Борисов В., Синельников А., Архангельский В. Правовые и нравственные аспекты искусственного прерывания беременности и планирования семьи в России: результаты экспертного опроса, проведенного в 1996 году // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 2. С. 51–73. DOI: 10.17323/demreview.v8i2.12782.
- Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: ИС РАН, 2008.
- Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110. DOI: 10.7868/S0132162517110113.
- Елизаров В.В., Синица А.Л. Факторы бедности семей с детьми и перспективы ее снижения // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2. С. 63–75. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10065.
- Исупова О.Г. Отказ от новорожденного и репродуктивные права женщины // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 92–99.
- Клупт М.А. Проблемы семьи и рождаемости в ценностных конфликтах 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 36–46. DOI: 10.31857/S013216250014119-3.
- Ковалевский В.И. «Ящик для ребенка», или Некоторые аспекты реализации в России проекта «бэби-бокс» // Современное право. 2015. № 10. С. 75–78.
- Кон И.С. Социологическая психология. Воронеж: МОДЭК, 1999.
- Костина С.Н., Зайцева Е.В., Банных Г.А. Дети как ценность: современные подходы в фамилистике // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 3. С. 117–122.
- Латов Ю.В., Латова Н.В. Скрытая дилемма российской социально-экономической политики стимулирования рождаемости // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 3. С. 389–402. DOI:10.31063/2073-6517/2021.18-3.5.
- Манерова О.А., Маркина А.Ю. Особенности формирования региональной системы профилактики раннего социального сиротства // Общественное здоровье и здравоохранение. 2022. № 2 (74). С. 5–10.
- Пучкина Ю.А. Профилактика ранних отказов от детей в контексте проблем социального сиротства // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 1 (5). С. 43–52.
- Сакевич В.И., Денисов Б.П. Репродуктивное здоровье населения и проблема абортов в России: новейшие тенденции // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 140–151. DOI: 10.31857/S013216250007457-5.
- Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95–113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715.
- Устинова Н.В. Международный опыт профилактики жестокого обращения с новорожденными детьми // Российский педиатрический журнал. 2013. № 1. С. 55–60.

- Ценности семейно-детного образа жизни (SeDOZH-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / Под ред. А.И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020.
- Шрайбер А.Н., Артюхина В.А., Колесникова О.Н. Мнение российских женщин о государственных мерах стимулирования рождаемости и поддержки семей с детьми (по материалам социологического исследования в Алтайском крае) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 4. С. 659–668. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-659-668.
- Amato P. Family change: Decline or resilience? Sourcebook of family theory and research. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005.
- Friedman S.H., Resnick P.J. Neonaticide: Phenomenology and considerations for prevention // International Journal of Law and Psychiatry. 2009. Vol. 32. No. 1: 43–47. DOI: 10.1016/j.ijlp.2008.11.006.
- Levine J.A., Pitt E.W. New expectations: Community strategies for responsible fatherhood. New York: Families and Work Institute, 1995.

Статья поступила: 16.05.23. Финальная версия: 21.06.23. Принята к публикации: 10.07.23.

“UNWANTED” CHILDREN? VALUES OF PARENTING, RIGHTS OF FATHERS AND MOTHERS IN SOCIOCULTURAL ATTITUDES OF THE RUSSIANS

BEZRUKOVA O.N.*, SAMOYLOVA V.A.*

*St. Petersburg State University, Russia

Olga N. BEZRUKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (o.bezrukova@spbu.ru); Valentina A. SAMOYLOVA, Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof. (v.samojlova@spbu.ru). Both – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Acknowledgements. The article was supported by RSF grant, project No. 23-18-00770.

Abstract. The article focuses on the analysis of parental mindsets and stereotypes about the rights of fathers and mothers in cases involving reproductive choice, as well as sharing responsibility for abandoning a newborn between mother, father and close relatives. The authors discuss opinions related to the rights of fathers in cases of abortion, attitudes towards supporting children from the families of alcohol/drug addicts, mothers with an increased risk of abandoning newborns, as well as leaving them in baby boxes. We have interviewed 2,000 respondents in 8 federal districts of the Russian Federation, conducted 15 focus groups ($N = 142$) with managers, specialists, and parents, 15 in-depth interviews with young mothers. The authors have concluded that 90% of the research participants would negatively assess abandonment of a child by a mother, while more than half of the respondents would take an extremely condemning standpoint, and more than a third express compassion and participation for her. Young people, those who have graduated from primary and secondary vocational schools, as well as religious people are more likely to take the accusing standpoint. The elderly people, those with higher and incomplete higher education, as well as non-believers would rather take the compassionate standpoint towards abandoning mothers. The opposing opinions can be observed in relation to the dominant right of the mother to her reproductive choice in case of abortion, the recognition of the reproductive rights of fathers in case of pregnancy termination, the permissibility of abortion in case of inability to raise a child. Almost two-thirds of the respondents take a more consistent standpoint recognizing the need to help children and parents from troubled families and the priority of raising children even by a marginal mother, but in a natural family environment as compared to their removal and placement in a public facility or a new family. The data show a high level of expressiveness of attitudes towards equal parental rights and equal responsibility of mothers and fathers for reproductive decisions and care for children. The indicators of responsible fatherhood are formulated.

Keywords: parenting values, sociocultural attitudes, motherhood, responsible fatherhood, abortion, ethical dilemma, newborn infant abandonment, baby box, children's rights, fathers' rights.

REFERENCES

- Amato P. (2005) *Family change: Decline or resilience? Sourcebook of family theory and research*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Antonov A.I., ed. (2020) *Values of a family-child lifestyle (SeDOZH – 2019): Analytical report on the results of an inter-regional sociological and demographic study*. Moscow: MAKSS Press. (In Russ.)
- Arkhangel'skii V.N., Kalachikova O.N. (2021) Women and men: Differences in fertility and reproductive behavior indicators. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 14. No. 5: 165–185. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.10. (In Russ.)
- Balabanov S.S., Saralieva Z. Kh.-M. (2009) Typology of motives to have or not have children. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 129–136. (In Russ.)
- Bezrukova O.N. (2016) Values of parenthood: structure, types, resources. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 118–127. (In Russ.)
- Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2022) “Invisible” mothers: social profile of women abandoning their newborn babies. *Zhenshchina v rossyskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 2: 57–73. (In Russ.)
- Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2022) Fatherhood in Modern Russia: Meanings, Values, Practices and Intergenerational Translation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 94–106. DOI: 10.31857/S013216250016969-8. (In Russ.)
- Bezrukova O.N., Samoylova V.A., Snishkina E.V., Yashina M.N. (2021) “There will be no help...”: newborn abandonment and baby hatching. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 5: 47–57. (In Russ.)
- Borisov V., Sineinikov A., Arkhangelsky V. (2021) Legal and moral aspects of induced abortion and family planning in Russia: results of an expert survey conducted in 1996. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. No. 8(2): 51–73. DOI: 10.17323/demreview.v8i2.12782. (In Russ.)
- Friedman S.H., Resnick P.J. (2009) Neonaticide: Phenomenology and considerations for prevention. *International Journal of Law and Psychiatry*. Vol. 32(1): 43–47. DOI: 10.1016/j.ijlp.2008.11.006.
- Gurko T.A. (2017) New Family Forms: Tendencies of Spreading and Concepts. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 99–110. DOI: 10.7868/S0132162517110113. (In Russ.)
- Gurko T.A. (2008). *Marriage and Parenthood*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Isupova O.G. (2002) Newborn abused and woman's reproductive rights. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No.11: 92–99. (In Russ.)
- Klupt M.A. (2021) Family and fertility issues in value conflicts during the 2010s. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 36–46. DOI: 10.31857/S013216250014119-3. (In Russ.)
- Kon I.S. (1999) *Sociological psychology*. Voronezh: MODEK. (In Russ.)
- Kostina S.N., Zaitseva E.V., Bannykh G.A. (2019) Children as a Value: Modern Approaches in Familyistics. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology]. No. 3: 117–122. (In Russ.)
- Kovalevsky V.I. (2015) A Box for a Child on Some Aspects of the Project “Baby Box” and its Implementation in Russia. *Sovremennoe parvo* [Modern Law]. No.10: 75–78. (In Russ.)
- Latov Y.V., Latova N.V. (2021) Russian Pro-Natalist Policy and Its Hidden Dilemma. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Russian Journal of Economic Theory]. No. 18(3): 389–402. DOI:10.31063/2073-6517/2021.18-3.5. (In Russ.)
- Levine J.A., Pitt E.W. (1995) *New expectations: Community strategies for responsible fatherhood*. New York: Families and Work Institute.
- Manerova O.A., Markina A.Yu. (2022) Features of the Formation of the Regional System for the Prevention of Early Social Orphanhood. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdravookhraneniye* [Public Health and Healthcare]. No. 2 (74): 5–10. (In Russ.)
- Puchkina Yu.A. (2009) Prevention of early abandonment of children in the context of social Orphanhood. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. No.1(5): 43–52. (In Russ.)
- Savevich V.I., Denisov B.P. (2019) Reproductive health of the population and the problem of abortion in Russia: the latest trends. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 140–151. (In Russ.)
- Shrayber A.N., Artjukhina V.A., Kolesnikova O.N. (2020) Russian women's public opinion on state measures to stimulate the birth rate and support families with children (based on the materials of sociological study in Altai krai). *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]. No. 3: 659–668. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-4-659-668. (In Russ.)
- Sinef'nikov A.B. (2018) Family and marriage: crisis or modernization. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Russian Sociological Journal]. Vol. 24. No. 1: 95–113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715. (In Russ.)
- Ustinova N.V. (2013) International experience in the prevention of ill-treatment of newborn children. *Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal* [Russian Pediatric Journal]. No.1: 55–60. (In Russ.)
- Yelizarov V.V., Sinitza A.L. (2019) Factors of poverty of families with children and prospects of its reduction. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. No. 2: 63–75. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10065. (In Russ.)

Социология массовых коммуникаций

© 2023 г.

ГО ЛИЦЗЮНЬ, СЮЙ ЦЗЯЦИ, ЧЭНЬ ПЭЙЦЗЮНЬ

РОССИЙСКИЕ СМИ О XX СЪЕЗДЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

ГО Лицзюнь – доктор филологических наук, доцент (guolj5@mail.sysu.edu.cn); СЮЙ Цзяци – студент (Хуйц56@mail2.sysu.edu.cn). Оба – факультет русского языка, Институт международных исследований Университета имени Сунь Ятсена, Чжухай; ЧЭНЬ Пэйцзюнь – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русского языка Института иностранных языков Шаньдунского университета, Цзинань (chenpeijun1123@163.com). Все – Китайская Народная Республика.

Аннотация. Российские СМИ уделили прошедшему в октябре 2022 г. XX съезду КПК огромное внимание, по количеству и объему публикаций освещение этого съезда было беспрецедентным. Авторами в русле теории фреймов с помощью метода контент-анализа рассматриваются тексты русскоязычных новостных статей, посвященных XX съезду КПК, и разбираются аспекты, которым российские СМИ уделили особое внимание. Делается вывод: российские СМИ придерживаются точки зрения, что XX съезд КПК представил всему миру уникальный китайский путь. Также XX съезд КПК, отмечают российские СМИ, важен тем, что представил миру план будущего развития Китая, что важно и с позиций планирования своего развития другими странами. Российские СМИ считают, что Китай становится все более важным игроком на международной арене и что китайская модель модернизации предполагает иное понимание «модернизации», нежели в западных странах, несет новые идеи развивающимся странам и способствует построению единого человеческого сообщества.

Ключевые слова: Китай • XX съезд КПК • российские СМИ • образ страны в иностранных СМИ

DOI: 10.31857/S013216250027373-3

Определение предмета и материала исследования. XX съезд Коммунистической партии Китая (КПК) проходил в Пекине 16–22 октября 2022 г. Съезд проводился в переломный момент мировой истории и подтвердил верность КПК стремлению к построению всесторонне развитого, сильного, современного социалистического государства, определив общие направления развития Китая на ближайшие пять лет.

Курс, намеченный XX съездом Коммунистической партии Китая в части будущего развития страны и всего мира, привлек большое внимание международного сообщества, особенно российской стороны. С тех пор как в 2019 г. Китай и Россия установили отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, российско-китайские отношения продолжают развиваться на беспрецедентно высоком уровне. Связи между странами становятся все ближе; можно сказать, Китай и Россия в настоящее время пребывают на лучшем этапе в истории своих отношений. Российские СМИ внимательно следили за XX съездом КПК

Исследование проведено при поддержке Национального фонда гуманитарных и социальных наук Министерства образования КНР (грант № 21YJC740016).

и всесторонне его освещали, попутно знакомя российскую публику с особенностями китайской политики.

Во время проведения XX съезда КПК авторы статьи регулярно вводили в «Яндекс.Новости» запрос «XX съезд». Так было выяснено, что среднесуточное количество российских новостей о съезде составляло не менее 30. Ниже авторы анализируют эти новостные публикации методом анализа фреймов. Также рассмотрены общие тенденции восприятия съезда российскими журналистами, внимание обращено на образы КПК и Китая в новостных текстах. Таким образом, исследование сфокусировано на вопросах, в каком объеме российские СМИ уделяли внимание XX съезду КПК, на каких его аспектах они сосредоточивались и какими были итоговые оценки.

Итак, исследование основано на анализе результатов поисковой выдачи крупнейшего российского новостного агрегатора «Яндекс.Новости», в качестве поискового запроса использовались ключевые слова «XX съезд». Анализировались тексты на русском языке из российских СМИ, период сбора материалов составил 6 месяцев: первое сообщение о предстоящем съезде КПК появилось в России 30 августа 2022 г., с 5 сентября российские СМИ начали освещать это мероприятие в постоянном режиме. После закрытия съезда КПК 22 октября российские СМИ продолжили следить за ходом первого пленума ЦК КПК XX созыва, формированием нового состава Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, брали комментарии экспертов-китаистов с целью получения подробных объяснений по поводу значения XX съезда для развития российско-китайских отношений и ситуации в мире. Активное освещение съезда КПК и связанных с ним событий продолжалось в российских СМИ до 24 ноября, что обусловило выбор временных рамок исследования (5 сентября – 24 ноября 2022 г.). После очищения полученного корпуса новостных текстов от малоинформативных и дублирующих новостей осталось 735 текстов, с которыми проводился количественный анализ (в частности, выявление тенденции изменения потока новостных текстов в разные временные периоды).

Содержательный анализ новостных текстов проведен на 244 новостных текстах. Эта группа сообщений отображена следующим образом. Изучение 735 новостных текстов новостей показало, что в сообщениях российских СМИ есть значительное совпадение содержания и тематики информации о XX съезде, наблюдаются частые случаи заимствования. Большое количество сообщений СМИ ограничивается краткими упоминаниями об открытии и закрытии съезда, избрании Си Цзиньпина на пост генерального секретаря ЦК КПК и о новом составе Политбюро ЦК КПК. После проведения первичного анализа публикаций авторы выбрали 15 ведущих российских СМИ, в сообщениях которых было наибольшее количество содержательных новостей по поводу XX съезда; содержательно проанализировано 244 текста из новостей именно этих СМИ.

Методология исследования. Методологическая база исследования основана на теории фреймов и контент-анализе сообщений российских СМИ о XX съезде КПК.

Концепция фреймов предложена антропологом Грегори Бейтсоном в 1955 г., а спустя пару десятилетий Ирвинг Гоффман применил ее к изучению коммуникаций. В классической статье «Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта» фреймы определяются как структурные элементы, включающие субъективное понимание людьми окружающей их действительности [Davis, Goffman, 1975: 599]. Уильям Э. Гамсон дополнил теорию фреймов, внося в нее положение о фреймах двух видов: «фреймы-ограничители» определяют выбор людьми того, что наблюдать, «фреймы-конструкторы» отражают интерпретацию социальных явлений и показывают, как люди выстраивают смысловые конструкции [Gamson, 1989: 158].

Дж. Танкард, развивая идеи Гэмсона, ввел в науку положение, что фреймы представляют собой центральную идею новостной статьи, а контекст и проблема, о которой в ней говорится, зависят от выбора, акцентировки, исключения и описания [Tankard et al., 1991: 3]. Мейерс Мэриан считает главной функцией фреймов предоставление конкретного объяснения [Meyers, 1992: 80]. Роберт М. Энтман исходит из позиции индивидуального восприятия социальных событий и утверждает, что фреймы представляют собой особый способ обработки текстов,

направленный на объяснение смысла, атрибуцию, моральную оценку, управление восприятием [Entman, Rojecki, 1993: 165–170].

Фреймы имеют различное практическое применение в трех областях – написание новостей, определение содержания того или иного средства массовой информации и использование медиа-эффектов. В области написания новостей фреймы предстают в виде структуры новостной статьи. При определении содержания средства массовой информации фреймы важны при анализе комбинаций, в которые вступают элементы, составляющие новостной материал. Это позволяет прояснить, как фреймовая структура формирует новостной материал и взаимодействует с его информационным наполнением. Наконец, в области медиа-эффектов фреймы напрямую влияют на восприятие и интерпретацию новостей аудиторией [Chen, 2007: 20].

Ученый из Тайваня Цзан Гожэнь был одним из первых, кто занялся разработкой теории фреймов в Китае. По его мнению, суть фреймов может быть сведена к субъективной интерпретации людьми событий, предопределяемой структурой их мышления. В книге «СМИ и новостные источники: размышления о медиа-фреймах и конструировании реальности» он углубляет положение о трех уровнях новостных фреймов. По Цзан Гожэню, фреймы представляют собой ограничение реальности, а также конструкцию для представления сообщений о ней. В последнем смысле фреймы состоят из трех уровней – высшего, среднего и низшего. Высший уровень преимущественно отражает основную мысль новости и определяет ее тему. Средний фокусируется на сути событий, их причинах и последствиях. Низший уровень фреймовой структуры акцентирует внимание читателя на особенностях языковых или символических форм выражения в новостных текстах [Zang, 1999: 33–34].

Основываясь на теории трех уровней фреймового анализа Цзан Гожэня и на характеристиках 244-х отобранных новостных текстов, авторы далее анализируют такие фреймы высокого уровня, как темы статей, распределение их количества и эмоциональная окраска. Будут рассмотрены также фрейм среднего уровня – содержание статей, а также фрейм низшего уровня – ключевые слова статей.

Фреймы высшего уровня: количественный анализ потока и тем публикаций. По рисунку, показывающему соотношения дат и количества публикаций о XX съезде КПК, можно видеть, что освещение съезда в российских СМИ было долгим и на отдельном интервале времени вполне интенсивным.

Освещение XX съезда в российских СМИ началось 30 августа 2022 г., когда Политбюро ЦК КПК утвердило его дату. В тот день все новостные сообщения, что предсказуемо, были сосредоточены на дате начала будущего съезда. С 31 августа по 14 сентября количество публикаций о съезде составляло от 0 до 2 в день, причем публикаций, рассказывающих именно о XX съезде КПК как о внутрикитайском политическом мероприятии, было относительно мало. В основном тексты сосредоточивались на его влиянии на российско-китайские отношения. Информационное агентство ТАСС, например, прогнозировало, что XX съезд КПК никак не повлияет на российско-китайские отношения. В большинстве публикаций XX съезд лишь назывался важным мероприятием с позиций его роли в определении будущего развития Китая, либо он служил фоном для рассмотрения других тем. Так, краткие сообщения о том, что XX съезд КПК состоится в октябре, регулярно появлялись при рассуждениях о направлениях экономического развития Китая, а также в новостях о грядущей встрече глав России и Китая на саммите Шанхайской организации сотрудничества.

15 и 16 сентября 2022 г., во время саммита ШОС, в российских СМИ было много публикаций об этом мероприятии, в связи с чем возросло и количество публикаций с прогнозами по поводу XX съезда; после этого «всплеска» количество публикаций о съезде вернулось на прежний уровень. В период с 17 сентября по 11 октября российские СМИ в основном говорили об избрании делегатов XX съезда КПК, анонсировали его открытие и делали прогнозы по поводу его основной повестки. 25 сентября делегаты XX съезда КПК были избраны (чему российские СМИ уделили особое внимание). В этой связи количество публикаций о съезде несколько повысилось. Также небольшой рост числа публикаций наблюдался перед Днем образования Китайской Народной Республики (1 октября): в публикациях, освещавших

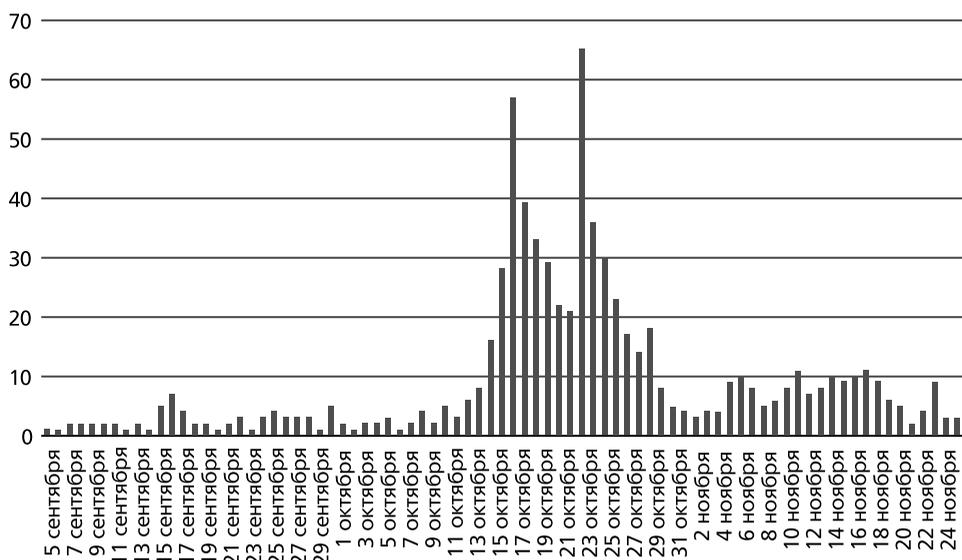

Рис. Количество новостей в российских СМИ о XX съезде КПК в сентябре–ноябре 2022 г.

73-ю годовщину создания коммунистического китайского государства, встречались и упоминания о грядущем XX съезде КПК.

Заметно количество сообщений в СМИ о XX съезде начало увеличиваться с 12 октября 2022 г. В некоторых публикациях значение XX съезда КПК и его влияние на положение дел в мире рассматривалось довольно глубоко. Газета «Московский комсомолец» взяла интервью у экспертов-китаистов¹, чтобы прояснить для широкой публики, какое влияние этот съезд может оказать на развитие российско-китайских отношений. Во многих прогнозах говорилось, что съезд должен «определить дальнейший курс страны». Это свидетельствует, что в российских СМИ он воспринимался как важнейшее политическое событие, которое должно было предопределить будущую политическую, экономическую и социальную повестку дня в Китае.

16 октября, в день открытия XX съезда КПК, количество статей о нем достигло первого пика. Новости о его открытии появились в заголовках почти всех ведущих российских СМИ. Открытие съезда состоялось в 5 часов утра по московскому времени, но уже ранним утром несколько российских СМИ в деталях сообщили о его торжественном открытии, программе, продолжительности, количестве делегатов, о его значении для политической жизни Китая. Большинство российских СМИ говорили в тот день о прозвучавшем на XX съезде отчете ЦК КПК XIX созыва, о достижениях Китая за последние пять лет, о роли XX съезда в контексте его влияния на мировые события.

Во время проведения съезда, с 16 по 22 октября 2022 г., российские СМИ ежедневно отслеживали и обновляли информацию о его ходе, следили за пресс-конференциями, проводившимися в рамках съезда, так что поток русскоязычных публикаций превышал 20 в день. В этих сообщениях ключевыми словами были «новый», «новый этап развития», «социализм с китайской спецификой новой эпохи», «новая китайская модель модернизации». Кроме тем, упомянутых выше, освещение событий в этот период сосредоточивалось на обзоре достижений Китая, планировании государственного управления и внешней политике. При этом при

¹ Эксперт объяснил, чего ждать России от XX съезда Компартии Китая // Московский комсомолец. 15 октября 2022 г. URL: <https://www.mk.ru/video/2022/10/15/kitaaved-obyasnil-chego-zhdad-rossii-ot-xx-sezda-kompartii-kitaya.html> (дата обращения: 15.10.2022).

обзоре достижений они наиболее часто характеризовались как «грандиозные». Некоторые СМИ писали о «трех главных событиях, которые мы пережили за последние десять лет»², цитируя доклад генерального секретаря КПК Си Цзиньпина 16 октября. Что касается планирования национального развития, здесь российские СМИ сосредоточились на декларируемых целях развития Китая, обратив особое внимание на упомянутую Си Цзиньпином «китайскую модель модернизации» и продолжая отслеживать процесс избрания членов нового Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Внешняя политика Китая, в особенности его международная торговая политика и отношения с зарубежными странами, вызывали у российских журналистов особый интерес. Так, РИА «Новости» отмечало тенденцию расширения открытости Китая миру, обращая внимание на то, что слово «открытость» звучало в отчетном докладе XX съезда КПК 14 раз³. Кроме того, российские СМИ много писали о значении XX съезда КПК для стран так называемого третьего мира, в частности о возможной роли для них модернизации по китайскому образцу.

Своего пика внимание к съезду КПК достигло в день его закрытия. В освещении событий 22 октября российские СМИ сосредоточились на успешном завершении XX съезда. В центре внимания были избранные на XX съезде новые члены ЦК. В многочисленных сообщениях о закрытии съезда писали о предстоящем первом пленуме Центрального комитета партии XX созыва; продолжалось внимательное отслеживание формирования нового состава Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК.

После закрытия XX съезда последовали выборы 1-го пленума XX съезда и формирование нового состава Постоянного комитета Политбюро, что также привлекло большое внимание российских СМИ. Новость, что председатель КНР Си Цзиньпин 23 октября был единогласно избран генеральным секретарем нового Центрального комитета на первом пленарном заседании ЦК КПК XX съезда, преобладала среди других событий. Многочисленные сообщения говорили о поздравлениях с избранием, направленных генеральному секретарю КПК и председателю КНР Си Цзиньпину от президента Российской Федерации Владимира Путина. В вышедшей в «Российской газете» статье под заголовком «Си Цзиньпин: Компартия Китая готова совершать новые чудеса, которые удивят весь мир» выражались ожидания относительно будущих действий новоизбранного Центрального комитета⁴.

С 24 по 30 октября в российских СМИ в основном публиковались аналитические материалы, рассматривающие основные задачи развития страны, поставленные на XX съезде КПК, а также размышляющие о его влиянии на российско-китайские отношения и глобальное мироустройство. По мнению российских СМИ, в частности «Российской газеты», реализация решений, принятых на XX съезде, является важнейшей задачей Китая на будущее, которая окажет глубокое влияние на мировое экономическое развитие. Кроме того, российские СМИ внимательно следили за высказываниями китайской стороны по поводу российско-китайских отношений; ряд СМИ (в частности, РИА «Новости») прогнозировали, что КНР продолжит углублять сотрудничество с РФ.

С 31 октября по 3 ноября количество публикаций о XX съезде КПК в российских СМИ составляло от 3 до 5 в день. Частота освещения снизилась, но появилось множество новостей о семинарах, посвященных итогам XX съезда. РИА «Новости» сообщало о прошедшей в Москве специальной сессии конференции «Китай и мир в новом подходе». Как передавало РИА «Новости», основным содержанием этого мероприятия стали представление итогов XX съезда КПК и рассуждения о дальнейшем развитии Китая. Как подчеркивалось в этой публикации,

² «Три главных события» – столетие Коммунистической партии Китая, вступление социализма с китайской спецификой в новую эпоху и выполнение задачи по ликвидации бедности и построению общества среднего уровня зажиточности, поставленной к столетию партии.

³ Эксперт прокомментировал значение доклада 20-го съезда КПК // РИА Новости. 18 октября 2022 г. URL: <https://ria.ru/20221018/kitay-1824765205.html> (дата обращения: 18.10.2022).

⁴ Си Цзиньпин: Компартия Китая готова совершать новые чудеса, которые удивят весь мир // Российская газета. 23 октября 2022 г. URL: <https://rg.ru/2022/10/23/si-czinpin-kompartii-kitaia-gotova-sovershat-novye-chudesa-kotorye-udiviat-ves-mir.html> (дата обращения: 23.10.2022).

все участники спецсессии согласились, что XX съезд КПК – событие, в контексте новой политической эры имеющее огромное значение для всего мира, и выразили уверенность в сохранении темпов наращивания российско-китайского сотрудничества⁵.

Количество публикаций о прошедшем съезде вновь увеличилось в период 3–17 ноября. С одной стороны, это было вызвано тем, что в этот период Китай начал интенсивно проводить международные саммиты и встречи лидеров стран, вследствие чего в Пекин нанесли визиты сразу несколько глав иностранных государств. Вести дипломатические переговоры с Китаем начали Германия, Япония, Пакистан, Танзания и некоторые другие страны; в ходе этих переговоров обсуждались и итоги XX съезда КПК. Так, федеральный канцлер Германии Олаф Шольц начал визит в Китай 4 ноября, во время его визита при обмене мнениями между лидерами в центре их внимания среди прочего были итоги XX съезда КПК. Этот съезд также упоминался в СМИ в связи с «Китайской выставкой импортных товаров», проходившей в Шанхае 5–10 ноября. В сообщениях об этой выставке размышления об открытости и экономическом развитии Китая сопровождались кратким обзором повестки XX съезда. 15 ноября на о. Бали на саммите «Большой двадцатки» провели встречу министры иностранных дел России и Китая; во время этой встречи они обсудили основные принципы китайской политики, о которых говорилось на XX съезде, и в частности подход Китая к вопросам мира и стабильности. Эту встречу двух министров российские СМИ также не обошли вниманием. Кроме того, в СМИ продолжались обсуждение итогов и анализ XX съезда КПК: эксперты говорили о внешней политике Китая и рассуждали о будущем развитии российско-китайских отношений. 17 ноября российские СМИ, в частности ТАСС и Информационное агентство Regnum, особо отметили мнение посла России в Китае И.В. Моргулова, что резолюции, принятые на XX съезде КПК, будут способствовать развитию российско-китайских отношений. 22 ноября съезд КПК стал объектом рассмотрения на научном семинаре, о котором снова было много публикаций. РИА «Новости» и Информационное агентство Regnum сообщили об общем содержании докладов на семинаре, передали озвученные в ходе него мнения экспертов по поводу развития российско-китайских отношений и успешного опыта КПК в управлении страной⁶. В целом активное освещение XX съезда КПК в российских СМИ продолжалось в активном темпе до 24 ноября, затем пошло на спад.

Фреймы высшего уровня: эмоциональная окраска публикаций. При анализе содержания публикаций и использованной в них лексики было выделено три категории их эмоциональной направленности – положительная, нейтральная и негативная. Как положительные определены публикации, в которых для описания политики партии, планов по развитию страны и рабочей повестки съезда использовались позитивные термины. Публикации, где преимущественно используются эмоционально не окрашенные термины, описывающие объективные факты, определены как нейтральные. Наконец, информационные сообщения, в которых использованы преимущественно негативные термины (такие заметки критикуют съезд и отрицают достижения КПК), помещены в категорию негативных.

После проведенной классификации и статистического анализа было обнаружено, что хотя негативных публикаций о съезде КПК практически не было, в нескольких сообщениях наблюдалось искажение фактов, вследствие чего освещаемые события получили негативную оценку. Такие искажающие факты публикации были помещены в категорию неадекватных.

В итоге выявлено 20 положительных (8%), 199 нейтральных (82%), 6 негативных (2%) и 19 неадекватных публикаций (8%). В целом поэтому можно сказать, что освещение XX съезда КПК в российских СМИ было нейтральным и объективным, при этом большая часть информационного контента представляла собой сообщения в режиме реального времени;

⁵ В Москве состоялась спецсессия конференции «Китай и мир в новом подходе» // РИА Новости. 1 ноября 2022 г. URL: <https://ria.ru/20221101/moskva-1828426790.html> (дата обращения: 01.11.2022).

⁶ В Москве обсудили итоги XX съезда Компартии Китая // REGNUM. 22 ноября 2022 г. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3752566.html> (дата обращения: 22.11.2022).

главным содержательным элементом инфопотока были сообщения о ключевых моментах заседаний съезда.

Многие российские СМИ оценили XX съезд КПК очень высоко. Так, в статье, опубликованной 15 октября в газете «Московский комсомолец», известный российский востоковед Алексей Маслов заявлял, что именно Коммунистическая партия Китая играет ключевую роль в развитии своей страны. По его мнению, роль КПК заключается не только в реализации политических планов, но и в идеологическом руководстве нацией, которое определяет перспективы развития страны на ближайшие десятилетия (а иногда и столетия). В этом плане компартия Китая – тот костяк, который поддерживает всю структуру и китайской экономики, и китайской политики, и идеологии, и всей социальной жизни⁷.

Неадекватные же сообщения часто искажают факты или преувеличивают негативные последствия некоторых мероприятий. Например, в отдельных российских публикациях высказывалась критика по отношению к мерам по борьбе с эпидемией коронавируса, принятым в Китае после XX съезда. Высказывалось и мнение о том, что Китай движется ко второй фазе «закрытости», выдвигались негативные прогнозы о надвигающемся на китайскую экономику масштабном кризисе. Но в целом российские СМИ во всем, что касается освещения XX съезда КПК, были намного более объективны по сравнению с западными.

В освещении XX съезда Коммунистической партии Китая российскими СМИ можно выделить следующие четыре направления: обзор достижений КПК со времени XVIII съезда; прогнозы состава нового Центрального комитета КПК и отслеживание хода избрания его членов съезда; аналитические статьи по поводу содержания отчета XX съезда КПК; статьи, акцентирующие внимание на планах развития Китая на следующие пять лет с учетом основных принципов партии и предполагаемых целей развития страны, заявленных на XX съезде.

Фреймы среднего уровня. Многие российские СМИ уделили особое внимание экономическим, научным и технологическим успехам Китая, достигнутым им под руководством КПК за последнее десятилетие. Так, «Аргументы и факты» в своем интервью с экспертом-политологом В.Б. Кашиным передают: «Китай рос быстрее любой другой крупной экономики. Он добился больших успехов в технической модернизации, в военной, в развитии инфраструктуры»⁸. Информационное агентство Regnum писало: «на фоне “невиданных перемен в мире” Китай осуществил “скачок”, существенно нарастив экономическую мощь»⁹. Достижения Китая в аэрокосмической промышленности также получили высокую оценку российских СМИ. Значительное внимание было уделено в них реформам и достижениям в области политики и права. Российские СМИ, включая РИА «Новости», ТАСС и «Независимую газету», в статьях за 16–22 октября сообщали также об эффективности борьбы КПК с коррупцией за последнее десятилетие, о совершенствовании внутривнутрипартийных законов и правил и о решимости партии усилить борьбу с коррупцией в будущем.

Российские СМИ проявили большое внимание к списку членов нового Центрального комитета. Они писали как о составе нового ЦК КПК, уделяя отдельное внимание доле переизбранных членов из предыдущего ЦК и количеству женщин в его новом составе, так и о составе нового Политбюро ЦК КПК и о переизбрании его членов, участвовавших в работе и предыдущего Политбюро. Широкое освещение российскими СМИ деятельности нового руководства КПК отражало высокий интерес в России к внутренней китайской политике.

⁷ XX съезд Компартии Китая обещает стать историческим: чего ждать России // Московский комсомолец. 18 октября 2022 г. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/10/15/xx-sezd-kompartii-kitaya-obeshhaet-stat-istoricheskim-chego-zhdat-rossii.html?ysclid=lf6pvfdg7y350481870> (дата обращения: 18.10.2022).

⁸ Дракон просыпается. Что изменит съезд компартии Китая? // Аргументы и факты. 15 октября 2022 г. URL: https://aif.ru/politics/world/dragon_prosypaetsya_chno_izmenit_sezd_kompartii_kitaya (дата обращения: 15.10.2022).

⁹ Си Цзиньпин: «Центральная задача КПК – спланировать и вести за собой народ» // REGNUM. 17 октября 2022 г. URL: <https://regnum.ru/news/3726426.html> (дата обращения: 17.10.2022). Внутренние цитаты – из перевода отчетного доклада на русский язык. – Прим. Г. Л., Ч. П.).

Некоторые российские СМИ внимательно следили за списками новых членов ЦК КПК еще до начала XX съезда, обращая внимание на политические инициативы новых членов Политбюро: так, информационное агентство «Лента.ру» подробно описало биографии новых членов ЦК КПК, а газета «Аргументы и факты» подчеркнула, что планы развития Китая на ближайшие пять лет будут определяться новыми членами ЦК КПК.

В период с момента открытия XX съезда КПК и до завершения 1-го пленума российские СМИ совокупно представили довольно детальную картину достижений и успехов Китайской Народной Республики. Они уделяли большое внимание передовым политическим взглядам, идеям, технологическим инновациям, международной торговле, туризму, но в особенности всему тому, что касалось России. По вопросам торгово-экономического сотрудничества российские СМИ больше всего писали о том, как экономическая политика Китая повлияет на китайско-российскую торговлю энергоресурсами. Официальные государственные СМИ (в частности, ТАСС) прогнозировали рост взаимовыгодного сотрудничества между Россией и Китаем в энергетическом секторе¹⁰. Они отметили рост инвестиций Китая в области научно-технических инноваций, в частности в разработку и производство микросхем. В контексте поддержания высокого уровня торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем российские СМИ уделили наибольшее внимание внешнеэкономической политике Китая.

XX съезд КПК принял план будущего развития Китая, многие пункты в котором связаны с другими странами мира. Российские СМИ отнеслись к этому плану положительно и выразили уверенность, что страна будет развиваться успешно. В части развития китайской экономики российские СМИ высоко оценили решимость китайской компартии продолжать придерживаться стратегии поддержания стабильного развития экономики во всем мире и особое внимание уделили путям экономического развития Китая на новом этапе. По поводу сферы науки и техники российские СМИ отмечали, что Китай будет продолжать двигаться к статусу технологической сверхдержавы, причем не только за счет увеличения инвестиций в технологические и инновационные отрасли, но и за счет изменения законодательной базы с целью укрепления технологического суверенитета и возможности появления уникальных, не имеющих прецедентов в мире технологических решений. Кроме того, российские СМИ выразили надежду на расширение сотрудничества между Россией и Китаем в аэрокосмическом секторе. По поводу продовольственной безопасности Китая российские СМИ особо отмечали, что Китай как страна с огромной численностью населения уделяет отдельное внимание решению продовольственного вопроса. Также российские СМИ внимательно следили за планами Китая в области экологии и защиты окружающей среды, уделяя особое внимание тому, как Китай развивает «зеленые» (низкоуглеродные) отрасли промышленности.

Фреймы низшего уровня. С помощью функции автоматического вычисления частоты слов в программе Nvivo12 авторами выявлены особо частотные слова новостных публикаций о XX съезде КПК из нашей выборки. После отсеивания служебных слов и слов нерелевантного содержания были получены следующие статистические результаты по ТОП-10 наиболее часто встречающимся в публикациях словам (табл.).

Путем анализа чаще всего встречающихся в новостных текстах слов можно установить, что при сообщении информации о XX съезде КПК российские СМИ часто говорят не только о Китае, но о России и обо всем мире. Это служит доказательством того, что в России имеется высокий интерес к XX съезду КПК в контексте прежде всего развития российско-китайских отношений. В частности, о «проектах» писали главным образом в контексте потенциального расширения российско-китайского сотрудничества в торгово-финансовой сфере, а также прогнозирования его развития.

Следует особо обратить внимание на два слова, часто встречающихся в российских новостях о XX съезде КПК, – «развитие» и «новый». Их активное употребление существенно связано

¹⁰ Эксперт назвал энергетику важной темой сотрудничества Китая и РФ после XX съезда КПК // ТАСС. 14 октября 2022 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16052523> (дата обращения: 14.10.2022).

Таблица

ТОП-10 наиболее часто встречающихся слов в новостных публикациях о XX съезде КПК

Наиболее часто употребляемые слова	Количество употреблений слов в выбранных текстах	Доля публикаций, в которых встречается данное слово, %
Китай	1466	76
Россия	1046	55
Мир	523	27
Развитие	474	24
Новый	246	13
Проекты	230	12
Состав	212	11

с основной идеей, проходящей красной нитью через генеральный отчет XX съезда КПК, – «ускорение создания новой модели развития». Этот тезис является ключевым стратегическим принципом концепции развития современного Китая. Говоря о нем, российские СМИ рассуждают о потенциальном влиянии новой стратегии развития Китая на российско-китайские отношения и глобальную экономику.

Слово «состав», также часто встречающееся в сообщениях о XX съезде, в основном связано с обсуждением, кто вошел в новое Политбюро ЦК КПК.

Проанализировав тексты новостных статей, посвященных XX съезду КПК, авторы обнаружили, что в них часто встречаются выражения, состоящие из тематических слов (относящихся к международно-политической, идеологической лексике), обладающих положительной эмоциональной окраской и позитивно-жизнеутверждающим характером. Это такие выражения, как «новый этап развития» (2,75%), «модернизация китайской экономики» (2,73%), «мирный путь» (2,25%), «добиться больших успехов» (1,87%), «высококачественное развитие» (1,64%), «раскрыть потенциал сотрудничества» (1,53%), «открыть новые возможности для дальнейшего развития» (1,12%) и т.д. Эти тематические слова и выражения тесно связаны с повесткой XX съезда КПК, в них отражается большое внимание российских СМИ к его содержанию. В перспективе возможно и влияние планов, идей и политических концепций Китая на русский политико-идеологический лексикон (например, через концепт «высококачественного развития»).

Выводы. Как показал анализ, российские СМИ непрерывно следили за XX съездом КПК, описывая его с разных сторон. В ходе освещения XX съезда КПК в российских СМИ журналисты, помимо написания чисто информационных текстов, также опубликовали полный текст отчетного доклада XX съезда, комментировали его статьи, проанализировали и взяли интервью у ряда экспертов.

Помимо протокольных моментов XX съезда КПК (рабочая повестка съезда, отчет съезда, пресс-конференция и т.д.) российские СМИ освещали более общие темы, о которых говорилось на съезде (глобализация экономики Китая, его внешняя политика, борьба с бедностью, удовлетворенность китайского народа правительством, всеобъемлющая народная демократия и пр.). Российские журналисты, внимательно ознакомившись с отчетным докладом XX съезда, прочитанным председателем КНР Си Цзиньпином, в заголовках своих публикаций часто использовали выражения из него («великое возрождение китайской нации», «новая концепция развития», «китайская модель модернизации», «всеобъемлющая народная демократия», «интенсивная ликвидация бедности», «китаизация и модернизация марксизма», «сообщество единой судьбы человечества» и т.д.).

70-я годовщина образования КНР, 100-летие Коммунистической партии Китая и XX съезд КПК явились хорошими поводами уделить внимание Китаю и рассказать о связанных с ним вопросах в российских СМИ. Как известно, в настоящее время резко меняется геополитическая обстановка, возрастают внешние угрозы и вызовы, стоящие перед Россией и перед Китаем. После того как Россия начала специальную военную операцию на Украине, ее отношения с Западом начали стремительно ухудшаться. Поэтому, исходя из своих национальных

интересов, Россия стала налаживать сотрудничество с азиатскими, африканскими и латиноамериканскими странами, и в частности начала углублять свое сотрудничество с Китаем. В этой связи во время проведения XX съезда КПК к нему было приковано внимание российских СМИ и экспертов-политологов, которые рассматривали и оценивали его более объективно и нейтрально, нежели на Западе, высоко оценивая достижения Китая и уделяя особое внимание пути его развития. Российские СМИ объективно оценивают влияние КПК внутри страны и за ее пределами, демонстрируя миру ту «кузницу», в которой «куется» социалистическая система с китайской спецификой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Chen Y. (2007) Frame Analysis: A theoretical concept that needs to be clarified. *Chinese Journal of Journalism & Communication*. No. 4: 19–23. (In Chinese)
- Davis M.S., Goffman E. (1975) Frame analysis: an essay on the organization of experience. *Contemporary Sociology*. Vol. 4. No. 6: 599–603.
- Entman R.M., Rojecki A. (1993) Freezing out the public: Elite and media framing of the US anti-nuclear movement. *Political Communication*. Vol. 10. No. 2: 155–173.
- Gamson W.A. (1989) News as framing: comments on Graber. *American Behavioral Scientist*. Vol. 33. No. 2: 157–161.
- Meyers M. (1992) Reporters and beats: The making of oppositional news. *Critical Studies in Mass Communication*. Vol. 9. No. 1: 75–90.
- Tankard J., Hendrickson L., Silberman J.J., Bliss K., Ghanem S. (1991) Media frames: Approaches to conceptualisation and measurement. In: *Paper presented to the association for education in journalism and mass communication*. Boston.
- Zang G. (1999) *News media and sources: A discussion on media framework and real construction*. Taipei: Sanmin Publishing House. (In Chinese)

Статья поступила: 27.03.23. Финальная версия: 11.06.23. Принята к публикации: 15.06.23.

RUSSIAN MEDIA REACTS AND ASSESSES THE 20th NATIONAL CONGRESS OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA

GUO LIJUN*, XU JIAQI*, CHEN PEIJUN**

* Sun Yat-Sen University, China; **Shandong University, China

Lijun GUO, PhD (Philol.), Assoc. Prof. (guolj5@mail.sysu.edu.cn); Jiaqi XU, Student (Xujq56@mail2.sysu.edu.cn). Both – Department of Russian Studies, School of International Studies, Sun Yat-Sen University, Zhuhai; Peijun CHEN, PhD (Philol.), Assoc. Prof., Department of Russian Studies, School of Foreign Languages and Literature, Shandong University, Jinan (chenpeijun1123@163.com). All – China.

Acknowledgements. The research was supported by the National Humanities and Social Science General Program of Ministry of Education of the People's Republic of China (№ 21YJC740016).

Abstract. The Russian media paid enormous attention to the 20th National Congress of the Communist Party of China (CPC), and the number and volume of publications covering this congress were unprecedented. Based on the theory of frames and using content analysis, this article examines Russian-language news articles devoted to the 20th National Congress of the CPC and analyses specific aspects to which the Russian media paid particular attention. It concludes that, on the whole, the Russian media held the view that the 20th National Congress of the CPC presented a unique Chinese path to the world and provided a new opportunity for the world to understand modern China. The 20th National Congress of the CPC was also important, as the Russian media noted, because it presented the world with a plan for China's future development, which is important from the perspective of planning the development of other countries. The Russian media believe that China is becoming an increasingly important player on the international stage, and that the Chinese model of modernization implies a different understanding of 'modernization' than in Western countries, brings new ideas to developing countries and promotes the building of a community with a shared future for humanity.

Keywords: China, 20th CPC National Congress, Russian media, image of the country in foreign media.

Received: 27.03.23. Final version: 11.06.23. Accepted: 15.06.23.

© 2023 г.

И.А. ШМЕРЛИНА

«СОЦИАЛЬНАЯ ФОРМА» В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ С.Л. ФРАНКА

ШМЕРЛИНА Ирина Анатольевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (shmerlina@yandex.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются подходы С.Л. Франка к проблематике социальных форм в двух относительно самостоятельных ракурсах – в ракурсе предпринятого им критического разбора формальной социологии Г. Зиммеля и с точки зрения трактовки социальной формы в его собственных философских построениях. Соответственно, в статье решаются две теоретические задачи. Первая состоит в выяснении причин, обусловивших отрицательную оценку С.Л. Франком формального проекта Г. Зиммеля. В качестве наиболее правдоподобных причин указаны три: не преодоленные ко времени написания «Сущности социологии» психологические установки самого Франка; критическое отношение к теоретико-познавательным возможностям социологии и стремление вывести сложные философско-гносеологические проблемы из поля ее рассмотрения; двусмысленность зиммелевского понятия «социальной формы» и непродуктивность той ее трактовки, в которой она сводилась к универсальным одномерно-осевым параметрам взаимодействий. Вторая теоретическая задача статьи состоит в выяснении места и значения категории «социальная форма» в построениях самого Франка. Показано, что данная категория воплощает основополагающую для его социальной философии идею онтологической первичности общества и понимается им как реализация «объективной живой идеи», имеющей транспсихическую природу и онтологически предпосланной взаимодействующим людям, однако требующей от них активного соучастия в своем осуществлении.

Ключевые слова: С.Л. Франк • Г. Зиммель • социальная форма • объективная живая идея

DOI: 10.31857/S013216250027374-4

С.Л. Франк о социологии как науке. Взаимоотношения между отечественной социологией периода ее становления и русской религиозной философией – малоосвоенное, но чрезвычайно интересное тематическое пространство, одной из наиболее ярких фигур которого является Семен Людвигович Франк (1877–1950). Этот мыслитель интересен не только присутствием в его работах весомой социальной составляющей (характерной для всей русской религиозной философии дореволюционного периода) и не только тем, что, следуя оценке Зеньковского, его часто называют «самым выдающимся русским философом вообще, – не только среди близких ему по идеям» [Зеньковский, 2001: 802], но и фокусированным вниманием к социологии как науке, а также в выяснении ее теоретико-познавательных возможностей.

Эти возможности Франк оценивал весьма скептически, задаваясь «вопросом о сущности и задачах этой спорной, можно сказать, загадочной дисциплины, имя которой имеет уже почти столетнюю давность, но которую и доселе вряд ли можно признать

существующей» [Франк, 1910: 260]. Аналогичные оценки Франк повторял много позже после написания «Сущности социологии» (1909), из которой взята приведенная выше цитата, в частности в «Методологии общественных наук» (1922) и «Духовных основах общества» (1929). «Внутренний дефект», который, по Франку, определил «основной недостаток общего замысла социологии», состоит в позитивистском методологическом фундаменте этой науки и дилетантски-поверхностном отношении к философским вопросам. С.Л. Франк считал, что социальная философия позволяет лучше, чем социология, понять специфику социального исследования, отличающую его от исследований природных явлений и заключающуюся в том, что «обобщающее познание общественной жизни неизбежно носит <...> характер самопознания человека. Кто заранее отказывается от философского познания общественных явлений и видит в них только объективную предметную действительность, познаваемую “положительной” наукой, тот запирает себе путь вглубь, в истинное, а следовательно, и в подлинное общее существо общественной жизни» [Франк, 1992: 19–21].

В критическом духе Франк отзывался в том числе и о наиболее самобытном направлении отечественной социологической мысли – субъективной школе, видя в ней воплощение «этического идеализма», заменяющего «объективно-теоретическое обществоведение субъективным морализмом» [Франк, 1922: 37; 56]. Получившее теоретическое оформление в работах Н.М. Михайловского, П.Л. Лаврова и Н.И. Кареева, это «умонастроение», писал Франк, утвердилось «в общественном мнении толпы» [Франк, 1992: 21]; «в безотчетном и бесформенном виде оно образует, быть может, основу всего конкретно-практического отношения человека к общественной жизни» [Франк, 1922: 37].

Едва ли не единственным социологом, которого Франк воспринимал всерьез, был Г. Зиммель¹, выход «большой» «Социологии» (1908) которого побудил его подвергнуть тщательному анализу зиммелевскую версию этой «загадочной дисциплины» – его формальную социологию.

Формальная социология Г. Зиммеля в прочтении С.Л. Франка. Первое, что обращает на себя внимание, – это глубина и аутентичность прочтения Франком формальной социологии Зиммеля. Казалось бы, он согласен с подходом Зиммеля, в соответствии с которым социология выделяет в изучаемых феноменах «логически-самостоятельный момент» и моменту этому присуща «некоторая фактическая независимость и самостоятельная закономерность», которую «мы находим до известной степени осуществленной в ф о р м е о б щ е н и я» [Франк, 1910: 264]. Весьма ценными представляются замечания Франка относительно соотношения психологических и надындивидуальных аспектов социальных форм, в которых акцентируется необходимость различения их генезиса/манifestации и онтологии. Он писал, что «индивидуально-психологической реализацией ... подлинный смысл и характерная природа <форм и процессов общения> исчерпываются так же мало, как мало природа материального бытия исчерпывается тем, что оно непосредственно дано нам, как представление нашего сознания» [Франк, 1910: 266]. Подчеркивая сложность логического уяснения природы того «самостоятельного остатка», который «выходит за пределы психических ... проявлений» «форм и процессов общения» [Франк, 1910: 266], Франк вводит важнейшее для всей его философии понятие «объективного идеального содержания, которое, конечно, совершенно отлично от материального бытия, но столь же решительно противоречит признакам всего психического» [Франк, 1910: 270].

По идее существования «третьего рода бытия» [Франк, 1992: 71] – объективно-идеального и в этом отношении надындивидуального и «сверхпсихического» – при известной фокусированности взгляда в работах Зиммеля можно найти очень близкие высказывания,

¹ Отметим важное биографическое обстоятельство: в конце 1899 – начале 1901 г. во время пребывания в Берлине Франк посещал лекции Г. Зиммеля (см.: [Аляев, Цыганков, 2019: 173]).

но не прямое текстуальное соответствие². Эти реалистские интуиции, связанные с признанием *реального* существования надындивидуальных структур, Франк мог уловить непосредственно во время посещения лекций Зиммеля. Кроме того, в «Философии денег» – работе, вышедшей в 1900 г. и наверняка известной Франку, содержится фрагмент, весьма близкий к его рассуждениям о трех родах бытия. В этом фрагменте Зиммель подчеркивает объективную надындивидуальную природу ценности, которая, конечно, выступает как субъективное чувство – то, что чувствует субъект, – «но только вот что мы подразумеваем под этим чувством, есть в себя и для себя значащее содержание, которое, правда, психологически реализуется чувством, но не тождественно ему и не исчерпывается им. Эта категория ... есть ... нечто третье, идеальное, что, правда, сопрягается с этим двуединством (субъекта и объекта. – И.Ш.), но не растворяется в нем» [Зиммель, 2015: 175].

Не будет преувеличением сказать, что Франк не только аутентично прочел формальную социологию Зиммеля, но и способствовал экспликации и развитию заложенных в ней интуиций. Положение об объективном *идеальном содержании* решает проблему онтологического своеобразия социальной формы, которая «не существует в смысле конкретного материального или психического бытия, а ведет лишь идеальное существование, дано нам, как объективный смысл или содержание идеи» [Франк, 1910: 274].

Тем неожиданнее оказывается отрицательная, даже разгромная оценка Франком социологии Зиммеля, по сути разрушающая все формальные построения последнего. Первое возражение Франка касается представления Зиммеля о социологии как специфической науке о чистых формах общения. Подобная наука, по мнению Франка, уже существует, и это правоведение [Франк, 1910: 273]. Впрочем, стремясь найти дисциплинарное поле для социологии, Франк рассматривает такое возможное соотношение между «чистым правоведением» и нею, при котором первое «изучает точные, закрепленные и ... выкристаллизовавшиеся формы социальных отношений», а вторая исследует «эти отношения во всем их подвижном и текучем многообразии». Однако подобное решение не удовлетворяет самого Франка, поскольку оно фактически совпадает «с различием между “положительным” правом и “естественным” правом» [Франк, 1910: 274–275].

Далее Франк «дезаурирует» саму идею разделения психологического содержания отношений и их обобществления в формах, предлагая «поставить вверх ногами определение, которое ... дает Зиммель» социологии, и вернуть в нее в качестве ее основной задачи «психологическое исследование реальных причинных взаимозависимостей между ... явлениями» [Франк, 1910: 277]. Тем самым Франк не просто переворачивает с ног на голову социологический проект Зиммеля, но, по сути, перечеркивает его³. По мысли Франка предлагаемое им решение позволяет «отделить социологию в зиммелевском смысле от правоведения», однако превращает ее в социальную психологию. Франк здесь достаточно категоричен: «если социология не совпадает с этим психологическим изучением процесса общения, то я не вижу, где еще она может найти себе самостоятельный объект»; «Я не вижу иного пути к превращению социологии в точную и методологически ясную науку, кроме слияния ее с социальной или “интерментальной” психологией» [Франк, 1910: 278–280].

Всё это требует объяснения.

Ближайшим и отчасти работающим предположением будет указание на психологические установки мышления самого Франка. Работа «Сущность социологии», в которой Франк подробно разбирает формальную социологию Зиммеля, написана в 1909 г., то есть

² Сам Франк, излагая «взгляд Зиммеля на сущность и задачу социологии», счел необходимым подчеркнуть: «в уяснении и иллюстрации этого взгляда я не воспроизвожу с абсолютной верностью хода его мыслей ввиду чрезмерной его абстрактности, а пользуюсь собственными соображениями и примерами, которые, однако, по своему содержанию, как мне кажется, всецело соответствуют идеям Зиммеля» [Франк, 1910: 271].

³ Весьма саморазоблачительно в этом отношении звучит замечание Франка, что его соображения «не разрушают всецело построения Зиммеля» [Франк, 1910: 282], – за этим замечанием стоит понимание или по крайней мере подсознательное чувство, что именно «разрушают», и причем «всецело».

в непосредственной хронологической близости к тому периоду (1903–1908), который исследователи творчества Франка характеризуют «отчетливым тяготением к ... социальному психологизму» [Аляев, Цыганков, 2019: 173]. Это тяготение непосредственно проявилось в «Проблеме власти» (1905), где форма трактуется однозначно как психологическое явление⁴, и вполне отчетливо видно в статье 1908 г., написанной на излете этого периода и посвященной 80-летию юбилею Л.Н. Толстого. В ней Франк, в частности, указывает на этико-философскую проблему толстовства как дилемму между личностно-нравственными и формально-обезличенными, заключенными в общественных формах, факторами социального прогресса.

Однако в «Сущности социологии», написанной годом позже (в 1909 г.), чувствуется не столько преобладание психологического взгляда на социальную действительность, сколько стремление утвердить особую, отличную от социологии дисциплину, которая систематически занималась бы вопросами, подобными тем, какие поднял Зиммель. Отдавая на откуп социологии «психологическое изучение процесса общения», Франк замечает, что это «не есть единственная мыслимая задача обобщающей социальной науки. Наряду с изолированным психологическим исследованием явлений общения необходима иная, высшая дисциплина, для которой это исследование может служить лишь подготовкой и которая должна уяснять смысл и значение общественного бытия в общем комплексе явлений человеческой (а тем самым и космической) жизни». Эту «высшую дисциплину» Франк предлагает назвать социальной философией [Франк, 1910: 282].

Таким образом, второй причиной неприятия Франком «социальной формы» Зиммеля является его общая скептическая установка по отношению к социологии, нежелание доверять сложные философско-метафизические вопросы малоподготовленной для их решения позитивистской дисциплине. Есть и третья причина, и она заставляет всмотреться в существо самого зиммелевского концепта, который носит черты скорее импрессионистского наброска, нежели аналитически выверенной категории. С одной стороны, этот концепт накладывается на типические структуры человеческих взаимоотношений, на интуитивно-феноменологическом уровне постигаемые как целостности, как органическая связанность взаимодействий. Именно так – через целостность, взаимную согласованность элементов – Зиммель описывает форму: «форма есть взаимодействие элементов, благодаря которому они и образуют единство» [Зиммель 1996: 489]; «то, что мы называем формой с точки зрения исполняемых ею функций, есть унификация материала: она преодолевает изолированность частей, его составляющих. Целостность как единство этих частей противостоит всякому другому материалу, не обладающему формой или оформленному иначе» [Цит. по: История буржуазной..., 1979: 185]. Так, «государство едино, потому что между его гражданами существует соответствующее отношение взаимных воздействий...» [Зиммель, 1994]. В соответствии с этими описаниями форму можно интерпретировать как логическую структурно-типическую проекцию реальных (в смысле – фактически существующих) общественных групп, будь то семья, государство, цеховой союз и пр.

В других случаях Зиммель пишет о формах как о неких сквозных параметрах, одномерно-осевых измерениях человеческих взаимодействий (таких, как дружелюбность/враждебность, равноправие/иерархия, взаимопомощь/соперничество, сотрудничество/конкуренция, альтруизм/эгоизм, свобода/деспотия, самостоятельность/подчинение, рассредоточение/централизация, горизонтальные/вертикальные связи, либеральные/авторитарные отношения, гемайншафтность/гезельшафтность и т.д. и т.п.), которые пронизывают типические структуры (то есть формы в первом значении). Казалось бы, интерес Зиммеля склоняется к формам именно в этом, втором значении – то есть к случаям, когда «из смешанных явлений выделяется однородное как бы в разрезе», и именно в таком

⁴ Впрочем, даже в этой работе, в целом выдержанной в объяснительной рамке психологии, трудно различить неудовлетворенность Франка этой рамкой, которая не дает исчерпывающего объяснения «загадки социальной власти», связанной с феноменом «о б ъ е к т и в а ц и и между-психических явлений» [Франк, 1910: 93–94].

препарирующем ракурсе он рекомендует «поступать и со всеми крупными социально-формирующими отношениями и взаимодействиями» [Зиммель, 1994]. Однако заметим по ходу: что есть такие «социально-формирующие отношения и взаимодействия», как не собственно социальная форма?

Ориентируясь на зиммелевские социальные формы во втором их значении, Франк точно подмечает методологическую слабость этого подхода: «Что власть соотносительна подчинению, или что соперничество совместимо с солидарностью – из таких и им подобных сухих логических отождествлений и различений нельзя выжать плодотворного знания» [Франк, 1910: 276]. Франк указывает на неуместность аналогии понимаемых таким образом форм с геометрией, замечая, что «геометрия имеет дело с пространственной интуицией, в которой действительно дана богатая и сложная априорная закономерность форм», в то время как предлагаемая Зиммелем логическая конструкция формы «проста и бедна» [Франк, 1910: 276]. Действительно, аналогия с геометрией более уместна, когда речь идет о форме как о типизирующем контуре, очерчивающем реальные целостности⁵. В попытке уловить абстрактный смысл форм Зиммель «перегнул палку», освободив их от всякой содержательной определенности в плане специфики отношений, описываемых формами (сексуальных, дружеских и т.п.).

Эта двусмысленность трактовки социальной формы, которая хорошо ощущается при чтении текстов Зиммеля, отчасти была подмечена рядом исследователей⁶. Однако именно Франк наиболее остро высветил это противоречие, и хотя сделанные им выводы представляются чрезмерными, сама экспликация этого противоречия служит дальнейшему развитию формальной традиции социологического анализа.

Приведем возможную, в нашем представлении, интерпретацию отмеченной двусмысленности зиммелевской трактовки социальной формы, выходящую за рамки хорошо известной оценки его социологии как нестрогой, импрессионистской, эссеистской, эстетской⁷. Предлагаемая нами трактовка помещает рассмотрение этого вопроса в контекст общих философско-мировоззренческих и научно-социологических установок Зиммеля. Дело в том, что, как хорошо известно, его подлинный интерес был связан с проблемами социальной динамики и выходил за границы тех «форм общественного взаимодействия ... где взаимодействующие силы уже выкристаллизовались.., обратившись ... в идеальные единицы», как то: «государства и промышленные союзы, жречество и формы семьи, хозяйственные организации и военное дело, цехи и общины, образование классов и индустриальное разделение труда» [Зиммель, 1994]. Вне всякого сомнения, Зиммель видит здесь перед собой прежде всего социальные формы как целостности, определенные общественные группы, трактуемые им как «объективные образования, ... абстрактное бытие, стоящее по ту сторону отдельных и первичных процессов». Но Зиммеля интересуют преимущественно последние – «первичные процессы», «незаметные социальные формы», которые «еще не отлились в твердые, сверхиндивидуальные образования», те «мелкие, в отдельных случаях представляющиеся маловажными формы отношений и видов взаимодействий между людьми, которые, ... просачиваясь сквозь более широкие, так сказать, официальные общественные формы, в сущности, впервые и создают общество таким, каким

⁵ Именно таким 'гештальтным' прочтением отличаются, например, «фигурации» Н. Элиаса, представляющие собой во многом соотносимый с зиммелевским, но все же оригинальный вариант концепта социальной формы.

⁶ Так, например, Т. Абель в числе семи типов зиммелевских форм выделял группы (семья, тайное общество, политическая партия) и элементы/свойства групповой структуры (иерархия, постоянство, подвижность, централизация) [История буржуазной..., 1979: 185–186].

⁷ На нестрогий характер зиммелевской социологии указывает в том числе Франк, характеризуя «обширный труд» Зиммеля («Социологию» 1908 года) не как «систему социологии», а скорее как «книгу для чтения по социологии, собрание размышлений на многообразные социологические темы», которые «претендуют лишь на значение примеров или образцов социологической постановки и разработки проблем» [Франк, 1910: 260–261].

мы его знаем» [Зиммель, 1994]. Речь, по Зиммелю, идет «о микроскопически-молекулярных процессах внутри человеческого материала, которые, однако же, являются действительным бытием, спланивающим или гипостазируемым в макроскопические, твердые единицы и системы» [Зиммель, 1994]. Этот поворот к динамической стороне социального анализа приводит к перефокусировке внимания с объективированных целостностей («социальных форм» в первом смысле) на некие структурно-динамические «направляющие», подспудно лежащие в основе этих «микроскопически-молекулярных процессов» [Зиммель, 1994] (то есть «социальные формы» во втором смысле).

«Социальная форма» в социально-философских построениях С.Л. Франка. Концепт социальной формы органично встроен в социально-философские построения самого Франка и осмыслен в том числе вне непосредственной связи с формальной социологией Зиммеля. Показательна в этом отношении предложенная им в «Очерках методологии...» классификация общественных наук. Франк здесь, в частности, выделяет «науки феноменологические», которые, вопреки ожиданиям, характеризует не как описательные, а как теоретические, – науки, изучающие «идеальные формы отношений» (в соответствии с соображениями, изложенными в «Сущности социологии», специфицируя их как «правоведение в широком смысле»). Это – «науки, изучающие формы строения общества, т.е. формы общественных отношений, или – что то же самое – объективные идеи, нормирующие общественную жизнь» [Франк, 1992: 111].

Стоит оговорить, что сам по себе концепт социальной формы не находится в фокусе аналитических усилий Франка, но имеет скорее статус работающего термина, описывающего структурные целостности (а не универсальные параметры взаимодействий, рассекающие эти целостности, предполагаемые вторым значением зиммелевской формы). Это хорошо видно по контексту использования данного понятия – см., например, рассуждения Франка о «том, что образует существо любой формы общественного союза или общественного отношения – будь то форма правления, как “монархия” или “республика”, или форма отношения между классами, как рабство, крепостное право, или вольнонаемный труд, или личное отношение, как семья, союз дружбы, отношение между супругами, между родителями и детьми и т.п., – и в чем состоит само бытие этой общественной формы...» [Франк, 1992: 74].

Заслуживают обсуждения два момента, в которых мы видим, с одной стороны, глубокую оригинальность франковской трактовки общества и социальной формы, с другой – определенное идейное соответствие с формальными интуициями Зиммеля.

Франк исходит из идеи онтологической первичности социального целого по отношению к индивиду, «глубочайшего онтологического всеединства, лежащего в основе человеческого бытия» [Франк, 1992: 53]. Общество для него не есть ‘by-product’ взаимодействия “я” и “ты”, но дано изначально как «первоеединство “мы”» [Франк, 1992: 69]. Исходя из этой установки, Франк критикует «взаимодействие» Зиммеля за психологичность («взаимодействие, – пишет он, – не создает здесь единства, объемлющего многих; “общество” по-прежнему мыслится как совокупность душевных явлений, совершающихся неизбежно в душах отдельных людей (хотя бы и многих)» [Франк, 1992: 68]). Франк же берет «само индивидуальное сознание ... в его первичной связи с надындивидуальным многоединством, в котором оно укоренено и которое оно как бы носит внутри себя» [Франк, 1992: 69]. Здесь и в других местах «Духовных основ...» явно присутствует концептуальная переключенка с «интерсубъективностью» Гуссерля, однако в рамках настоящей статьи мы не касаемся этого сюжета, так же, как и объемного религиозного контекста, в котором осмыслена эта связь индивидуального сознания с «надындивидуальным многоединством». В рамках нашей статьи важнее обратить внимание на рассуждения Франка об априорных конструкциях социального бытия – о логической предзаданности определенных «связей, вытекающих из самого мыслимого общего (“идеального”) содержания данной области бытия и потому абсолютно (“априорно”) необходимых. ...Так, из самого существа общества следует, например, что общество есть объединение многих людей для совместной жизни, что во

всяком обществе должна существовать какая-то вообще организация, какой-то порядок, что во всяком обществе есть какая-то власть или какой-то авторитет, т.е. какая-то инстанция, которой подчиняются все или по крайней мере преобладающее большинство и которая обеспечивает единство общей жизни, что в обществе действуют некие общие правила, налагающие на его участников обязанности, что обязанности соответствует чье-либо право (в субъективном смысле) и т.п. ...вы должны ...считаться с этими имманентными закономерностями или, точнее, необходимыми связями, логически вытекающими из общего содержания того, что вы мыслите под "обществом"» [Франк, 1992: 32]. В общенаучном плане речь идет о системной перспективе⁸, которая не просто просматривается в построениях Франка, но и осознается им как таковая. В «Очерках методологии...» он принципиально обозначает необходимость системного подхода к изучению общества – понимания общества «как единства системы», с точки зрения онтологической первичности и аналитической приоритетности целого (вследствие чего, заметим, признает плодотворность органической теории общества) (см.: [Франк, 1992: 72–74; 116–118]). Категория «социальная форма» и есть воплощение этого «первичного многоединства "мы"» – тех конкретных «общественных единств», в которых оно выступает [Франк, 1992: 69].

Социальная форма надындивидуальна и не может быть сведена ни к психическим проявлениям взаимодействующих людей, ни социально-психическим параметрам самого взаимодействия – это вторая принципиальная установка Франка по отношению к данному концепту/феномену, и здесь он, конечно, достаточно близок к Зиммелевским формальным интуициям. Показательны примеры, которыми Франк сопровождает свои социально-философские построения. Он намеренно берет сложные случаи – такие, как дружба или семейный союз, существо которых, казалось бы, целиком сводится к индивидуально-психическим переживаниям, акцентируя внимание на их объективированный, внешний, принудительный по отношению к индивидам характер⁹. Так, в «Сущности социологии» он пишет: «Возьмем для примера такое близкое к индивидуальным переживаниям и как бы сливающееся с ними социологическое явление, как дружба; внимательный анализ показывает, что, тогда как реализующие это явление индивидуальные конкретные психические феномены, например, чувства симпатии, акты дружеского расположения, появляются ...спорадически, от времени до времени, само отношение дружбы мыслится как длительное, непрерывное и устойчивое состояние, бытие которого выходит за пределы отдельных психических его проявлений и обладает самостоятельным, надындивидуальным и объективным характером» [Франк, 1910: 266]. Та же линия на отделение «субъективных переживаний» дружбы или брачного союза от «некоей объективной связи», стоящей за этими чувствами и переживаниями, проводится им в «Духовных основах...», где он подчеркивает, что «мы имеем здесь дело не с одним, а с двумя разными явлениями или сферами бытия, ... одно дело – субъективный комплекс чувств, настроений и стремлений людей, а совсем другое – та объективная общественная инстанция (закон, строй, власть, отношение), которая опирается на этот комплекс и в конечном счете от него зависит. Как уже указано, само общественное явление, как таковое, отличается от всего психического, субъективного, внутреннего именно своей объективностью, своим бытием вне сознания, своей почти осязаемой массивностью, напоминающей непроницаемость и инерцию материальных вещей» [Франк, 1992: 70].

⁸ Ср. с идеями, развиваемыми в современной теоретической биологии: «Те взаимодействия, на основе которых устанавливаются инвариантные виды отношений между индивидами, не закодированы в геноме животного, не детерминированы наследственно. Они универсальны в силу своей естественной необходимости как неизбежный продукт всякого взаимодействия» [Плюснин, 1990: 206].

⁹ В «Сущности социологии» аналогичные примеры рассматриваются в связи с разбором формальной социологии Зиммеля, и в этом отношении неочевидно, кому принадлежат излагаемые взгляды, – Зиммелю или самому Франку. Однако в «Духовных основах...» эти примеры берутся уже вне всякой связи с построениями Зиммеля и контекстуально встроены в социально-философскую концепцию Франка.

Франк акцентирует внимание на моменте временной устойчивости «общественных единств» (~ форм); его мысли на этот счет очень напоминают соответствующие рассуждения Г. Зиммеля о форме и Н. Элиаса о фигурациях¹⁰.

В развитие идеи надындивидуальной природы «общественных единств» Франк делает, как он пишет, «следующий шаг», утверждая их не просто сверхличную, но «транспсихическую природу» [Франк, 1992: 69]. Собственное бытие форм принадлежит иной онтологической сфере, нежели психические процессы, происходящие внутри людей или между ними, а именно – духовной сфере общества как «системе объективных идеально-формирующих сверхчеловеческих идей» [Франк, 1992: 75].

«Объективная живая идея» – центральный концепт социальной философии Франка, утверждающей «богочеловеческую ... природу общественной жизни» [Франк, 1992: 785]. Тематические рамки настоящей статьи не предполагают объемного рассмотрения этого понятия. Для нас важно подчеркнуть, что концептуально свободное, выходящее за философско-мировоззренческие установки самого Франка прочтение его социальной философии делают возможным анализ социальной формы сквозь призму данного понятия. «Объективная живая идея» формирует специфические структуры взаимоотношений между людьми и управляет движением этих форм: «То, что образует существо любой формы общественного союза или общественного отношения... и в чем состоит само бытие этой общественной формы, есть объективная сверхчеловеческая идея» [Франк, 1992: 74–75].

Эта идея объективна, поскольку она не порождена взаимодействием людей – ни как их осознанное творение, ни как непреднамеренный by-product самого процесса, но некоторым образом предпослана им. Однако для того, чтобы быть живой, объективная идея должна быть воспринята людьми. Интерпретируя Франка, мы бы сказали, что объективная идея задает комплекс смыслов, который так или иначе осознается людьми¹¹, причем именно факт осознания (осмысления) и превращает простое взаимодействие в социальную форму. «Так, – пишет Франк, – частые встречи между двумя людьми и их взаимная

¹⁰ Так, Франк пишет о «своеобразной непрерывности и как бы надвременности, присущей общественному явлению. Если мы спросим себя, например: ночью, когда все люди спят, прекращается ли бытие общественных единств – “засыпает” ли вместе с участниками общения, например, семья, государство, закон, с тем чтобы утром вновь “проснуться” вместе с людьми, или умирает ли, например, монархия в промежутке между смертью или даже началом недееспособности монарха и вступлением на престол его наследника, и т.п., то мы сразу же ощущаем нелепость самого вопроса, как если бы нас спросили, перестает ли истина “дважды два четыре” иметь силу ночью, когда люди спят. Мы ясно усматриваем, что общественное бытие имеет качественно иную структуру, чем всякая психическая жизнь...» [Франк, 1992: 69]. Ср. с рассуждениями Элиаса: «...фигурации, которые составляют люди друг с другом, отличаются тем, что они с незначительными отклонениями могут продолжать существовать даже тогда, когда все отдельные люди, составлявшие их в определённый момент, уже умерли и их места заняли другие индивиды. Так, французский двор существовал и при Людовике XIV, и при Людовике XV, при этом их составляли разные индивиды. Но первая фигурация при непрерывной смене составляющих её людей перешла во вторую» [Элиас, 2002: 177]. Зиммель приходит к подобному же наблюдению ещё в работе «Социальная дифференциация», за четыре года до программной постановки вопроса о формальных задачах социологии, обращая внимание на несводимость «объективных образований» (которые позже будут названы социальными формами) к индивидуальному членству, их способности существовать и сохранять себя независимо от ‘наполнения’: «...Если возникло объединение, формы которого продолжают существовать и тогда, когда отдельные члены из него выходят, а новые в него вступают; если существует общее внешнее достояние, причём его приобретение и распоряжение им не являются делом отдельного лица; если имеется сумма познаний и нравственных жизненных содержаний, число которых не увеличивается и не уменьшается от участия в них отдельных людей и которые, ставши до известной степени субстанциальными, находятся к услугам каждого, кто захотел бы принять в нем участие... – значит во всех этих случаях существует общество, а взаимодействие сгустилось и превратилось в тело, что и отличает это общественное взаимодействие от того, которое исчезает вместе с непосредственно участвующими субъектами и их моментальным поведением» [Зиммель, 1996: 317].

¹¹ Здесь мы несколько отходим от взглядов самого Франка, который не фиксировал люфт между содержанием объективной идеи и ее субъективным восприятием.

симпатия еще не есть союз дружбы; последний имеет место там, где эти люди сознают себя "друзьями", т.е. подчиняют свои отношения идеалу дружбы, где дружба как "союз", как "единство" сознается ими как объективное начало, властвующее над ними обоими» [Франк, 1992: 71]. Таким образом, «живая идея» обладает принудительным характером, навязывая участникам взаимодействия определенный смысловой комплекс, благодаря экспликации которого собственно и возникают формы («...это есть живая идея, потому что ее бытие состоит в ее действительности, в воздействии ее, как силы, на человеческую волю» [Франк, 1922: 77]).

В понятии живой идеи отражено осмысленное и органичное участие людей в осуществлении социальной жизни во всех ее формах. Она действует не как внешний фактор, но как внутреннее побуждение, по Франку, как божественное в тварном человеке, как идеальная «объективная, надындивидуальная реальность <которая> дана нам в форме реальности, присутствующей в нас самих, изнутри с нами сращенной и нам раскрывающейся» [Франк, 1992: 72–73]. Человек, согласно Франку, выступает, с одной стороны, как «медиум, проводник высших начал и ценностей», но при этом «медиум не пассивный, а активно соучаствующий в творческом осуществлении этих начал» [Франк, 1992: 75] – так или иначе осознающий предпосланные ему смыслы и реализующий их в своей социальной практике.

Заключение. Критическое прочтение С.Л. Франком формальной социологии Г. Зиммеля, с которой он был хорошо знаком и по текстам, и, скорее всего, в непосредственном изложении автора и которую воспринимал как серьезную заявку на дисциплинарную самобытность социологии, значимо в трех отношениях. Во-первых, изложение Франком существа формальных идей Зиммеля эксплицирует их глубину и эвристический потенциал. Во-вторых, Франк выявил слабые места зиммелевских концептуализаций, которые не позволили формальным интуициям автора превратиться в сильную исследовательскую программу. Наконец, в-третьих, – и это уже наше предположение – знакомство с формальной социологией, по-видимому, в той или иной степени предопределило восприятие Франком структурных моментов социального бытия как некоей специфической, онтологически самобытной реальности, которая, с одной стороны, органично связана с людьми, а с другой – надындивидуальна и сверхлична. По Франку, это – «духовная (но не душевная)» [Франк, 1992: 70] реальность, реальность объективной живой идеи, задающей субъективные смыслы социальным взаимодействиям людей. Франк трактует эти смыслы провиденциально, исходя из принципиальных философско-мировоззренческих установок на утверждение богочеловеческой природы бытия. Для нас, однако, безотносительно этих установок важно подчеркнуть присутствующую здесь мысль о том, что субъективно осознаваемый комплекс смыслов, управляющих социальным поведением людей, не определяется и не замыкается на их субъективные представления о природе своих взаимодействий, но заложен в некоей иной онтологической сфере. Понять этот комплекс в его надындивидуальной и транспсихической логике и есть задача актуального формально-социологического анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аляев Г.Е., Цыганков А.С. Семен Людвигович Франк: жизнь и учение // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2019. Т. 23. № 2. С. 172–191. DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-172-191.
- Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академ. Проект, Раритет, 2001.
- Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии. М., СПб.: Универ. книга, ЦГИ, 2015.
- Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М.: Юристъ, 1996.
- Зиммель Г. Проблема социологии // Тексты по истории социологии XIX–XX вв. М.: Наука, 1994. URL: <http://socioline.ru/pages/teksty-po-istorii-sotsiologii-xix-xx-vv-hrestomatiya> (дата обращения: 20.11.2016).
- История буржуазной социологии XIX – начала XX века. М.: Наука, 1979.
- Глюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции. Новосибирск: Наука, 1990.

Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.

Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук. М.: Берег, 1922.

Франк С.Л. Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. СПб., 1910.

Элиас Н. Придворное общество. М.: ЯСК, 2002.

Статья поступила: 15.05.23. Принята к публикации: 10.07.23.

“SOCIAL FORM” IN THE CONTEXT OF S.L. FRANK’S SOCIAL PHILOSOPHY

SHMERLINA I.A.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Irina A. SHMERLINA, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (shmerlina@yandex.ru).

Abstract. The article examines S.L. Frank’s approaches to problematics of social forms in two relatively independent perspectives – in the perspective of Frank’s critique of G. Simmel’s formal sociology and in the perspective of his own philosophical constructions of social form. Accordingly, the article addresses two theoretical issues. The first is to clarify the reasons for Frank’s negative evaluation of Simmel’s formal project. The most plausible reasons are three: Frank’s own psychological attitudes, not overcome by the time he wrote “The Essence of Sociology”; a critical appraisal of sociology’s theoretical and cognitive possibilities and a desire to remove complex philosophical and cognitive problems from its field; the ambiguity of Simmel’s concept of “social form” and the fruitlessness of its interpretation, in which it is reduced to universal one-dimensional axial parameters of interactions. The second theoretical task of the article is to clarify the place and meaning of the category “social form” in Frank’s own constructions. It is shown that this category embodies the idea of ontological primacy of society, fundamental for his social philosophy. Social form is understood in it as a realization of “objective living idea”, which has trans-psychic nature and is ontologically presupposed to interacting people, but requires them to actively participate in its implementation.

Keywords: S.L. Frank, G. Simmel, social form, objective living idea.

REFERENCES

- Aliaiev G.E., Tsygankov A.S. (2019) Simon L. Frank: Life and Doctrine. *Vestnik RUDN. Ser. Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy]. Vol. 23. No. 2: 172–191. DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-172-191. (In Russ.)
- Elias N. (2002) *Court society*. Moscow: YaSK. (In Russ.)
- Frank S.L. (1910) *Philosophy and Life. Essays and sketches on the philosophy of culture*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Frank S.L. (1922) *An Essay on the Methodology of the Social Sciences*. Moscow: Bereg. (In Russ.)
- Frank S.L. (1992) *Spiritual Foundations of Society*. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Plyusnin Yu.M. (1990) *The problem of biosocial evolution*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
- Simmel G. (1994) The problem of sociology. In: *Texts on the history of sociology of the XIX–XX centuries*. Moscow: Nauka. URL: <http://socioline.ru/pages/teksty-po-istorii-sotsiologii-xix-xx-vv-hrestomatiya> (accessed 20.11.2016). (In Russ.)
- Simmel G. (1996) *Selected*. Vol. 2. Moscow: Yurist. (In Russ.)
- Simmel G. (2015) *Selected. Problems of Sociology*. Moscow, St. Petersburg: Univer. kniga, CGI. (In Russ.)
- The history of bourgeois sociology of the 19th – early 20th century (1979). Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Zen’kovskiy V.V. (2001) *The History of Russian Philosophy*. Moscow: Akadem. Proyekt, Raritet. (In Russ.)

Received: 15.05.23. Accepted: 10.07.23.

Н.А. ГОЛОВИН

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ОБЩЕНАУЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЛОГИКО-СМЫСЛОВОГО МЕТОДА «ДИНАМИКИ» ПИТИРИМА СОРОКИНА: ОПЫТ ИХ РЕКОНСТРУКЦИИ

ГОЛОВИН Николай Александрович – доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (n.golovin@spbu.ru).

Аннотация. Исследуются компоненты логико-смыслового метода по сочинению социолога П.А. Сорокина «Социальная и культурная динамика». Определено его влияние на идеи Л.И. Петражицкого, М.М. Ковалевского, К.Ф. Жакова, а также европейской дискуссии о направлениях реформировании формальной логики, определены этапы генезиса этого метода. В статье системно анализируется теоретико-методологический синтез идей в области индуктивной логики, логики отношений, философии «лимитизма» и его использование в теории социального взаимодействия и теории социальных групп, осуществлявшийся П.А. Сорокиным в российский период творчества. Доказывается значительное влияние на формирование метода Сорокина логических идей Л.И. Петражицкого (прежде всего – его концепции логического единства научного знания). Показано, что в логико-смысловой метод, сформулированный в итоговом варианте «Социальной и культурной динамики», вошел также принцип многофакторности социальных процессов, воспринятый П.А. Сорокиным от М.М. Ковалевского.

Ключевые слова: П.А. Сорокин • логико-смысловой метод • методология социологии • история социологии • прикладная логика

DOI: 10.31857/S013216250027375-5

Вводные теоретико-методологические замечания. Новые крупные теории и методы в социологии возникают в период общественных кризисов и под влиянием новых идей в теории познания, затрагивающих логику. Если первая часть данного тезиса не вызывает дискуссий, то вторая, насколько нам известно, еще не обсуждалась в социологии применительно к логико-смысловому методу русско-американского социолога П.А. Сорокина (1889–1968). В его творческом наследии логика выступает основанием всякого теоретизирования. На восприятие этой научной нормы указывает постоянное использование Сорокиным специальных терминов и понятий логики, особенно терминов силлогистики: «большая посылка», «меньшая посылка», ссылок на правила дедуктивного вывода и методов индуктивной логики.

В 2021 г. на русском языке в десятом томе полного собрания сочинений П.А. Сорокина издано обобщающее системно-теоретическое сочинение «Система социологии» (первое издание 1920–1921 гг.). Вместе с публикацией в 2022 г. на русском языке второго обобщающего сочинения «Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система обществ социологии» (первое издание в США, 1947 г.) расширились возможности исследования творчества их автора в системно-теоретическом направлении. Эта перспектива охватывает сочинения: «Современные социологические теории» (1928), «Социальная и культурная динамика» (1937, 1941), «Социальные философии в век кризиса» (1951) и другие книги и статьи (ниже их названия используются в сокращении). Иными словами, для исследования логико-смыслового метода одного только анализа «Динамики» недостаточно.

В «Системе социологии» создана теория социального взаимодействия, разработанная на основе нескольких поисковых научных работ, особенно книжки «Символы в общественной жизни» (1913). В «Системе социологии», а в дальнейшем и в «Обществе...»,

развивается теория социальных групп и других сложных агрегатов. В социальных группах складываются правовые и моральные нормы, скрепляющие общество. Они, словно химические элементы, наделены валентностью (связями взаимодействия): бывают одновалентные и многовалентные группы, в других терминах – одно- и многосвязанные [Сорокин, 2022: 293]. Эти свойства обеспечивают системную дифференциацию и интеграцию общества и его частей.

В «Теориях» (1928), несмотря на масштабные обобщения, нет главы о теориях социальных систем, которых еще не было разработано в социологии, и нет ничего о логико-смысловом методе. Однако через год при переходе автора на работу в Гарвардский университет (1929) у него возник замысел «Динамики». Спустя почти 10 лет выходят в свет три тома его книги о динамике социальных и культурных систем, где логико-смысловой подход является основной методологической стратегией. «...При изучении логико-смысловых связей неуместны ни просто конкретные описания, ни причинные формулы – необходимо соответствующее соединение фрагментов в единое целое согласно их логическому значению или логической сопричастности (cobelonging). Сущность логико-смыслового метода... в нахождении основного принципа ("основания"), который пронизывает все компоненты, придает смысл и значение каждому из них и тем самым из хаоса разрозненных фрагментов создает космос» [Сорокин, 2020: 43–44]. Здесь же разъяснено, как он работает: В основании разных культур, подобно логически безупречным, но, по существу, разным геометриям Евклида и Лобачевского, заложены разные принципы: «начинают они с разных больших посылок», то есть аксиом. «большая посылка каждой системы, однажды принятая, правомерна в своих собственных пределах. Этот принцип особо важен в сфере логической интерпретации культуры...». Верно уловив большие посылки разных культур, исследователь сможет оценить степень их смысловой интегрированности по канонам «логической достоверности», в том числе интуитивно, то есть как эксперт, поймет ее «душу» [Сорокин, 2020: 52].

Данная методология оценки интегрированности культур используется и в сочинении «Общество, культура и личность» при доказательстве их эмерджентного единства¹. Одно из значимых различий «Динамики» и «Общества» состоит в том, что в «Обществе» сильнее акцентируется основной принцип («основание») логической интеграции культур и социума, названный «raison d'être» (французская идиома, переводимая на русский как разумное основание, смысл существования, бытия), в то время как его синоним «большая посылка» используется в обеих книгах. В обоих сочинениях описывается разная онтология культур: «...Не существует более всеобъемлющих понятий, чем следующие три определения природы высшей реальности и высшей ценности: а) истинная реальность и истинная ценность носят чувственно воспринимаемый характер – такова большая посылка чувственной суперсистемы; б) ...представляет собой сверхчувственный, сверхрациональный Бог, Брахман, Атман, Дао или их эквивалент – вот большая посылка идеациональной суперсистемы; в) ...бесконечное многообразие, отчасти сверхчувственное и сверхрациональное... – такова посылка идеалистической суперсистемы». Из этих больших посылок следуют разные типы науки, философии, искусства, этики, политики, экономики, менталитета и образа жизни [Сорокин, 2022: 681–682]. Терминология указывает на связь сочинений автора с современными ему дискуссиями в логике.

Известно, что все основные творческие замыслы Сорокина берут начало в России. Однако в отношении логико-смыслового метода этот тезис еще не прояснен. В связи с «логической» составляющей метода можно отметить некоторую изученность влияния на его теоретические построения со стороны логических идей Л.И. Петражицкого (1867–1931). Менее изучено влияние философии лимитизма и логики Ф.К. Жакова (1866–1926) на раннего П.А. Сорокина, еще меньше – значение дискуссии

¹ Название метода меняется от логико-смыслового в «Динамике» к причинно-смысловому в «Обществе» вместе с переносом акцента с культуры на теоретическое описание социальных систем.

о реформировании логики, в которую молодой Сорокин включился в Петербурге как заинтересованный начинающий наблюдатель-социолог.

Метод Сорокина не затронут в многочисленных рецензиях на «Динамику», за исключением критической статьи-рецензии его бывшего студента Р. Бирстедта. В ней отмечено применение в исследованиях культур дедуктивной и индуктивной логики, а для выяснения меры логической интеграции культур в логику «впрыснуто» немного «смысла». Возражение рецензента состоит в том, что нет «никакой логической связи между объектами и явлениями; логика как формальная наука о структуре мысли применяется к словам, которые мы используем, чтобы описать их». Логические связи могут быть лишь в суждениях о культуре, а не в ней, культуре – самой. Поэтому Сорокин впадает в «серьезное заблуждение относительно природы логики» [Bierstedt, 1937: 815]². Логико-смысловой метод близок к мистицизму, интуитивен, смешан с чувственным восприятием, тавтологичен: изучаются заранее подобранные целостные культурные комплексы. Ответ Сорокина в том же журнальном выпуске сводится к разъяснению рецензенту азов логики и оформлен силлогизмом в его самом известном модусе *Barbara*:

«Большая посылка: Категория логической связи применима ко всем словам, предложениям, суждениям, а также к их заменителям и дериватам (знаки, символы, изображения, жесты, церемонии, ритуалы, музыка, обычаи и т.д.).

Меньшая посылка: Культура и культурные явления состоят в основном из слов, предложений, суждений и их производных и заменителей.

Вывод: Следовательно, категория логических отношений применима к большей части культуры». Сорокин заключает: «Даже г-н Бирстедт не сможет сделать противоположный вывод в силу самой логики» [Sorokin, 1937: 824].

За неимением ничего лучшего используем данную рецензию как отправной пункт дальнейшего исследования.

Предпосылки логико-смыслового метода в российский период творчества Сорокина. В ситуации, когда поставлены под вопрос основания науки, в теоретической деятельности усиливается ориентирующая роль картин мира [Степин, 2003: 295]. Революция в физике начала XX в. подрывала их: в микромире не действует принцип причинности, но оказались адекватными вероятностные теоретические описания состояний элементарных частиц. В логике – философской науке, возникли сомнения в достаточности классических причинно-следственных описаний реальности, в том числе социальной, затрагивающих связь прошлого, настоящего и будущего. Возникли предложения об их расширении за счет более широкого использования вероятностных и качественных описаний социальных отношений. Для студента Сорокина проблематика логики оказалась важной в связи с предложением Э. Дюркгейма реформировать теорию познания, высказанным в журнальной статье, переведенной Сорокиным с французского на русский язык (1914). Коллективные представления определяются там как естественный источник логической мысли, кристаллизованной в языке и вербальной коммуникации.

В 1920 г. П.А. Сорокин в предисловии к сочинению «Система социологии» отказывается от «философствования», но для логики, науки философской и гносеологической, делает исключение, используя формулу структуры наук об обществе, логику Петражицкого с особой, обобщающей ролью социологии в них. В дальнейшем он привлек к написанию главы «Динамики» о системах истины и знания бывших петербургских философов и логиков Н.О. Лосского и И.И. Лапшина – участников дискуссии о модернизации логики. Ее общим идейным фоном была неокантианская философия ценностей и нравственно ответственного поведения. Для Сорокина, как и для образованной молодежи того времени, крупнейшим авторитетом в этих вопросах был писатель и философ Л.Н. Толстой, ставивший жизненные ценности выше науки.

² Перевод цитат из статьи Бирстедта с английского языка на русский выполнен Н.Ф. Зюзовым.

Связь дискуссии в логике и теории социального взаимодействия. Детальный обзор ситуации в логике дает петербургский логик-профессионал, один из создателей логики отношений С.И. Поварнин (1870–1952). В теориях умозаключения помимо категорических силлогизмов следует использовать другие способы дедуктивного вывода, расширяющие возможности теоретического описания реальности. Среди них – пересмотренное учение об отношениях между субъектом и предикатом логического суждения. Поварнин представил его как замену двухчастного суждения, входящего в силлогизм, трехчастным, например:

А – прежде Б

следует разделить на трехчастное:

А – прежде – Б,

выделив «отношение» в отдельную часть суждения и обеспечив выстраивание теории умозаключений на основе трехчастных логических посылок [Поварнин, 2015: 383]. Такая дифференциация суждения обеспечивает более полное описание пространственных, временных, а не только причинно-следственных отношений и расширяет возможности интуитивных обобщений [Поварнин, 2015: 409]. Это позволяет «развить характеристики любого класса, содержащегося в предложении, поскольку он определяется данными в этом предложении отношениями его к другим классам» [Поварнин, 2015: 430]. Примечательно, что логика отношений охватывает не только отношения пространства и времени, величины и других измерений реальности, но и связи между понятиями, например, такими, как «преступление» и «наказание» (ср. созвучное этому тезису название книги раннего П.А. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда», 1914). На эту связь, обсужденную еще в петербургской дискуссии о расширении методов формальной логики, П.А. Сорокин ссылается и в ответе рецензенту Бирстедту³.

Проводники социального взаимодействия в «Системе социологии» рассмотрены в продолжении его статьи о символах социальной жизни (1913), а само взаимодействие имеет трехчастную структуру. Данная разработка теории взаимодействия с такой структурой стала одной из предпосылок логико-смыслового метода. В «Системе социологии» она выстроена аналогично реальным социальным отношениям с отдельным теоретическим описанием проводников взаимодействия и иллюстрируется метафорой валентности: человеческий атом оказывается членом, «абонентом» не только одной, а множества взаимосвязанных социальных групп [Сорокин, 2021а: 389]. У «человеческих молекул» (Парето) в их сложном взаимодействии трехчастная структура утрачивается в пользу исследования мотивации действий, что является достойной сожаления уступкой психологизму в теории Парето [Сорокин, 2021б: 66–80].

Модель социального взаимодействия с трехчастной структурой изложена в «Обществе» (1947) как три компонента целостного социокультурного явления: 1) смыслы, ценности или нормы; 2) мир проводников смысла; 3) социокультурное положение индивида или группы. Общество возможно лишь как ансамбль межгрупповых и внутригрупповых взаимодействий [Сорокин, 2022: 368]. Трехчастная структура взаимодействия на уровне социокультурного явления с проводниками отличается, по существу, от хрестоматийной теории осмысленного взаимодействия М. Вебера и недооценена в истории социологии.

П.А. Сорокин развивал эту теорию дальше на основе учения физиолога И.П. Павлова о языке как «второй сигнальной системе» и трехчастной теории суждения в логике, будучи их заинтересованным наблюдателем, разделявшим тезис Э. Дюркгейма о корнях логики в коллективных представлениях социальных групп.

Расширение объема логического сказуемого в суждении как средство мощных обобщений в трудах Сорокина. В логике начала XX в. считалось крупной проблемой достоверное описание реальности через классификацию явлений. Рецензент «Системы

³ Ср.: эпиграф Сорокина к докладу 1911 г. из логики Х. Зигварта о стабильности понятий: «Понятие в логическом смысле отличается от возникшего в естественном течении мышления и обозначенного посредством слова общего представления своим постоянством...» с таким же тезисом Дюркгейма, см.: [Сорокин, 2014: 148, 644–645].

социологии» И.Ф. Цызарев отмечает, что в анализе и классификации автор «необыкновенно силен» [Сорокин, 2021а: 837–838]. В «Теориях» со ссылкой на труды логиков Л.И. Петражицкого и А.А. Чупрова Сорокин отмечает, что механистические теории не справляются с проблемой классификации: они «нарушают логический закон обязательного соответствия логического субъекта логическому предикату в логическом суждении», допуская грубые отклонения в объеме предиката в большую или меньшую сторону без выявления специфики социальных явлений» [Сорокин, 2021b: 51–52]. Это замечание восходит к предложению Петражицкого учитывать в силлогизме реальные объемы входящих в него понятий, поясненному на примере модуса силлогизма *Barbara*:

Все люди смертны.

Сократ человек.

Следовательно, Сократ смертен.

Однако и все кошки смертны, и если данное существо – кошка, то и она смертна. Классический силлогизм «хромает», так как предикация относится не ко всему классу объектов, а лишь к его части [Петражицкий, 2010]. Уточненное определение классов социальных явлений, связей между ними и с несоциальными явлениями позволяет социологу расширить свой предмет так, как изложено на заключительных страницах «Теорий».

В сформулированный в «Динамике» логико-смысловый метод входит принцип многофакторности социальных процессов, воспринятый Сорокиным от своего учителя социолога М.М. Ковалевского. Учитель продемонстрировал его, например, в полемике, с итальянским экономистом, считавшим хозяйственное процветание Англии второй половины XIX в. лишь результатом политики свободной торговли (единственный фактор), но встретил возражение: «На мой взгляд, такой прием едва ли может считаться научным, так как выделяет из суммы сопутствующих явлений только один фактор и ему приписывает достигнутые результаты. Но самые цифры заслуживают внимания...» [Ковалевский, 2005: 454].

Сорокин развил это методологическое положение о многофакторности с учетом дискуссии о необходимости различения главной причины и дополнительных факторов явлений в сочинениях по индуктивной логике и природе каузальности (Дж. Ст. Милль, А.А. Чупров, Х. Зигварт, Дж. Венн и др.). «...Логические исследовательские выгоды от такого различия настолько велики, а недостатки настолько малы, что... возражения можно проигнорировать, – считает Сорокин. – Принцип главной причины и дополнительных факторов успешно используется при каузальном анализе в естественных науках. В случае неоднородности факторов социальных явлений его также можно использовать. В случае, «если переменные А, В, С... N однородны и соизмеримы, то формула множественной причинной обусловленности вполне применима» [Сорокин, 2022: 587–588].

Объединение в трудах Сорокина познавательных возможностей индуктивной логики, многофакторной причинности с использованием расширенной структуры силлогизма. Обозревая европейскую дискуссию о модернизации логики, петербургский логик С.И. Поварнин отмечает, что в трехтерминных умозаключениях вывод обнаруживает не новое отношение, а новое качество. Огибая по морю незнакомую часть суши и синтезируя описание своего пути, логик-наблюдатель приходит к мысли, что «полученная таким образом береговая линия принадлежит отдельной со всех сторон замкнутой части суши (т.е. острову). Это новое качество X – усмотрено мною в построении из А–В–С–D–E–F» [Поварнин, 2015: 409].

По такой же логике в «Теориях» П.А. Сорокин возражает М. Веберу по поводу его знаменитого вывода о генезисе капитализма из протестантской трудовой этики (единственный фактор). Следует учесть многофакторность причин, даже если их однородность не очевидна. «...Хозяйственная этика (X) никоим образом не является продуктом только религиозного фактора (А) и ... ни Вебер, ни мы не знаем, какова его относительная значимость среди других факторов (В, С, D, E, F, ...), которые ее формируют». Даже если веберовский анализ по-своему верен, мы не можем отнести эти влияния лишь религии (А), потому что хозяйственная этика – это сложный конгломерат многих разных факторов

(В, С, D, E, F, ...), ее формирующих [Сорокин, 2021b: 608–609]. В этом возражении Веберу также содержится один из компонентов будущего логико-смыслового метода.

В дальнейшем с помощью этого уже частично интегрированного в своих компонентах метода (напомним, в «Обществе...» он называется причинно-смысловым) Сорокин обобщил критику генезиса капитализма как по Веберу, так и по Марксу: «...Марксизм предлагает следующее уравнение: протестантизм есть функция капитализма, то есть $P = f(C)$. Макс Вебер видит все наоборот, делая капитализм функцией протестантизма и его *Wirtschaftsethik*: $C = f(PW)$. На самом деле оба уравнения и связанные с ними теории ошибочны. Адекватная формула такова: капитализм, протестантизм, утилитарная этика и право, наука и техника, рационализм, индивидуализм, контрактные отношения, визуально-чувственное искусство, материалистическая философия, эмпиризм, темпорализм, сингуляризм, номинализм и релятивизм – все это не более чем проявления упадка идеациональной суперсистемы и подъема чувственной. Как части одной суперсистемы они все зависят друг от друга, равно как и от целого. Протестантизм не был причиной капитализма, равно как и капитализм не был причиной протестантизма; оба они развились в ходе единого процесса вместе со всей суперсистемой» [Сорокин, 2022: 758]. Такова эвристическая роль принципа многофакторности в причинно-смысловом методе.

Таким образом, развитие Сорокиным логико-смыслового метода от ранних сочинений и «Системы социологии» (1920) до «Теорий» (1928) является периодом формирования его главных компонент. Переход ко второму периоду его разработки связан с учетом критических замечаний на книгу «Социология революции» (1925) ее немецких рецензентов (1925–1929) с позиции «понимающей» социологии в адрес коллективной рефлексологии Сорокина. Существо критики состояло в заключении о несостоятельности бихевиористского объяснения причин революций и оценки их исторического смысла. Именно тогда у Сорокина возник замысел «Динамики», о чем известно из его корреспонденции (см.: [Дойков, 2009: 247, 255]). Кроме того, как указал историк социологии А. Гоулднер, подействовал самостоятельный фактор: ожидание от гарвардского профессора, кем стал Сорокин, «большой теории» [Гоулднер, 2003: 208].

Проблема взаимосвязи значений слов со смыслами культуры. Данная проблема проходит красной нитью в сочинениях П.А. Сорокина от статьи 1913 г. о символах в социальной жизни, разделяемого им тезиса Э. Дюркгейма о том, что коллективные представления, закрепленные в словах, уже содержат концептуальное знание и обеспечивают генезис логической мысли в самом обществе; до его сочинений, последовавших за «Динамикой». Например: «набор словесных смыслов "яблоко, Гитлер, автомобиль, дождь, треугольник, рыба". Или набор норм: "полей свой огород", "посети танцевальный вечер", "купи бестселлер", "оплати свой счет". Или набор ценностей: "Илиада", "футбол", "готическая архитектура", "счастливый брак"» – «неинтегрированная свалка идеологических культурных ценностей, которые как с логической, так и эстетической точки зрения не являются ни согласующимися друг с другом, ни взаимно противоречащими». Другой полюс – полная логическая интеграция: «Даже наука может быть подсистемой еще более обширной системы истины, когда наука, философия, религия и искусство гармонично сотрудничают во имя более глубокого и точного понимания подлинной действительности, то есть интегрированных суперсистем [Сорокин, 2022: 374–375]. Этот тезис сформулирован уже в «Социальных философиях» (1951) в полемике с культурфилософом О. Шпенглером.

Поиски смыслов культуры на уровне отдельных слов (например, слова «солнце») в составляющих его фонетиках в разных языках представляет собой первую попытку обнаружить логические связи в культуре в целом. В словах содержатся концепты. Именно здесь, в ранних сочинениях, берет начало обобщение: из смысловых «скоплений», «свалок», выраженных словами, может (но не должна) возникнуть новая смысловая система (культура). Для исследования этого вопроса и предназначен логико-смысловой метод, позволяющей оценить степень интеграции «отдельных смыслов, ценностей и норм, а также понятие их интегрированных систем в их отношениях друг с другом» [Сорокин, 2022: 375].

Итак, еще один компонент логико-смыслового метода – тезис «язык – демиург смыслов». «Так как язык – это средство выражения любого непротиворечивого множества идей или норм, он не может не быть интегрированной системой в своей основной части; иначе он не смог бы успешно обслуживать согласованные множества идей, ценностей и норм» [Сорокин, 2022: 378]. Этот компонент с современной точки зрения является наименее развитой частью логико-смыслового метода, восходящей к статье Сорокина «Символы в общественной жизни» (1913) и статье Э. Дюркгейма «Социология и теория познания» (1914), к «Системе социологии», где П.А. Сорокин коснулся связи знака (слов) и обозначаемого ими смысла через фонетики.

Крупная методологическая проблема: как возможно логически верное использование языка? Ответом является разрешение вопроса о том, как возможно отделение логически верных высказываний (комбинаций слов) от нелогичных (недопустимых словосочетаний). Эта проблема вынесена Сорокиным на страницы его научно-фантастического романа «Прачечная человеческих душ» (1917, в журнальном варианте – «Предтеча») в сюжеты о логической машине, превосходящей по мощности и функциям знаменитую логическую машину Джевонса.

Английский экономист и логик У.С. Джевонс искал способы определения допустимых комбинаций терминов высказываний. Он разработал таблицы для 1–6 терминов («логический алфавит»), затем – логические счеты и, наконец, «логическую машину», см.: [Поварнин, 2015: 435]. В отличие от нее, логическая машина главного героя романа Никуличева (Сорокин) способна механически проверить правильность любого высказывания. Фантастичность здесь в том, что машине удастся отделить осмысленные (верные) и бессмысленные, недопустимые словосочетания в бесконечно большой вариативности словосочетаний (высказываний) и установить их истинность. В такой постановке проблема так и остается нерешенной даже в обобщающей книге «Общество», в которой автор иногда с иронией или без нее ссылается на бином Ньютона и другие математические методы комбинаторики, которые здесь не помогают. В конечном итоге в мощных обобщениях смыслового содержания подсистем культуры П.А. Сорокину приходится использовать нативный интеллект – интуицию, входящую в состав логико-смыслового метода, признанную в современной науке в качестве экспертного метода.

Индуктивные и интуитивные обобщения смыслов культуры вокруг *raison d'être*. Согласно П.А. Сорокину, в любой крупной идеологической суперсистеме есть собственное основание – большая посылка – мировоззренческая убежденность о конечной природе подлинной реальности и истинной ценности. «Являются ли конечная истинная реальность и подлинная ценность чувственной или сверхчувственной или же отчасти чувственной и отчасти сверхчувственной? – ставит он вопрос и заявляет, что ответ на него "служит большей посылкой для строительства максимально крупной идеологической суперсистемы, интегрирующей в единое последовательное целое большую часть фундаментальных принципов науки и философии, религии и этики, права и политики, искусства и экономики". Ответ предопределяет характер большинства научных, философских, религиозных, эстетических и других идеологических систем и скоплений». Если *подлинная реальность и истинная ценность носят чувственный характер*, то в таких идеологических культурах «большинство научных, философских, этических и других систем выражают именно эту большую посылку». Такие идеологические суперсистемы называются «чувственными» [Сорокин, 2022: 379–380]. Аналогичным образом организованы идеациональные суперсистемы.

Это применение логики к мировоззрениям, картинам мира культур в целом восходит к дискуссиям о расширении формальной логики, изложенным, в частности, в трудах философа К.Ф. Жакова, преподавателя Психоневрологического института в Петербурге, где учился П.А. Сорокин. Пусть П.А. Сорокин очень мало цитирует К.Ф. Жакова, но время для общения с философом-земляком у него было при участии обоих в этнографических экспедициях. К.Ф. Жаков разделяет учение о трехчастном умозаключении, то

есть логику отношений, развивает философию лимитизма, уверен в истинности широких обобщений по правилам индуктивной логики, вслед за Зигвартом считает ее «обратным применением» вероятностного анализа, подтвержденным результатами естественнонаучных наблюдений, утверждает, что «познание идет к абсолютному» [Жаков, 2010: 170]. Жаков выражает здесь не столько свою научную точку зрения, сколько разделяет новое научное мировоззрение.

Из лимитизма следует, что основных принципов мироздания немного. «Количество основных физических форм энергии, например, тепло, звук, электричество и магнетизм, также строго ограничено; поэтому они бесконечно повторяются в материальном мире». То же самое верно для «фундаментальных биологических процессов (адаптация, естественный отбор, борьба за существование, воспроизводство и т.д.)», – пишет Жаков, подчеркивая, что выводы – «всегда суждение второго или высшего порядка» [Жаков, 2020: 178]. Разделяя этот тезис, П.А. Сорокин заключает в «Обществе» с одновременной ссылкой на «Динамику», что «...основные формы почти всех социокультурных явлений ограничены в количественном отношении, поэтому они неизбежно повторяются во времени, ритмическим образом...» [Сорокин, 2022: 811]. Они не могут не повторяться (логика не допускает иного).

Итак, У.С. Джевонс и К.Ф. Жаков (1912) считают логику основой всякой науки и полагают, что «индукция есть обратное применение теории вероятности» к эмпирическим данным [Джевонс, 1881; Жаков, 2010]. Кроме того, по Жакову и Сорокину (но не только) умозаключения в теоретической социологии требуют некоторой модификации. Смысловой характер явлений культуры нередко позволяет достоверно установить факт наличия каузальной связи «окольным» путем: «сначала устанавливается смысловая связь между двумя или более явлениями, а затем наличие фактического контакта между ними». Строгое применение естественнонаучных методов к социокультурным явлениям неоправданно, так как их проявления радикально отличаются: они «почти никогда не дают необходимого количества одинаковых повторений одних тех же переменных». Пример – различия в политике католической церкви в разных странах мира [Сорокин, 2022: 736]. Этот фрагмент выражает сложившуюся позицию П.А. Сорокина в общеевропейской дискуссии о методах наук о природе и наук о культуре. Она основана на опыте исследования культуры логико-смысловым методом, учитывающим, что социокультурные системы менее жестки, чем природные, последовательность фаз их изменений варьирует без строгой последовательности и с промежуточными фазами [Сорокин, 2022: 813]. Один из итогов применения метода – гипотеза Сорокина об ограниченности количества социокультурных циклов в динамике систем, исследована специалистами как «закон Питирима Сорокина»⁴.

Таким образом, в «Обществе» еще раз апробирован логико-смысловой метод «Динамики» с подчеркиванием интегративной функции главного смысла культур. Если в «Динамике» термин *raison d'être* (фр. – разумное основание, смысл существования) употреблен лишь единожды, то в «Обществе» он выступает в роли «большой посылки» в главном силлогизме культуры.

Критическая оценка. Логико-смысловой метод раскрыт лишь в его важнейших компонентах: модернизированная формальная логика в части обеспечения соответствия объемов понятий в посылках-суждениях силлогизма, реформированная структура суждения из двухчастного в трехчастное, применение логики отношений в теории социального взаимодействия и теории социальных групп; выяснение характера взаимосвязей ценностей и норм с единым смысловым ядром – главным смыслом культуры и его теоретическое описание с обобщениями в логически достоверных доказанных высказываниях.

⁴ По «теореме Питирима Сорокина» «все социокультурные системы изменяются ритмично, последовательно перебирая все доступные возможности самосохранения». Перебор вариантов не может идти до бесконечности из-за внутренних ограничений системы, потому циклы неизбежны [Светлов, 2009: 157]; Ср.: «История народов ритмична... И здесь нужно различать ритм главный и подчиненные ритмы» [Жаков, 2010: 167].

Сорокин не претендует на предложение своего метода как нового: «его успешно использовали великие социальные мыслители как далекого, так и сравнительно недавнего прошлого», – считает он [Сорокин, 2020: 46]. Однако, как следует из вышеизложенного, метод модифицирован с учетом достижений логики и эмпирической социологии. Он имеет, как минимум, три модификации. В четырехтомном издании «Динамики» (1937, 1941) это логико-смысловой метод (*logico-meaningful method*). В сочинении «Общество» (1947) он выступает как «причинно-смысловой (*meaningful-causal method*)» либо под именем логики социокультурных систем (*logic of sociocultural systems*). Сорокин разъясняет, что он лишь по-разному модифицирует общенаучные принципы «в соответствии со специфической природой социокультурных явлений» и получает либо причинно-смысловой метод, либо логику социокультурных систем [Сорокин, 2022: 27].

В культуре различают разные явления: во-первых, артефакты, например автомобиль, в котором «все детали зависят друг от друга, каждая деталь зависит от целого, а целое – от каждой детали» [Сорокин, 2022: 395]. Здесь уместен причинно-смысловой метод. Культура наполнена ментифактами, которые могут образовывать «чисто смысловые, логико-эстетические единства в виде мелких и крупных систем смыслов, ценностей и норм, воплощенные в поступках людей и используемых ими средствах» [там же]. Здесь применяются и «логика социокультурных систем», и причинно-смысловой метод.

Позднее, в однотомной «Динамике» (1957) термин «логико-смысловой метод» вновь продолжает использоваться. Как известно, П.А. Сорокин не исправлял свои сочинения в связи с их новым изданием без особой надобности (здесь речь идет об авторском сокращении текста). Следовательно, термины: логико-смысловой, причинно-смысловой методы, логика социокультурных систем сосуществуют в рамках более общего понятия «логическое понимание», использованного в «Динамике» [Сорокин, 2020: 50–51]. Там речь идет лишь о методологическом выборе Сорокина, определенном в главе 2 и остановленном на *социально-феноменологическом* понимании смысла культуры. «Вторая форма социально-феноменологической интерпретации внутреннего аспекта культуры – *логическое понимание*», которое «стоит на своих собственных ногах и теоретически независимо от психологического смысла», то есть от субъективно подразумеваемого смысла (мотива действия) (первая форма интерпретации – *причинно-функциональная* – служит выяснению «причинно-функциональных связей между составными частями культурной ценности или комплекса ценностей» [там же]).

Логико-смысловой метод не сводится к простому выбору из методологического арсенала науки прошлого века. П.А. Сорокин значительно развил и обогатил его, объединив естественнонаучную идею ограниченности числа первых принципов устройства мироздания (тезис, выдерживающий критику, если речь идет о развитой фундаментальной теории в физико-математических науках и науках о жизни) и менее обобщенные описания общества в науках о культуре, учитывающие вариативность и особенности смысловых связей в системах культуры.

Неразрешенная ни через ироничные ссылки на бином Ньютона, ни с помощью искусственного интеллекта (логические машины), обеспечивающего верные языковые картины мира (в действительности всегда производные от тематики собранного материала), проблема логически достоверного описания культуры остается значимой, но решаемой в ходе самоопределения общества. В теории более эффективным, чем у П.А. Сорокина, оказалось различение языка и речи в работах швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, революционера в языкознании, наследие которого П.А. Сорокин не использовал.

С 1960–1980-е гг. в науках о культуре продолжается смена парадигм от классической к постнеклассической науке с признанием множества рациональностей и конструктивистской методологией, но и в таких условиях логико-смысловой метод обладает недооцененным эвристическим потенциалом. Достаточно вслед за классиками социологии задаться вопросом о причинах системной трансформации общества. К. Маркс и марксизм полагали их в развитии экономики (производительных сил). М. Вебер и Франкфуртская школа

искали их источник в культуре. Политический мыслитель К. Шмитт – в судьбоносности политических решений. Питирим Сорокин: «Никаких обобщений не может быть сделано относительно порядка трансформации подсистем. Маловероятно, что какая-то подсистема может регулярно лишь опережать остальные или отставать от них. В сложной системе, находящейся в динамической среде, по-видимому, нет никакой очевидной или логической причины, в силу которой изменение должно всегда затрагивать одну подсистему первой, а другую – последней» [Сорокин, 2022: 765]. Это заключение, достигнутое с использованием логико-смыслового метода, не вызывает сомнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003.
- Джевонс У.С. Основы науки: Трактат о логике и научном методе / Пер. со 2-го англ. изд. М. Антоновича. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1881.
- Дойков Ю.В. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2. (1922–1968 гг.). Архангельск, 2009.
- Жаков Ф.К. Логика (с эволюционной точки зрения). М.: Кн. клуб Книговек; СПб.: Северо-Запад, 2010.
- Зигварт Х. Логика. Т. 1. Учение о суждении, понятии и выводе. М.: Территория будущего, 2008.
- Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005.
- Петражицкий Л.И. Новые основания логики и классификация наук // Теория и политика права. Избр. тр. / Ред. Е.В. Тимошина. СПб.: Юр. книга, 2010. С. 775–793.
- Поварнин С.И. Логика отношений, ее сущность и значение // Сочинения. Т. 1 / Отв. ред. Л.Г. Тоноян, сост. и авт. вступ. ст. В.И. Кобзарь и др. СПб.: ИИЯ, 2015. С. 337–478.
- Светлов В.А. Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов: уч. пос. М.: Либроком, 2009.
- Сорокин П.А. Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии / Пер. и вступ. ст. Н.Ф. Зюзева; сост., коммент. и науч. ред. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2022.
- Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910–1914 гг. / Сост., вступ. ст. В.В. Сапова; коммент. В.В. Сапова, С.Н. Казакова. СПб.: Мирь, 2014.
- Сорокин П.А. Система социологии / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2021а.
- Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / Пер. и сост. А.К. Конюхова, В.В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2021б.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. М.: Академ. проект, 2020.
- Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
- Bierstedt R. The Logico-Meaningful Method of P.A. Sorokin // American Sociological Review. 1937. Vol. 2. No. 6. P. 813–825.
- Sorokin P. Rejonier Pitirim A. Sorokin (Harvard University) // American Sociological Review. 1937. Vol. 2. No. 6. P. 823–825.

Статья поступила: 31.05.23. Финальная версия: 10.07.23. Принята к публикации: 12.07.23.

WORLD OUTLOOK AND GENERAL SCIENTIFIC PREREQUISITES OF THE LOGICO-MEANINGFUL METHOD OF PITIRIM SOROKIN'S "DYNAMICS": A RECONSTRUCTION

GOLOVIN N.A.

St. Petersburg State University, Russia

Nikolay A. GOLOVIN, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (n.golovin@spbu.ru).

Abstract. The components of the logico-meaningful method of sociologist P.A. Sorokin's work "Social and Cultural Dynamics" are studied, the influence on its genesis of ideas of L.I. Petrazhitzky, M.M. Kovalevsky, K.F. Zhakov, European discussion about the directions of formal logic reformation is defined, as well as its stages. The article systematically analyzes theoretical and methodological synthesis of ideas in the field of inductive logic, logic of relations, philosophy of "limitism" and its use in the theory of social interaction and the theory of social groups, carried out by P.A. Sorokin in the Russian period of his career. A significant influence of L.I. Petrazhitzky's logical ideas on the formation of Sorokin's method (first of all, his concept of the logical unity of scientific knowledge) is proved. It is shown that the logical-semantic method formulated in the final version of "Social and Cultural dynamics" also includes the principle of multifactorial social processes taken by P.A. Sorokin from M.M. Kovalevsky.

Keywords: P.A. Sorokin, logico-meaningful method, sociological methodology, history of sociology, applied logic.

REFERENCES

- Bierstedt R. (1937) The Logico-Meaningful Method of P.A. Sorokin. *American Sociological Review*. Vol. 2. No. 6: 813–825.
- Doykov Y.V. (2009) *Pitirim Sorokin. A man out of season. Biography*. Vol. 2 (1922–1968). Arkhangelsk. (In Russ.)
- Gouldner A.W. (2003) *The Coming Crisis of Western Sociology*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Jevons W.S. (1881) *The Principles of Science: A Treatise on Logic and Scientific Method*. Transl. from the 2nd Eng. ed. by M. Antonovich. St. Petersburg: L.F. Panteleev. (In Russ.)
- Kowalevski M.M. (2005) *My life. Memories*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Petrazhickij L.I. (2010) New foundations for logic and the classification of sciences. In: *Theory and policy of law: selected works*. Ed. by E.V. Timoshina. St. Petersburg: Jur. kniga. (In Russ.)
- Povarnin S.I. (2015) The logic of relations. In: *Essays*. Vol. 1. Compl., introd. art., comm. by V.I. Kobzar', T.E. Sohor, L.G. Tonojan (eds). St. Petersburg: IJa: 339–472. (In Russ.)
- von Sigwart Ch. (2008) *The Logic. Vol. 1. The Study of judgement, conception and inference*. Moscow: Territorija budushhego. (In Russ.)
- Sorokin P. (1937) Rejonier Pitirim A. Sorokin (Harvard University). *American Sociological Review*. Vol. 2. No. 6: 823–825.
- Sorokin P.A. (2014) *Early works, 1910–1914*. Comp. and introd. art. by V.V. Sapov, comm. by V.V. Sapov, S.N. Kazakov. St. Petersburg: Mir. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2020) *Social and Cultural Dynamics*. Transl. from Eng., introd. art. by V.V. Sapov. Moscow: Akadem. proekt. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2021a) *The System of Sociology*. Comp., prep. text, introd. art. and commen. by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2021b) *Contemporary Sociological Theories*. Transl. and comp. by A.K. Konjuhov, V.V. Sapov; introd. art. and comm. by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2022) *Society, Culture, and Personality: Their structure and Dynamics, a System of General Sociology*. Transl. and introd. art. by N.F. Zyuzev; comp., comm. and ed. by V.V. Sapov. Syktyvkar: Anbur. (In Russ.)
- Stepin V.S. *Theoretical Knowledge*. Moscow: Progress-Tradizija, 2003. (In Russ.)
- Svetlov V.A. (2009) *Introduction to the Unified Theory of Conflict Analysis and Resolution: Textbook*. Moscow: Librocom. (In Russ.)
- Zhakov F.K. *The Logic (from the evolutionary point of view)*. Moscow: Kn. klub Knigovek; St. Petersburg: Severo-Zapad, 2010. (In Russ.)

Received: 31.05.23. Final version: 10.07.23. Accepted: 12.07.23.

© 2023 г.

Д.Л. МОНД

ДОВЕРИЕ КАК ЛИЧНОЕ БЛАГО В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

МОНД Денис Леонидович – независимый исследователь, Москва, Россия (socapital.mond@yandex.ru).

Аннотация. Задача статьи – концептуализация доверия как личного блага. Актуальность задачи обусловлена тем, что сегодня социальный капитал одновременно изучают в разных парадигмах – личного и общественного блага, – вследствие чего невозможно дать ему четкое определение. Одна из причин этой двойственности в том, что в разных парадигмах изучают ключевой элемент социального капитала – доверие. Правопорядок и личная репутация создают доверие к человеку, но первый обычно считают достоянием общества, а вторую – конкретной личности. В этом свете актуализируется возможность концептуализации доверия исключительно в одной из парадигм. Сначала автор описывает свою концепцию социального капитала, дает определение доверия и описывает его роль в контексте социального капитала. Затем источники доверия делятся на три типа: свойства субъекта, свойства объекта и свойства контекста. На этой основе выделяются три чистых типа доверия (базовое, личное, коллективное) и одно составное (категориальное). Далее они последовательно привязываются к конкретной социальной единице при помощи вспомогательной концепции коллектива, демонстрируя принципиальную возможность концептуализации доверия как личного блага. Отдельное внимание уделяется роли институтов в создании доверия, которые автор предлагает считать свойствами коллектива. В заключении описывается логика преобразования видов доверия друг в друга.

Ключевые слова: доверие • виды доверия • личное • общее • базовое • коллективное • категориальное • социальный ресурс • социальный капитал • готовность оказать услугу

DOI: 10.31857/S013216250027377-7

Определение социального капитала (СК). На сегодняшний день мы не имеем общепринятого определения СК в силу того, что исследователи по-разному видят саму его природу. Если обобщать разные взгляды, речь идет о пользе хороших отношений, но на этом согласие заканчивается. Одни видят в СК скорее причину того, что окружающие так или иначе приносят нам пользу (в т.ч. через доступ к своим ресурсам) [Putnam, 1995; Fukuyama, 2001], для других он представляет скорее следствие, т.е. саму пользу (в т.ч. ресурсы) [Bourdieu, 1986]. Третьи вовсе не проводят ясной границы между ними [Granovetter, 1992; Burt, 2005; Lin, 2004]. Одни полагают, что СК накапливается конкретным человеком [Schmid, 2002], что делает его личным благом, другие считают его достоянием общества, т.е. общественным благом [Putnam, 1995; Coleman, 1988], третьи придерживаются компромиссного [Fukuyama, 2001] или двусмысленного [Bourdieu, 1986] подходов.

Автор благодарен рецензентам журнала и кандидату социологических наук, доценту ПНИПУ В.А. Бурко за критические замечания по работе, часть которых нашла отражение в статье.

Одни считают СК метафорой классического капитала [Nahapiet, Ghoshal, 1998], другие – аналогией, третьи проводят между ними параллель. Это лишь несколько примеров концептуальных разногласий.

Согласно основному допущению статьи, носителем СК автор считает не общество (или его часть), а конкретного человека, точнее, социальную единицу (СЕ) – *реальную или вымышленную сущность, способную выступать в ходе социального взаимодействия субъектом и объектом (напр., человек, компания, государство)*. Касаемо отношения социального капитала к классическому, проведение между ними параллели кажется невозможным хотя бы потому, что понятие капитала по сей день не имеет единой трактовки. Уместнее будет назвать их отношение аналогией, потому что в обоих случаях подразумевается собственник, который в ходе социального взаимодействия извлекает прибыль (пользу) из некоего ресурса, при этом не расходуя его полностью.

В случае СК автор предлагает считать этим ресурсом (социальным ресурсом) *готовность оказать услугу (ГОУ)*. Эта позиция обусловлена тем, что, по мнению автора, в контексте СК речь идет прежде всего о хорошем отношении людей друг к другу и о следствиях этого. Например, доверие является интуитивным признаком хорошего отношения. Но отношение по своей сути подразумевает действие. В этом смысле оно похоже на голод: если человек голоден, значит, при возможности поест, если не поел, значит, не был голоден. Так и хорошее отношение, при прочих равных оно выразится в том или ином действии: прощение, комплимент, одолжение, защита и т.д. Впрочем, это может быть бездействие, например сохранение тайны. Все это примеры услуги – *добровольное и осознанно направленное на социальную единицу действие (или бездействие), которое благотворно по намерению, но необязательно по факту*. Отсюда определение хорошего отношения – *готовность оказать услугу*.

Для автора социальный ресурс – это хорошее отношение, которое, в свою очередь, определяется как ГОУ. Источники последней – это, прежде всего, доверие и симпатия, а также чувства долга, вины и пр. Например, в случае симпатии (в смысле *нравления, liking*) ГОУ обусловлена стремлением приблизить или сохранить источник удовольствия. Подробнее связь ГОУ с ее источниками будет раскрыта далее на примере доверия.

Несмотря на то что большинство авторов видят в СК аналогию классическому капиталу, их определения СК описывают в первую очередь социальный ресурс в его основе, а измерение *процесса* (извлечение новой ценности или пользы по аналогии с самовозрастающей стоимостью) остается в тени или вовсе не упоминается. Отсюда двусмысленность в отношении того, что такое СК – причина или следствие, – с точки зрения аналогии классическому капиталу это скорее *процесс*, имеющий причину и следствие. Тем не менее автор находит этот подход к определению СК удобным и к тому же не желает затруднять сравнение своей концепции с уже известными, поэтому тоже дает определение социальному ресурсу, называя его СК.

Социальный капитал социальной единицы – это совокупная готовность других социальных единиц оказать ей услугу.

Компромиссное определение СК – *доверие, социальные сети, нормы (доброжелательности)* – имеет больше общего с авторским вариантом, чем может казаться. В обоих определениях доверие играет роль источника СК, но в авторском варианте – посредством ГОУ. Касаемо не упомянутых в определении социальных сетей и норм, они также принимают участие в формировании СК, будучи источниками доверия, симпатии и других источников ГОУ. Подробности ниже.

Как отмечено, автор считает носителем СК не общество, а конкретную СЕ. Иными словами, автор предлагает концептуализировать СК как личное благо, но это подразумевает концептуализацию как личного блага и его источников, включая основной – доверие. Без привязки к конкретной СЕ всех видов доверия, подразумевающих социальное взаимодействие (доверие к самому себе не является одним из них), нельзя формально защитить позицию того, что СК является личным благом.

Если допустить сосуществование двух конкурирующих парадигм в отношении СК, это не позволит дать ему полное и непротиворечивое определение. Отсутствие последнего делает невозможным эффективное измерение СК. Но если мы не можем что-либо изменить, мы не можем этим управлять. Так концепция СК лишается большей части прикладного потенциала. Автор желает сделать вклад в разрешение именно этой глобальной проблемы, а концептуализация доверия как личного блага, о чем идет речь в данной статье, – одна из подзадач.

Определение доверия. Доверие интуитивно, поэтому каждый автор видит в нем свои смысловые оттенки, что выливается в широкий спектр определений [Burt, 2005: 93; Lin, 2004: 47; Nahapiet, Ghoshal, 1998: 254; Möllering, 2001; Dimock, 2020: 160]. Сложности добавляет и то, что каждый контекст задает исследователям свои приоритеты и рамки, поэтому значительная часть определений просто неуместна в контексте СК. Штомпка не отделяет доверие от действия на его основе: «...доверие – это уверенность плюс основанные на ней действия, а не только сама уверенность» [2012: 82].

Мой взгляд ближе к определениям типа «...состояние благоприятного ожидания в отношении действий и намерений других людей» [Möllering, 2001: 404]. При этом важная особенность такого видения в том, что доверие противопоставляется опасению и подозрению. Отсюда формулировка: *Доверие – это степень уверенности, что объект доверия не станет источником вреда для доверяющего.*

Вредом в разных контекстах может быть что угодно – обман, разочарование или физический вред (неважно, умышленные или нет). Все зависит от ожиданий доверяющего в конкретном контексте. Кроме того, одному и тому же человеку можно доверять и не доверять в зависимости от социальной роли. Например, можно доверять как другу, но не доверять как профессионалу, и наоборот. Чем больше у СЕ ролей, которым мы доверяем, тем глобальнее доверие.

Роль доверия в контексте СК. Часто роль доверия в контексте СК описывают как фактор, благоприятствующий сотрудничеству [Coleman, 1988; Fukuyama, 1995]. Это видно, например, из определения СК Патнэма: «...особенности социальной организации, такие как сети, нормы и социальное доверие, которые облегчают координацию и сотрудничество для взаимной выгоды» [1995: 67].

Автор тоже считает доверие таким фактором, но видит его роль в контексте СК более узкой, чем принято считать. Логика следующая. Ключевым элементом социальной жизни является добровольный обмен: деньги на товар, товар на товар, знания на деньги, т.д. Если обобщить, речь идет о встречных услугах, которые могут выражаться в передаче денег или информации, в помощи и т.д. Необходимым условием этого обмена является уверенность сторон, что взамен они получают обещанное. Т.е. мало иметь фактическую возможность оказать услугу, нужно убедить другую сторону в том, что мы не обманем и не подведем. Иными словами, нужно доверие. Если есть доверие, будет готовность оказать услугу (ГОУ), точнее, корыстную услугу, что равно взаимовыгодному обмену.

В понимании автора доверять в контексте СК – значит быть готовым оказать корыстную услугу, хотя доверие само по себе (вне контекста СК) шире, потому что не обязательно подразумевает готовность к какому-либо действию. Услуги бывают и бескорыстными, но их автор рассматривает в связи с другими источниками ГОУ, прежде всего с симпатией, поэтому в данной работе этот вопрос не раскрывается.

Если СЕ обладает доверием в глазах окружающих, они будут охотнее искать взаимовыгодного сотрудничества с ней. Эта востребованность позволит СЕ устанавливать более выгодные для себя условия (напр., покупать дешевле, продавая дороже). Например, банк устанавливает разные процентные ставки для клиентов, потому что одним доверяет больше, чем другим. Чем выше кредитный рейтинг СЕ, тем выше желание банка заключить сделку, что отразится в более привлекательной ставке. Клиент банка извлекает пользу из доверия к себе, покупая дешевле. Другой пример: если коммерческая организация проверена временем, клиенты готовы платить большую цену за ее услуги или товары,

просто потому что молодые конкуренты вызывают меньше доверия. Организация извлекает пользу из доверия к себе, продавая дороже. Но нужно подчеркнуть: пользу из доверия можно извлекать не только в финансовой плоскости.

Источники доверия. Автор выделяет три типа источников доверия – свойства субъекта (кто доверяет), свойства объекта (кому доверяют) и свойства контекста. К свойствам объекта (объектным свойствам) относятся репутация, приятный внешний вид и т.п. К свойствам субъекта (субъектным свойствам) относятся врожденный уровень доверчивости, принципы, воспитание и т.д. К свойствам контекста относится, например, правопорядок в обществе. Очевидно, готовность субъекта, например, одолжить объекту машину (т.е. оказать ему услугу) зависит от всех трех типов свойств. Ниже автор предпринимает попытку по отдельности привязать их к конкретной СЕ, т.е. попытку концептуализации доверия как личного блага.

Личное доверие социальной единицы – это доверие к ней в силу ее объектных свойств. СЕ имеет объектные свойства только тогда, когда субъект доверия знает ее как уникальную СЕ, т.е. в сознании она выделяется из общих категорий, например, именем, внешностью, поведением: я имею личное доверие только в глазах тех, кому я знаком: кто имел со мной дело лично или хотя бы слышал обо мне, скажем, от друзей. Ниже приведен не исчерпывающий список объектных свойств, которые являются источниками личного доверия.

Информация о прошлых действиях объекта. Если о них мы узнаем от третьих лиц, обычно это называется репутацией, если мы ее черпаем из личного опыта, – историей взаимодействия. Например, испытательный срок на предприятии призван создать историю взаимодействия с объектом. *Рекомендация.* Устные и письменные рекомендации, поручительство, отзыв, рецензия, публикация в уважаемом издании и др. Особенно хорошим примером здесь служат дипломы и сертификаты, которые Бурдые относил к символическому капиталу, а автор относит посредством доверия (рекомендации) к СК (аргументация ниже). *Интересы (или мотивация) объекта.* Понимание того, что объекту выгодно или что он хочет, может стать основой доверия к нему (как и для опасения). Например, Штопка описал продавца подержанной машины, которому невыгодно раскрывать ее недостатки, что изначально снижает к нему доверие [2012: 170]. Мотивацию объекта можно не только понять, но и намеренно создать. Штопка назвал это «связыванием рук», примером чего могут служить аванс, гарантия на товар, возможность оставить отзыв и т.д.

Эти и другие свойства объекта доверия явно привязаны к конкретной СЕ, поэтому их уместность в парадигме личного блага не требует дополнительной аргументации.

Коллективное доверие. Контекстные свойства – наиболее разнородная и неоднозначная категория источников доверия. В нее можно включить такие факторы, как финансовый кризис в обществе, присутствие полицейского, возможность сбежать, дата 1 апреля и многое другое. Все эти факторы влияют на уровень доверия к СЕ, но совсем не очевидно, как их свести к одному знаменателю, и возможно ли это вообще. В статье описывается частичное, предварительное решение этой проблемы в виде введения вспомогательной концепции *коллектива*, которая станет общим знаменателем для значительной части свойств контекста. Речь идет о чисто рабочем понятии, поэтому его определение соответственно простое.

Коллектив – это произвольное объединение трех и более СЕ. Содержание понятия ближе всего к *популяции* Бурта [2005: 11], а также отчасти соответствует часто упоминаемой в литературе *структуре*, отчасти – не менее часто упоминаемой *социальной сети* (ее участку). Бурдые описывал *группу* [1986: 21], Коулман приводил примеры *сообщества* торговцев бриллиантами и *безопасного города* [1988]. Все эти концепции, объединяющие социальные единицы, используются в анализе авторов свободно, а их основа описывается с помощью терминов: общая задача, общее социальное положение, географическая близость, сила связей и т.д. Авторский коллектив вбирает в себя эти смысловые оттенки

и при этом подчеркивает конечность изучаемого объединения, т.е. наличие границы между его членами и посторонними, даже если на практике ее провести трудно.

В этом смысле коллективом можно назвать, например, обитателей полярной станции. В глазах своих членов и посторонних этот коллектив имеет разные свойства, которые либо прибавляют доверие его членам, либо отнимают его. Например, все понимают, что со станции нельзя внезапно сбежать, ее обитатели могут почти без опаски на время отдавать друг другу особенно ценные для себя вещи. При желании внутри этого коллектива можно выделить более мелкие – участники проекта, соседи по жилому отсеку и т.д.

Коллектив может быть длящимся (дни, годы) или ситуативным (несколько минут), запланированным или случайным, офлайн или онлайн. Например, коллеги в конкретной организации, жильцы дома, армейский взвод, студенческая группа, общество и др. Штомпка и Фукуяма говорили о разном уровне общественного доверия в разных странах, имея в виду общества.

Коллективное доверие социальной единицы можно определить как *доверие к ней в силу свойств коллектива, членом которого она воспринимается*. Важно, что речь идет не об объективных свойствах коллектива, а субъективных: как коллектив воспринимают его члены и внешние наблюдатели. Если сбежать со станции нельзя, но человек думает, что можно, то доверия к другим с его стороны не прибавится.

Вебер описывает ситуацию, когда пациент в начале приема сказал, что принадлежит местной баптистской церкви, чем озадачил врача. Позже коллеги ему объяснили, что пациент имел в виду лишь «не переживайте насчет оплаты» [1946: 304]. Очевидно, этот церковный приход обладал в глазах людей такими свойствами, что одна принадлежность к этому коллективу сигнализировала о надежности человека. Ниже приведу примеры свойств коллектива, которые могут быть источниками коллективного доверия.

– Условия входа. Если мы знаем, что в коллектив попадают строго определенные СЕ, это основание для тех или иных ожиданий, которые могут породить доверие. Например, Леденева описывает особенности процесса «подбора кадров» в российскую властную «Систему», который отсеивает слишком самостоятельных и независимых (в плане личности и ресурсов) [Ledeneva, 2013]. Такие люди менее предсказуемы, поэтому несут угрозу «Системе». Один из способов сделать новобранцев «безопаснее» – компромат (например, условием входа может быть совершение преступления).

– Барьеры на выход. В компромате не будет большого смысла, если после предательства люди могут легко выйти из коллектива, например улететь в другую страну. При наличии границ в том или ином виде члены коллектива будут пользоваться большим доверием. В частности, Бурт описывал замкнутость сети как способ повысить порядочность ее членов [2005].

– Доступность репутации. Высокие барьеры на выход не имеют смысла, если скрыться от наказания можно и внутри коллектива. Например, гастролирующие мошенники не боятся закрытых границ, просто потому что в каждом новом городе их репутация чиста. Если люди знают, что репутация распространяется в коллективе быстро и достоверно, они будут более склонны доверять его членам.

Это примеры из множества возможных, но если вернуться к компромиссному определению СК – *доверие, социальные сети, нормы*, – становятся видны точки соприкосновения с авторской концепцией. Многие свойства коллектива обусловлены структурой социальной сети, например, ее замкнутостью (барьеры на выход) и отсутствием изолированных кластеров (доступность репутации), а общие условия входа создают внутри коллектива повышающие предсказуемость нормы.

Роль институтов. Отдельного внимания заслуживают институты, которые в понимании многих являются не только источниками доверия, но и его объектами. Мёллеринг пишет, что «...институты не могут быть эффективной базой для доверия, если им самим не доверяют» [2006: 72–73]. Это часто называют верой в систему или системным доверием. Идею институтов в этом смысле можно встретить в *Левиафане* Гоббса, в работах

Фукуямы [1995], Патнэма [1995], Штомпки [2012] и многих других авторов. Но идея доверия абстрактной системе всегда вызывала сомнения – как можно доверять чему-то абстрактному? Автор находит идею доверия институту как объекту неубедительной, поэтому пытается концептуализировать роль института в создании доверия иначе.

В статье институт понимается как общественное установление или заведенный порядок, например институт брака. Очевидно, доверие не применимо к браку, мы можем говорить лишь о его пользе для общества, его эффективности и т.д. Но это уже не так очевидно в отношении других институтов, например президента (президентства). Дело в том, что по своей сути этот институт наделяет ролью одну конкретную СЕ, поэтому в глазах общественности он/она легко отождествляется с человеком. Строго же говоря, президент – общественное установление, в отношении которого можно говорить об эффективности, но не доверии. Доверять можно только СЕ, наделенной ролью президента.

По мнению автора, мы не доверяем институтам полиции, суда или образования, а субъективно оцениваем эффективность их работы в конкретном обществе (коллективе). Именно эта оценка становится основанием доверия его членам. В этом смысле институт и его воспринимаемую эффективность можно считать в контексте СК *свойством коллектива*.

Независимый суд – один из самых очевидных институтов. Если люди считают работу суда эффективной (беспристрастность, последовательность и т.д.), они будут больше доверять всем СЕ, находящимся под его юрисдикцией. Как и в случае с президентом, суд можно условно считать объектом доверия, если речь идет о конкретных суде или судьбе. Например, в одной и той же стране суд А всегда выносил последовательные решения, а суд Б противоречивые, поэтому первый заслужил доверие, а второй нет. Усредненный уровень доверия к отдельным судьям и судам в коллективе, вероятно, можно рассматривать как прокси к воспринимаемой эффективности суда как института.

Система обязательного страхования вкладов – тоже институт, который повышает доверие сразу ко всем банкам. Менее очевидным примером может служить проверка гостей мероприятия при входе на предмет оружия: если гость уверен, что этот институт работает эффективно, он будет склонен больше доверять сразу всем гостям мероприятия.

Подчеркну, что членами одного коллектива могут быть СЕ разного рода. Например, страну как коллектив составляют СЕ типа граждане, некоммерческие организации, ассоциации, образовательные учреждения, банки и т.д. Многие институты действуют избирательно, создавая ожидания в отношении конкретного типа СЕ.

Коллектив и СЕ. Важно подчеркнуть, что некоторые коллективы, которые по определению состоят из СЕ, могут одновременно быть и самостоятельными СЕ. Например, компания является как коллективом своих сотрудников, так и самостоятельной СЕ. Если известно, что в эту компанию берут только лучших из лучших, это повысит доверие ко всем ее работникам сразу в глазах как коллег, так и посторонних: все сотрудники обладают коллективным доверием в силу свойства их коллектива (строгий отбор). Но в глазах клиентов эта компания является еще и самостоятельной сущностью, которой можно доверять. Это личное доверие, которым обладает компания как социальная единица. Уровни доверия членам коллектива «Компания» и социальной единице «Компания» обычно связаны, но концептуально они независимы: некоторые бренды продолжают пользоваться доверием десятилетиями, несмотря на полную смену кадрового состава.

Показатели принадлежности. Принадлежность к коллективу не прибавит СЕ доверия, если никто об этой принадлежности не знает. Ее показателями могут быть униформа, манера говорить, определенные знания, физическое присутствие и др. При этом не все показатели однозначны. Например, физическое присутствие в благополучном районе прибавит человеку доверия в глазах таксиста, в неблагополучном – отнимет его [Gambetta, Namill, 2005]. Значение имеет еще и то, насколько легко в эти районы попасть случайному человеку. Если благополучный район огорожен, присутствие в нем прибавит человеку гораздо больше доверия.

Привязка к СЕ. Привязка коллективного доверия к конкретной СЕ довольно прямолинейна – через воспринимаемую принадлежность к коллективу. Если окружающие считают, что человек принадлежит к коллективу с повышающими доверие свойствами, они будут больше доверять этому человеку.

Базовое доверие. Базовое доверие социальной единицы – это доверие к ней в силу субъектных свойств доверяющего. Очевидно, все люди имеют разную склонность к доверию, что иногда называют доверчивостью. На это влияют природные задатки [Cawvey et al., 2018: 120], жизненный опыт, воспитание, стереотипы, настроение [Lahno, 2020: 155], гормоны вроде окситоцина [Clément, 2020], социально-демографические характеристики [Штомпка, 2012: 308] и многое другое. Значит, СЕ будет изначально иметь какой-то уровень доверия/опасения в глазах партнера по социальному взаимодействию, даже если они впервые встретились и ничего друг о друге не знают. Эта идея близка концепции социального доверия Усланера [2018: 7].

Хорошим примером источника базового доверия можно считать, пожалуй, детскую неопытность: дети склонны доверять *любым* СЕ больше, чем более опытные взрослые.

Привязка к СЕ. Связь базового доверия с конкретной СЕ не очевидна, ведь речь идет о склонности доверять *всем* СЕ, что напоминает общественное благо. Автор видит возможность разрешить эту проблему с помощью описанной концепции коллектива. Коллектив состоит из СЕ, каждая из которых имеет свою склонность к доверию, которую теоретически можно подсчитать и усреднить. Если мы это сделаем, то получим уровень базового доверия, которым владеет каждый член этого коллектива, включая интересующую нас СЕ.

Составные виды доверия. Категориальное доверие. В отличие от описанных выше чистых видов доверия категориальный вид основывается на двух типах свойств – субъектном и объектном. Здесь речь идет о стереотипах в отношении категорий СЕ. Например, считается, что политики более склонны к лицемерию и обману, чем люди в среднем. В этом случае имеет значение, во-первых, наличие этого стереотипа у того, кто доверяет (субъектное свойство), во-вторых, воспринимаемая принадлежность к категории политиков того, кому доверяют (объектное свойство). Категориальное доверие социальной единицы можно определить как доверие к ней в силу стереотипов в отношении категории, членом которой она воспринимается.

Стереотипы приобретаются как из обобщения личного опыта, так и из культурной среды. Важнейшей категорией являются «люди». Одно лишь осознание того, что мы имеем дело с человеком, много говорит о его возможном поведении: мы можем быть уверены, что он не прочтает наши мысли, не ударит нас с расстояния, не станет вдруг невидимым и т.д. Всё это ожидания, рождающие доверие ко всем людям сразу, т.е. категориальное доверие. Сюда же автор относит то, что часто называют позиционным доверием, – врачам, полицейским, священникам и т.д. Опыт взаимодействия с несколькими держателями этих позиций (личный или третьих лиц) служит основанием обобщения – доверие/недоверие всей категории. Другой пример – представители отдельных стран. Японские фирмы известны подходом к качеству, поэтому вся категория «японские фирмы» пользуется категориальным доверием. При этом Япония является еще и коллективом, свойства которого могут быть основаниями для более рационального коллективного доверия ко всем его членам. Вебер коснулся категориального доверия, когда вспоминал ответ одного американца, в котором тот выразил опасение в отношении всей категории неверующих:

«Сэр, как по мне, каждый может верить или не верить, как ему заблагорассудится, но если я увижу фермера или бизнесмена, не принадлежащего ни к какой церкви, я не доверю ему и пятидесяти центов. Зачем платить мне, если он ни во что не верит?» [1946: 303].

Привязка к СЕ. Как и в случае с коллективным доверием, привязка категориального вида к конкретной СЕ прямолинейна – через воспринимаемую принадлежность к категории.

Другие возможные составные виды доверия. Вполне возможно, что категориальное доверие – не единственный составной вид доверия. Например, сочетание отдельных *субъектных* и отдельных *контекстных* свойств могло бы стать основанием выделения нового составного вида доверия, хотя автору пока не удалось обнаружить какое-либо значимое сочетание. То же относится к комбинации свойств типа объектное-контекстное. Тем не менее эта недосказанность никак не отражается на достижении задачи статьи – привязка видов доверия к конкретной СЕ, – поскольку это достаточно сделать в отношении чистых видов доверия.

Общее доверие. Автор предлагает дополнительную концепцию – общее доверие. Это не отдельный вид доверия, а удобное обобщение базового доверия и коллективно-го, которые во многом похожи. Во-первых, оба описывают качество коллектива без привязки к конкретной СЕ. Например, в том или ином обществе можно определить среднюю склонность его членов к доверию (базовое доверие) и среднюю оценку свойств общества (как коллектива), влияющих на доверие его членам, включая эффективность институтов (коллективное доверие). Во-вторых, оба этих значения будут *общими* сразу для всех членов коллектива. В-третьих, базовое доверие и коллективное имеют только качественное измерение, поэтому оба значения можно определить по выборке. В этом они отличаются от личного и категориального видов доверия, в случае которых принципиально еще и количественное измерение (сколько людей доверяет в первом случае, а во втором – доля людей (процент от выборки), которые относят объект к той или иной категории).

Обобщенное доверие. В литературе часто упоминается, а в исследовательской практике часто используется понятие *обобщенное доверие* (generalized trust) [Fukuyama, 1995; Штомпка, 2012; Uslaner, 2018], которое тоже будет полезно соотнести с описанными выше видами доверия.

Начнем с того, что автор не встречал четкого определения обобщенного доверия ни в литературе о СК, ни в литературе о доверии. Легче всего передать его примерную суть через типичный вопрос для выяснения его уровня: *«Как вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?»* Автор предполагает, что усредненные ответы респондентов отражают одновременно уровни базового, коллективного и категориального доверия (последнее только в отношении категории «люди»), которые являются общими для каждого члена коллектива, определенного либо путем уточнения к вопросу вроде «...в нашей стране», «...в нашем городе», либо путем самостоятельной интерпретации респондента. Если конкретнее, ответ отражает, во-первых, склонность к доверию самого респондента (базовое доверие), во-вторых, его оценку коллектива на предмет свойств, располагающих к доверию его членам, в т.ч. эффективность институтов (полиции, судов, т.д.) и средние характеристики людей (благополучие, образованность, т.д.) (коллективное доверие), в-третьих, его стереотипы в отношении людей как категории, полученные либо из обобщения личного опыта, либо из культурной среды (категориальное доверие).

Цепи доверия. Личное, базовое, коллективное и категориальное виды доверия в своей основе остаются одним явлением – доверием, – поэтому одна форма легко и незаметно преобразуется в другую. Хорошим примером этого может служить диплом. По сути, он является рекомендацией от аккредитационного учреждения, имеющей силу только тогда, когда мы доверяем самому этому учреждению, например университету. Откуда берется это доверие? В глазах типичного работодателя иметь личное доверие могут лишь несколько университетов – один или два, где он учился, и несколько, о которых он слышал. О тысячах других он не знает ничего. Тем не менее он придаст вес их рекомендациям (дипломам), если верит в эффективность института образования, который контролирует все образовательные учреждения страны. В глазах этого работодателя даже незнакомый университет имеет коллективное доверие, которое преобразуется в личное доверие конкретного человека через выдачу диплома.

Аналогично доверие преобразуется в случае социального доказательства. Высокий рейтинг писателя, например, на платформе продажи книг является его личным доверием, истоки которого лежат в категориальном доверии, а именно в доверии людям как категории. Логику доверяющего писателю человека можно описать так: средний человек может отличить хорошую книгу от плохой (категориальное доверие), при этом много людей ставят книгам писателя высокие оценки, значит, ему можно доверять как профессионалу (личное доверие). Конечно, значение имеет и доверие самой платформе.

Личное доверие одного человека может перетекать в личное доверие другого через негласную рекомендацию – я доверяю своему начальнику, а он доверяет моей коллеге, значит, я могу доверять ей [Liden et al., 2014: 373]. Менее очевидно создание коллективного доверия на основе категориального: я верю в адекватность людей (категориальное доверие), большинство из них считают институт полиции эффективным, поэтому я считаю его эффективным (коллективное доверие). Это лишь несколько примеров.

Связь личного и обобщенного доверия. Замечено, что в обществах (коллективах) с низким уровнем обобщенного доверия особую важность имеет семья, которая часто является совокупностью связей с высоким личным доверием. Это замечал среди прочих Фукуяма [2001: 14]. Значит ли это, что дефицит обобщенного доверия восполняется личным? Или же обилие личного доверия препятствует образованию обобщенного? Скорее всего, отчасти справедливы оба предположения.

Доверие является условием сотрудничества, без которого нормальная жизнь невозможна. Если незнакомцам доверять нельзя (нет обобщенного доверия), приходится сотрудничать только со знакомыми. Семья – самый очевидный и доступный источник таких связей, поэтому в обществах с низким обобщенным доверием люди поддерживают большие семьи и больше ценят родственные связи. С другой стороны, известно такое явление, как аморальная семейственность. Так, например, характеризовали культуру центральной Италии в прошлом веке [Banfield, 1975]. Грубо говоря, чересчур сплоченные семьи живут обособленно и ставят свои интересы выше общих. Это препятствует развитию в обществе (в коллективе более высокого уровня) институтов, которые способствовали бы доверию людям за пределами семьи. Именно поэтому одно время крепкую семью считали препятствием экономическому росту [Fukuyama, 1995: 65–66].

Заключение. Задачей статьи была концептуализация доверия как личного блага в контексте социального капитала. Сначала автор определил социальный капитал социальной единицы как совокупную готовность других социальных единиц оказать ей услугу. Далее было сформулировано интуитивное и широкое определение доверия как степень уверенности в том, что объект доверия не станет источником вреда для доверяющего. Затем была описана взаимосвязь готовности оказать услугу и доверия: последнее является необходимым условием добровольного и взаимовыгодного обмена, который по своей сути равносителен взаимной корыстной услуге. Далее автор разделил источники доверия на три типа: свойства субъекта, свойства объекта и свойства контекста. На основе этой категоризации доверие к социальной единице было поделено на три чистых вида (базовое, личное, коллективное) и одно составное (категориальное). Все они были привязаны к конкретной социальной единице с помощью концепции коллектива, чем была продемонстрирована принципиальная возможность концептуализации доверия как личного блага.

При этом автор подчеркивает, что в контексте доверия как такового право на существование и использование имеют обе парадигмы – личного и общественного блага. Предпочтение первой парадигме предлагается отдавать лишь в контексте социального капитала, поскольку это позволяет дать ему внятное определение. Иными словами, это чисто теоретическая формальность, не имеющая практических следствий, ведь в обоих случаях все в конечном итоге сводится к доверию членов общества друг к другу. Также стоит отметить, что авторская категоризация доверия вполне может оказаться применимой и за пределами контекста социального капитала, поскольку хорошо встраивает в себя многие встречающиеся в литературе виды доверия.

Ряд важных вопросов требует дополнительного анализа и уточнений. Например, социальные роли: как учитывать при подсчете доверия тот факт, что одна и та же социальная единица может вызывать у нас доверие в одной роли и опасение в другой? На какой именно основе принимается решение об отнесении того или иного свойства контекста к свойствам коллектива? Как можно измерить доверие в глазах таких социальных единиц, как государство? Несмотря на наличие открытых вопросов, автор надеется, что его работа способна внести вклад в прояснение актуальных вопросов социального капитала и доверия как такового.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. [Sztompka P. (2012) *Doverie – osnova obshchestva*. Moscow: Logos. (In Russ.)]
- Banfield E.C., Banfield L.F. (1975) *The moral basis of a backward society*. New York: Free Press etc.
- Bourdieu P. (1986) The forms of capital. In: Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York, Greenwood Press: 241–258.
- Burt R.S. (2005) *Brokerage and closure: an introduction to social capital*. Oxford, Oxford University Press.
- Cawvey M., Hayes M., Canache D., Mondak J.J. (2018) Biological and Psychological Influences on Interpersonal and Political Trust. In: Uslaner E.M. (ed.) *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York, N.Y.: Oxford University Press: 119–147.
- Clément F. (2020) Trust: Perspectives in Psychology. In: Simon J. (ed.) *The Routledge Handbook of Trust and Philosophy*. New York, N.Y.: Routledge, Taylor & Francis Group: 205–213.
- Coleman S.J. (1988) Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*. Vol. 94. Suppl.: 95–120.
- Dimock S. (2020) Trust and Cooperation. In: Simon J. (ed.) *The Routledge Handbook of Trust and Philosophy*. New York, N.Y.: Routledge, Taylor & Francis Group: 160–174.
- Fukuyama F. (1995) *Trust: Social virtues and the creation of prosperity*. New York: Free Press.
- Fukuyama F. (2001) Social capital, civil society and development. *Third World Quarterly*. No. 22(1): 7–20. DOI: 10.1080/01436590020022547.
- Gambetta D., Hamill H. (2005) *Streetwise: How taxi drivers establish their customers' trustworthiness*. New York: Russell Sage.
- Granovetter M. (1992) Problems of explanation in economic sociology. In: *Networks and organizations: Structure, form, and action*. Ed. by N. Nohria, R.G. Eccles. Boston, Harvard Business School Press: 25–56.
- Lahno B. (2020) Trust and Emotion. In: Simon J. (ed.) *The Routledge Handbook of Trust and Philosophy*. Taylor & Francis: 147–159.
- Ledeneva A.V. (2013) *Can Russia modernise? Sistema, Power Networks and informal governance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Liden R.C. et al. (2014) Servant Leadership: Antecedents, Processes, and Outcomes. In: Day D.V. (ed.) *The Oxford Handbook of Leadership and Organizations*. New York: Oxford Univ. Press: 357–379.
- Lin N. (2004) *Social capital: A theory of social structure and action*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Möllering G. (2001) The nature of trust: From Georg Simmel to a theory of expectation, interpretation and suspension. *Sociology*. Vol. 35(2): 403–420.
- Möllering G. (2006) *Trust: Reason, routine, reflexivity*. Elsevier.
- Nahapiet J., Ghoshal S. (1998) Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage. *Academy of Management Review*. No. 23 (2): 242–266. DOI: 10.2307/259373.
- Putnam R. (1995) Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*. No. 6(1): 65–78. DOI: 10.1353/jod.1995.0002.
- Schmid A.A. (2002) Using motive to distinguish social capital from its outputs. *Journal of Economic Issues*. No. 36 (3): 747–768. DOI: 10.1080/00213624.2002.11506511; EDN EHEAJX.
- Uslaner E.M. (2018) The Study of Trust. In: Uslaner E.M. (ed.) *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York, N.Y.: Oxford University Press: 3–14.
- Weber M. (1946) *From Max Weber: Essays in Sociology*. Transl., ed. and an introd. by H.H. Gerth, C.W. Mills. New York: Oxford University Press.

Статья поступила: 18.05.23. Финальная версия: 29.06.23. Принята к публикации: 30.06.23.

TRUST AS A PRIVATE GOOD IN THE CONTEXT OF SOCIAL CAPITAL**MOND D.L.***Russia*

Denis L. MOND, Independent Researcher, Moscow, Russia (socapital.mond@yandex.ru).

Abstract. The purpose of the article is to conceptualize trust as a private good. This purpose is relevant because today social capital is simultaneously studied in fundamentally different paradigms – as private and as public good. As a result, we cannot get a clear definition of social capital. One of the reasons for this duality is that the key element of social capital, i.e. trust, is studied in different paradigms. The rule of law and personal reputation create trust in a person, but the former is usually considered the property of society, and the latter is usually considered the property of a particular individual. In this light, the question of the possibility to conceptualize trust exclusively in one of the paradigms becomes relevant. First, the author describes his concept of social capital, defines trust and describes its role in the context of social capital. Trust sources are then divided into three types: subject properties, object properties, and context properties. On this basis, three pure types of trust are distinguished (baseline, personal, collective) and a composite one (categorical). Further, they are tied to a specific social unit with the help of an auxiliary concept of the collective, thus demonstrating fundamental possibility of conceptualizing trust as a private good. Special attention is paid to the role of institutions in creating trust, which the author deems to consider as properties of a collective. In conclusion, the logic of converting types of trust into each other is described.

Keywords: trust, types, personal, general, baseline, collective, categorical, social resource, social capital, favor willingness.

Received: 18.05.23. Final version: 29.06.23. Accepted: 30.06.23.

© 2023 г.

ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУРСА

В Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королёва (Самарский ун-т) 26–28 апреля 2023 г. состоялась Вторая международная научно-практическая конференция «Человек в информационном обществе», посвященная десятилетию науки и технологий в Российской Федерации, организованная Социально-гуманитарным институтом (СГИ) университета.

С приветственными словами выступили: ректор Самарского ун-та **В.Д. Богатырёв**; директор СГИ Самарского ун-та проф. **А.Ю. Нестеров**. На пленарном заседании выступили ведущие научные сотрудники и руководители институтов РАН, профессора ведущих российских и зарубежных вузов. Своим видением проникновения в жизнь людей искусственного интеллекта, нейросетей, в том числе ChatGPT, поделились доктора технических и физико-математических наук директор Центра коммерческого космоса Самарского ун-та **А.В. Дорошин**, директор Института информатики и кибернетики Самарского ун-та **А.В. Куприянов**, директор Института искусственного интеллекта Самарского ун-та **А.В. Никоноров**.

А.И. Мантарова (ИИОЗ Болгарской АН, София) обратилась к анализу стратегий предотвращения и реагирования на социальные риски в современных условиях, указав на слабые стороны социальной политики, которые препятствуют снижению уровня этих рисков. Опираясь на данные масштабного социологического исследования, проведенного Институтом исследования обществ и знания Болгарской АН, докладчик подробно проанализировала социальные риски, с которыми сталкивается болгарское общество: риски, связанные с личной безопасностью и сохранностью имущества (риски преступного посягательства); состояние здоровья населения; экономические риски (обнищание, бедность и потеря работы). Было отмечено, что повседневное поведение людей меняется под влиянием рисков, поэтому сегодня важно на общесоциальном и групповом уровнях идентифицировать возникающие риски и разрабатывать государственные стратегии по их предотвращению. На это рассчитывают и сами граждане, т.к., по мнению большинства респондентов, именно государство должно заботиться об их защите от самого широкого спектра рисков.

В следующие за пленарным два дня конференции в смешанном формате проходили заседания десяти научных секций, в работе которых приняли участие более 250 историков, педагогов, социологов, социальных работников, психологов, филологов, философов и юристов Самарского университета и исследователей, представляющих научные школы 25 городов России, а также Беларуси, Болгарии, Германии, Индии, Китая, США.

В работе секции «Меняющееся общество в оптике социологии» (рук.: В.Ю. Бочаров, Ю.В. Васькина) приняли активное участие члены ИК «Социология труда» РОС и сотрудники Центра исследований социально-трудовой сферы им. Б.Г. Тукумцева (СИ РАН – ф-л ФНИСЦ РАН). Открыла работу секции **Н.В. Авдошина**, представив подготовленный совместно с **В.Ю. Бочаровым**, **Ю.В. Васькиной** (все – Самарский ун-т) и **С.Г. Климовой** (ИС ФНИСЦ РАН) сборник избранных статей Б.Г. Тукумцева. К началу заседания секции поступили многочисленные отклики от ведущих российских социологов, приветствовавших выход этой книги. Так, **Ж.Т. Тощенко** (РГГУ, ИС ФНИСЦ РАН) и **А.Л. Темницкий**

(ИС ФНИСЦ РАН, МГИМО) поздравили составителей с успешным завершением большой работы в память о коллеге. Они отметили, что уникальный опыт Б.Г. Тукумцева станет ориентиром для занимающихся проблемами социологии труда. Сборник существенно облегчил возможности поиска и обращения к трудам ученого.

Доклад **С.Г. Климовой** (ИС ФНИСЦ РАН) «Социолог в межпрофессиональной коммуникации: предшествующий опыт в контексте новых вызовов» был посвящен методологической рефлексии опыта работы над проектом: «Методология и методы ситуационного анализа на предприятии», осуществленного в 2010–2011 гг. под научным руководством Б.Г. Тукумцева. Акцентированы необходимость пересмотра практик трудовых отношений, основанных на принципах неофордизма, и целесообразность восстановления производственной социологии как институционализированной службы предприятий. Ведь именно сегодня актуальная ситуация формирует запрос на активную роль социолога: нужно быть включенным в практическое решение проблем трудовых отношений и трудового поведения, ориентируясь не столько на заимствованные социальные технологии, сколько на понимание производственной ситуации в многообразии интенций разных акторов. В связи с этим опыт практической работы социологов на предприятиях вновь будет востребован. Об этом, в частности, говорит растущий интерес к проблематике социологии труда и востребованность работы социологов на производстве, в этом полезен опыт проекта, который возглавлял Б.Г. Тукумцев.

Доклад **И.Л. Сизовой** (СПбГУ) «Компетентность современных работников в условиях социально-экономической неопределенности» был обращен к теоретическому анализу влияния современной ситуации неопределенности на труд и занятость. В частности, подчеркивалось, что в отличие от предыдущего времени неопределенность характеризуется как следствие недостаточной рациональности и кризиса доверия к либеральному нарративу прогресса. Непредсказуемое развитие заставляет наемных работников отвлекать силы на овладение искусством социального выживания. При этом внутри мира труда усиливается неравенство между трудящимися, а ослабление национальных систем профессиональной подготовки осложняет рекрутмент. В крайне непредсказуемые рынки труда особенно включены молодые работники и высококвалифицированные кадры, но современная ситуация неопределенности негативно воздействует на труд в целом.

Выступление **Г.В. Еремичевой** (СИ РАН – ф-л ФНИСЦ РАН) было посвящено анализу современной ситуации на отечественном рынке труда и попыткам государственных структур усилить свое влияние в сфере труда и занятости. При этом подчеркивалась обострившаяся в последние годы проблема роста кадрового дефицита, подтверждающаяся материалами официальных документов, аналитики и статистики рекрутинговых агентств. Также современным тенденциям, наблюдаемым в социально-трудовой сфере, были посвящены доклады **Р.И. Анисимова** (РГГУ) «Динамика трудовых отношений в России (2014–2022 гг.)» и **Г.Р. Баймурзиной** (ИС ФНИСЦ РАН) «Качество занятости в малых городах Республики Башкортостан». Следует отметить, что тематика секции, несмотря на заметный акцент на социально-трудовой сфере, не исчерпывалась только рассмотрением вопросов трудовых отношений и занятости. Ряд докладов был посвящен проблемам цифровизации различных сфер окружающей жизни. Так, в докладе **Н.В. Колесник** (СИ РАН – ф-л ФНИСЦ РАН) рассматривались проблемы цифровизации труда школьных учителей, проявившиеся в последние годы, а **М.И. Равчик** (СИ РАН – ф-л ФНИСЦ РАН) отметил основные направления развития цифровой медицины, ее методов и преимуществ для пожилых людей. Большой интерес вызвало выступление **В.В. Зырянова** (МГУ им. М.В. Ломоносова), в котором анализировались позитивные и негативные стороны использования цифровых платформ и виртуальной среды для совершения покупок, а также были представлены черты современных потребителей и их стратегии поведения, серьезно трансформировавшиеся в период пандемии COVID-19. При этом отмечалось, что в настоящее время цифровые платформы являются центральным механизмом, вокруг которого строятся все процессы во всех отраслях и сферах нашей жизни. Они во многом облегчают нашу жизнь, но для

социально ответственной деятельности требуются разработка и внедрение новых технологий сохранения конфиденциальности покупателей в виртуальной среде. Кроме того, цифровые платформы кардинально меняют отношения между участниками взаимодействия, что требует изучения всех цепочек социально-экономических последствий и результатов, достающихся как отдельному потребителю, так и обществу в целом.

Доклад **М.Н. Мухановой** (ИС ФНИСЦ РАН) был посвящен анализу состояния и уровня компьютеризации, а также использования информационных технологий, их влияния на социокультурные процессы современного российского села. В частности подчеркивалось, что современные информационные технологии изменяют формы социальных взаимодействий и отношений, модели трудового поведения селян, их социальные связи.

Е.Н. Рассолова (СИ РАН – ф-л ФНИСЦ РАН) обратилась к проблеме необходимости научной кооперации ученых-профессионалов и научных волонтеров. Именно такой союз, по мнению докладчика, открывает возможности для инноваций и развития городов.

Также социологи принимали участие в работе секций: «Трансформации агентности: практики, акторы, эмоциональные режимы» (рук.: **А.С. Готлиб, С.В. Егорова**) и «Молодежная политика и управление активностью молодежи в информационном обществе» (рук.: **Л.В. Вандышева**).

В целом следует отметить высокий уровень интереса участников конференции к заявленным темам, которые вызвали активные дискуссии и плодотворное обсуждение. Очевидно, что регулярная (проводится 1 раз в 2 года) международная научно-практическая конференция «Человек в информационном обществе» зарекомендовала себя как новая авторитетная площадка для обсуждения актуальнейших проблем современного общества и выработки научных подходов для их анализа.

Н.В. АВДОШИНА, В.Ю. БОЧАРОВ

АВДОШИНА Наталья Владимировна, к. социол. н., доц., дир. НИИ социальных технологий; ассоц. науч. сотр. (natalsun@yandex.ru); БОЧАРОВ Владислав Юрьевич, к. социол. н., доц.; ассоц. науч. сотр. (vlad.bocharov@gmail.com). Оба – Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Самара, Россия.

HUMANS IN THE INFORMATION SOCIETY: CONTINUATION OF THE DISCOURSE

DOI: 10.31857/S013216250027378-8

Natalya V. AVDOSHINA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Director of Institute of Social Techniques; Associate Researcher (natalsun@yandex.ru); Vladislav Yu. BOCHAROV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof.; Associate Researcher (vlad.bocharov@gmail.com). Both – Samara National Research University; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Samara, Russia.

© 2023 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Кафедра социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета (ИГУ) 21–22 апреля 2023 г. провела VII Всероссийскую научную конференцию с международным участием «Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы». Тематика конференции не теряет актуальности, её значимость, напротив, возрастает в связи с текущими изменениями социально-политического диалога, дискурса социокультурного пространства в России и мире. В работе конференции приняли участие преподаватели и исследователи НИИ и вузов центральной части России, Чечни, Дагестана, Бурятии, Якутии, а также Беларуси.

На торжественном открытии с приветственными словами к участникам конференции обратились: зам. председателя Законодательного Собрания Иркутской области **Л.И. Егорова**; зам. министра образования Иркутской области **Е.В. Апанович**; проректор по научной работе и международной деятельности ИГУ **К.В. Григоричев**; директор Педагогического института ИГУ, проф. **А.В. Семиров**; проф. **Н.Г. Багдасарьян** (МГТУ им. Н.Э. Баумана, МГУ им. М.В. Ломоносова, Международный университет «Дубна»). В приветствиях отмечена высокая ценность научного дискурса в обсуждении проблем новой социальной реальности и ее вызовов.

Открыл пленарное заседание чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РГГУ, ИС ФНИСЦ РАН) с докладом «Кто определяет лицо современного российского общества?», в котором были даны характеристики социальных групп, определяющих изменения в обществе. Обозначена проблема доминирования прекарной занятости населения, при которой от 18 до 30% работают без трудового договора. Новые импульсы и ресурсы в преломлении потерь лидерства во многих сферах докладчик связывает с различными вариантами политических стратегий, например, делиберализацией, национализацией ведущих отраслей, реиндустриализацией, возвратом к социалистическим идеалам. В системе упорядочения социально-трудовых отношений называются такие механизмы регуляции, как научная организация труда, четкость определения ответственности, участие работников в управлении и др.

Проф. **И.И. Осинский** (БГУ) представил доклад «Социальное самочувствие интеллигенции как ощущение своего прошлого и настоящего». Обращение к исследованию темы социального самочувствия обусловлено актуализацией роли интеллигенции как актора, определяющего характер социальных отношений и являющегося камертоном социального времени.

Проф. **М.Л. Галас** (Финуниверситет) представила результаты исследований на тему «Миграция в современных геополитических условиях: вызовы и формы регулирования». Докладчик отмечает изменения в характере миграции и социального облика современных мигрантов в России. Особые угрозы видятся в неконтролируемом уровне миграции, сохранении отрицательного сальдо, значительно меняющем этнонациональную структуру в большей части российских регионов.

В особую группу выделены доклады, посвященные вопросам развития активного долголетия и поздней зрелости. Программы исследования механизмов мониторинга социального положения старшего поколения и формирования продуктивных ресурсов культуры отложенного старения представлены в докладах **О.А. Парфеновой** и **И.С. Петуховой** (обе – СИ РАН – ф-л ФНИСЦ РАН). В рамках данной проблематики **Е.А. Аникина** и **Л.И. Иванкина** (ТПУ) представили авторскую модель мониторинга оценки благополучия людей пожилого возраста, направленную на обеспечение позитивной реконструкции экспертных представлений об активности пожилых. Мониторинг предназначен для оперативного сбора и анализа данных о текущем состоянии основных аспектов благополучия людей пожилого возраста. Ресурсы мониторинга, по мнению докладчиков, наиболее

результативны в создании базы данных для последующего анализа динамики процессов в этой сфере. В продолжение темы социально-экономического благополучия населения России и ее регионов выступили **А.В. Вахрушев** (СФУ им. М.В. Ломоносова), **Е.Ю. Костина** (ДВФУ), **Т.Н. Лохтина** (ИГУ).

Значительный интерес вызвал доклад **С.Г. Дорониной** (ИФ НАН РБ, Минск), в котором были озвучены размышления о когнитивных и психологических аспектах развития молодежи в контексте философского осмысления. Актуализация поиска конструктивных и эффективных механизмов регулирования поведения и социальных взаимоотношений в молодежной среде объясняется распространением «автоматического мышления», аффективно окрашенного фоновым характером переживаний, зависящих от различных факторов. Информационный террор современности трансформирует психофизиологию восприятия и способов мышления человека и в особенности молодежи.

Аналізу социокультурных и социально-психологических реакций на позиции вызовов конструируемой социальной реальности посвящено выступление **О.Б. Истоминой** (ИГУ). Автор выделяет такие распространенные социальные ответы на информационный террор, как думскроллинг, манифестация неврозов, хаотичное напряжение, гиперфиксация на тревожных и травмирующих событиях. Терапевтический эффект коррегирования хаотичного напряжения в информационном пространстве автор видит в актуализации реальных социальных контактов и трансляции через активные для индивида социальные институты.

Доклад проф. **С.И. Черных** (НГАУ) солидарен с выводами О.Б. Истоминой о необходимости фильтрации образовательного контента, в котором дипфейки и фейки составляют немалую часть. По мнению автора, «официальная сеть» фильтрации является не вполне эффективной именно в отношении образовательного контента. Необходимо сочетание фильтрационных технологий с формированием критического мышления и даже критического игнорирования в условиях избыточной информации с самых первых практик обучения.

Проблемы формирования нового образовательного поколения обсуждались и в докладе **Г.И. Зимирева** (ИРО Забайкальского края). Автором предложен подход к оценке потребности в педагогических кадрах, основанный на статистических данных органов образования и расчете «латентных» и потенциальных показателей потребности в учителях общеобразовательной школы.

Проблемы, анализируемые участниками конференции, являются дискуссионными, что определило разнообразие подходов и точек зрения в их решении. Социальные процессы характеризуются сложностью и неоднозначностью оценок. Нарастающая неустойчивость экономических и политических отношений определяет деструктивный характер социальных связей, влияет на типы межличностных и межкультурных взаимодействий и качество жизни населения регионов и государства в целом.

О.Б. ИСТОМИНА

ИСТОМИНА Ольга Борисовна, д. филос. н., доц., зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия (olgaistomina@mail.ru).

SOCIAL PROCESSES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

DOI: 10.31857/S013216250027379-9

Olga B. ISTOMINA, Dr. Sci. (Philos.), Head of the Department of Socio-Economic Disciplines, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia (olgaistomina@mail.ru).

© 2023 г.

О XIV УРАЛЬСКОМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ФОРУМЕ¹

31 мая 2023 г. на площадке Института экономики УрО РАН состоялся очередной Уральский демографический форум «Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам». В его работе приняли участие более 200 человек из 47 регионов России, а также семи стран ближнего и дальнего зарубежья.

С приветственными словами выступили: **О.А. Козлова** (ИЭ УрО РАН), директор ИЭ УрО РАН **Ю.Г. Лаврикова**, министр образования и молодежной политики Свердловской области **Ю.И. Биктуганов**, директор департамента по труду и занятости населения Свердловской области **Д.А. Антонов**.

В ходе пленарного заседания **В.Н. Архангельский** (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИДИ ФНИСЦ РАН) рассказал об особенностях демографического развития Екатеринбурга, которому в 2023 г. исполняется 300 лет. Отмечено, что по сравнению с другими крупнейшими городами России, а также городами Свердловской области Екатеринбург более благоприятный с точки зрения демографической динамики, возрастного состава населения и продолжительности жизни.

Доклад **Г.Е. Корнилова** (ИИА УрО РАН) был посвящен оценке и анализу влияния процесса урбанизации на воспроизводство населения, миграционные процессы, а также на формирование городского населения Урала в XX в. Отмечены региональные особенности в соотношении фаз урбанистического перехода с демографическим, миграционным и эпидемиологическим переходами, определены их взаимовлияние и взаимозависимость.

Е.Ю. Садовская (Казахстан) посвятила свой доклад факторам и последствиям российской иммиграции в Казахстан в 2022 г., а также основным экономическим последствиям для принимающей территории. **В.А. Ионцев** (МГУ) призвал к переходу страны на Евразийский путь демографического развития, это безальтернативный вариант будущего развития. Чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцев** (ИДИ ФНИСЦ РАН) рассказал о лучших практиках интеграции мигрантов в принимающем сообществе на примере крупнейших городов Бразилии.

Пленарное заседание завершилось презентацией сборника научных трудов «Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам», изданного Институтом экономики РАН.

Во второй день работы Форума состоялось заседание Научного совета ООН РАН «Демографические и миграционные проблемы России».

Состоялось торжественное открытие Уральского межрегионального центра развития кадрового потенциала в области демографии (г. Екатеринбург). Также были подведены итоги всероссийского конкурса «Демография родного региона», целью которого является выявление нетривиальных идей молодых ученых, направленных на улучшение демографической ситуации в области повышения рождаемости и продолжительности жизни, регулирования миграции.

Параллельно работа Форума велась на дискуссионных площадках: 1) демографические вызовы в исторической ретроспективе России (XIX – начало XXI в.); 2) роль гражданского общества в формировании и реализации российской демографической политики в контексте глобальных перемен; 3) рождаемость и родительский труд; 4) социально-психологическая адаптация различных групп населения к происходящим изменениям: социологический и психологический аспекты; 5) демографические процессы и социально-экономическое развитие: вопросы взаимосвязи; 6) современные проблемы трудовой миграции в принимающем сообществе; 7) развитие системы здравоохранения в условиях современных демографических вызовов.

Н.П. НЕКЛЮДОВА, О.А. ПЫШМИНЦЕВА

¹ Подготовлено в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг. № 0327-2021-0011.

НЕКЛЮДОВА Наталья Павловна, к. экон. н., ст. науч. сотр. (neklyudova.np@uiec.ru);
ПЫШМИНЦЕВА Ольга Александровна, мл. науч. сотр. (pyshmintseva.oa@uiec.ru). Обе – Институт
экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

ABOUT THE XIV URAL DEMOGRAPHIC FORUM

DOI: 10.31857/S013216250027380-1

Natalia P. NEKLYUDOVA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher (neklyudova.np@uiec.ru); Olga A. PYSHMINTSEVA, Junior Researcher (pyshmintseva.oa@uiec.ru). Both – the Institute of Economics of UB RAS, Ekaterinburg, Russia.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЕРУ ВЛАДИМИРОВНУ ГАВРИЛЮК

28 августа отмечает юбилей Гаврилюк Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской академии социальных наук.

Вера Владимировна родилась в рабочей семье в г. Заводоуковске Тюменской обл. Окончила Тюменский государственный институт (университет) в 1974 г. В ее трудовой книжке всего две записи: Тюменский государственный университет и Тюменский нефтегазовый институт (сейчас – индустриальный университет).

Окончив физмат, она начала свой научно-преподавательский путь как лаборант на кафедре педагогики, а затем ассистентом на кафедре философии. В аспирантуру ее пригласил проф. В.И. Загвязинский, зав. кафедрой педагогики ТюмГИ. В это время вместе с известным философом В.И. Бакштановским они подготовили несколько учебных пособий по этике, что и определило ее первый шаг в науке, – на этом поприще она стала кандидатом педагогических наук, ее диссертация была посвящена исследованию роли задач в формировании субъекта обучения, что в дальнейшем проявилось в ее научных интересах при исследовании проблем образования.

Неравнодушная и переживающая за все происходящее вокруг, она не могла пройти мимо разворачивающегося освоения Тюменского Севера. Сюда приезжали десятки и сотни тысяч молодых людей из разных регионов СССР. Помочь управленческим органам в этом процессе взялись сотрудники университета. И Вера Владимировна включилась в исследования социальных проблем освоения Севера. Свой первый опыт как социолог она получила в коллективе, который сложился в конце 1970-х гг., под руководством К.Г. Барбаковой. Так как регион нового промышленного освоения бурно развивался, был конгломератом культур и непростых социальных процессов, требовалось ответить на непростые вопросы: как организовать работу, научить и освоить новые профессии, построить (создать) семью, устроить быт, удовлетворить запросы в культуре и спорте. Все это заботило региональные власти и руководство нефтегазовым комплексом. Именно поэтому социологические исследования были востребованы.

Этот опыт оказал решающее влияние на область ее научных интересов: исследование социальной структуры, молодежи, образования. Консультантом ее докторской диссертации «Становление и функционирование института образования: региональные аспекты» был В.Т. Лисовский. Она изучала оригинальные и особенные темы (поддержанные грантами РФФИ и РГНФ), которые стали ее личным вкладом в социологию: функциональная неграмотность, гоппники, межпоколенное взаимодействие, молодые преподаватели региональных вузов. В последние годы предметом исследований стала рабочая молодежь, ее представления о будущем, каналы и динамика ее социальной мобильности. Подготовлены коллективные монографии: «Молодежь нового рабочего класса современной России» (М.: ФЛИНТА, 2019) и «Жизненные стратегии молодёжи нового рабочего класса» (М.: ФЛИНТА, 2020), выполненные совместно с дочерью Т.В. Гаврилюк и с участием группы молодых исследователей. За время своей научной деятельности В.В. Гаврилюк опубликовала более 350 работ.

Примечательна ее профессиональная преподавательская деятельность. С 1987 по 2005 г. она работала на первой в Тюмени социологической кафедре, пройдя путь от доцента до профессора, заведующего кафедрой и заместителя председателя диссертационного совета. В это время впервые в ТюмГУ была открыта подготовка специалистов-социологов, аспирантура и докторантура по социологическим специальностям. С 2005 г. Вера Владимировна работала в Тюменском индустриальном университете директором Гуманитарного института и зав. кафедрой социологии, одновременно возглавляя Центр изучения общественного мнения этого университета. В это время на кафедре осуществлялась подготовка социологов-бакалавров и магистров, а также специалистов по работе с молодежью. Все, кто учился у нее, признают ее педагогический талант. Она во многом опекала и молодых исследователей – под ее руководством более 20 аспирантов и соискателей успешно защитили кандидатские диссертации.

Общественная деятельность В.В. Гаврилюк не менее значительна. Более 10 лет возглавляла региональное отделение РОС. Участвовала в организации и проведении социологических конференций – от региональных до международных, была в числе организаторов Тюменского социологического форума, членом УМО Минобрнауки РФ по социологии и работе с молодежью. С 2005 по 2013 г. – член Экспертного совета ВАК по социологии, философии, культурологии, более 15 лет была экспертом РФФИ. В настоящее время является экспертом РНФ. Награждена знаком Министерства образования и науки РФ «Почетный работник высшего профессионального образования», удостоена звания лауреата премии им. И.Г. Петровского за вклад в развитие социологического образования в России.

Отметим и высокие личные качества: профессионализм, острый ум, требовательность в сочетании с доброжелательностью, радушием, уважением к коллегам и студентам и также такое качество, как женское обаяние. Сердечно поздравляем Веру Владимировну с юбилеем, желаем дальнейшей плодотворной профессиональной деятельности и творческих успехов!

Коллеги, друзья, ученики

ПОЗДРАВЛЯЕМ ИРИНУ ВЛАДИМИРОВНУ ЖУРАВЛЕВУ!

Ирина Владимировна Журавлева – советский / российский социолог, специалист в области социологии здоровья и здравоохранения, социальной политики в сфере здоровья. Один из разработчиков концепции самосохранительного поведения (ССП), признанной научным сообществом в качестве ведущего теоретического подхода к изучению проблем здоровья, позволяющего выявить ключевые социальные факторы формирования здоровья и предложить основные механизмы воздействия на поведение людей в данной сфере.

Ирина Владимировна родилась 1 августа в Таганроге. Окончила факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в 1968 г. и поступила в очную аспирантуру Института социологии РАН. Всю свою жизнь она связала с Институтом социологии РАН. После окончания аспирантуры с 1972 г. по настоящее время она работает в нем. В 1975 г. защитила кандидатскую диссертацию «Интервью: современная практика и пути совершенствования», в 1976 г. ей присуждена степень кандидата философских наук. С 1983 г. занимается изучением социальных проблем здоровья, с 1992 по 2002 г. – ученый секретарь Института социологии РАН, с 2002 г. – заведующая сектором социальных проблем здоровья. Является также профессором кафедры социологии медицины и экономики здравоохранения факультета управления и экономики здравоохранения Первого МГМУ им. И.М. Сеченова (с 2006 г.).

Научный интерес к социальным проблемам здоровья обусловил проведение в 1987–1989 гг. под руководством И.В. Журавлевой серии социологических исследований по единой методике в девяти городах СССР. На основе полученных результатов коллективом авторов была разработана концепция СПП. В 1985–1990 гг. И.В. Журавлева участвовала в международном проекте «МОНИКА» (ВОЗ), с 1989 по 2000 г. возглавляла с российской стороны международные исследовательские проекты «Социокультурные различия в отношении к здоровью русских и финнов» и русско-финско-эстонский проект «Здоровье подростков и окружающая среда».

Полученные результаты способствовали защите в 2005 г. докторской диссертации «Отношение к здоровью как социокультурный феномен». В ней осуществлен теоретико-методологический анализ отношения к здоровью на уровне индивидуального и общественного сознания, исследованы социокультурные различия в СПП различных социально-демографических групп населения и особенности социальной политики в сфере общественного здоровья.

В сфере научных интересов И.В. Журавлевой различные аспекты социологии здоровья и здравоохранения, социологии подростков и молодежи, представленные в последние годы проектами: «Репродуктивное поведение подростков и здоровье» (2003 г., Тверь, Москва), «Самосохранительное поведение студентов» (2000–2008 гг., Москва), «Поддержка развития первичной медицинской помощи на федеральном и муниципальном уровне» (Европе AID/12/293/SV/RU) (2006–2007 гг., Липецк, Тюмень), ЮНЭЙДС «Расширение участия молодежи в профилактике ВИЧ-инфекции в Российской Федерации» (ЮНЭЙДС, 2008–2009 гг.), «Здоровье студентов» (2009–2010). Постоянный мониторинг тенденций СПП различных социально-демографических групп населения позволил выявить новые тенденции, связанные с изменением отношения к своему здоровью, свидетельствующие о перестройке системы ценностей в отношении здоровья.

Основные результаты исследований И.В. Журавлевой изложены в шести авторских и 22 коллективных монографиях на русском и английском языках, в ряде статей в международных и отечественных журналах. Всего свыше 200 научных работ.

Член Европейской социологической ассоциации (ESA), председатель Исследовательского комитета «Социология здоровья и здравоохранения» Российского общества социологов, член редакционной коллегии научных журналов «Социологические исследования» «Социология медицины» и «Социальные аспекты здоровья населения». СоцИс ценит Ирину Владимировну за своевременные и полезные отзывы и рекомендации, вдумчивое рецензирование статей.

И.В. Журавлева награждена медалями «За верность Отчизне», «Золотая медаль РОС», «В память 850-летия Москвы», «Ветеран труда». Ей присвоены звания Заслуженный деятель Российского общества социологов, Почетный член ССА/РОС, она является победителем конкурсов РОС на лучшую монографию 2003, 2013 и 2022 гг.

Редсовет, Редколлегия и Редакция журнала поздравляют Ирину Владимировну с юбилеем и желают крепкого здоровья, жизненных сил и вдохновения для изучения здоровья населения.

К 90-ЛЕТИЮ И.И. ОСИНСКОГО

10 августа отмечает знаменательный юбилей доктор философских наук, профессор Бурятского государственного университета, академик Международной академии наук высшей школы Иван Иосифович Осинский.

Иван Иосифович родился на Украине в с. Болярка Емильчинского района Житомирской области в крестьянской семье. В 1950 г. после окончания семилетней школы поступил в Славутское педучилище Хмельницкой области. Работал воспитателем, затем заместителем директора по учебно-воспитательной работе Приворотского детского дома Хмельницкой области. После службы в армии Иван Иосифович поступил на историко-филологический факультет Бурятского государственного педагогического института (БГПИ, ныне – Бурятский госуниверситет (БГУ)), который успешно окончил в 1961 г. С этого времени началась многогранная, плодотворная общественно-политическая и научно-педагогическая деятельность Ивана Иосифовича.

Основные вехи его пути: работа директором школы № 47 г. Улан-Удэ, заведование отделом Советского райкома КПСС, обязанности секретаря партийного бюро БГПИ, заведование кафедрой философии и научного коммунизма, проректор по науке БГПИ, заведующий кафедрой философии.

Имея организаторский талант и богатый педагогический опыт, Иван Иосифович внес большой вклад в становление науки в БГПИ (затем БГУ), в том числе и как председатель диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по философии и социологии. Под его научным руководством выполнено и успешно защищено 85 диссертаций, из них 15 докторских. Предметом его особой заботы являлось формирование в университете научных школ, улучшение планирования НИР, преодоление мелкотемья, переход к крупным коллективным исследованиям, создание аспирантуры и докторантуры, развитие научного сотрудничества с другими вузами и НИИ нашей страны, а также ряда зарубежных стран.

Докторская диссертация «Социалистическая интеллигенция: общее и особенное в формировании и развитии» была успешно защищена в 1990 г. в Московском государственном педагогическом университете. В своих работах он придерживается трактовки интеллигенции как «социального слоя, члены которого функционально заняты сложным умственным трудом и обладают общепризнанными культурно-нравственными качествами». Подобные проблемы нашли отражение в других специальных исследованиях: о становлении интеллигенции в Монголии, структуре и воспроизводстве интеллигенции Бурятии, Тувы, об инженерно-технических специалистах, медицинских работниках, о социальном положении учительства. Благодаря усилиям И.И. Осинского БГУ впоследствии стал крупным центром по исследованию интеллигенции.

Глубокие перемены, произошедшие в стране в 1990-е и последующие годы, существенно расширили тематику научных исследований Ивана Иосифовича: социальный статус и функции современной семьи, интересы и потребности людей пожилого возраста, одиноких женщин, духовно-нравственные ценности студенчества, сельской молодежи, казачества, адаптация военнослужащих, увольняемых в запас, формирование предпринимательства, проблемы социальной патологии.

И.И. Осинский – автор 640 научных и учебных работ, в том числе 42 монографий по проблемам социальной философии, социологии, политологии, истории высшей школы. Многие из них изданы за рубежом, высоко оценены специалистами. Иван Иосифович один из авторов фундаментального труда «История крестьянства Сибири», подготовленного под руководством Института истории, филологии и философии СО АН СССР (1991). Монография «Пенитенциарная девиантность в условиях трансформации российского

общества» (в соавт. с М.К. Гайдай) заняла первое место во всероссийском конкурсе социологических научно-исследовательских работ.

Иван Иосифович – инициатор и организатор научных мероприятий. Особо следует отметить цикл конференций «Байкальская встреча»: состоялось 13 международных научных конференций.

И.И. Осинский член проблемного совета РФ «Интеллигенция. Культура. Власть», главный редактор журнала «Вестник БГУ. Философия», создатель и главный редактор международного журнала «Евразийство и мир», член редакционных советов журналов «Социологические исследования», «Интеллигенция и мир», эксперт изданий Всероссийского фонда РФФИ, заведующий научной лабораторией социальной стратификации при БГУ. Был членом учебно-методического совета при МГУ им. М.В. Ломоносова, диссертационных советов при Иркутском и Читинском госуниверситетах. Удостоен почетных званий: «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия», «Заслуженный профессор БГУ». Является почетным профессором Читинского государственного университета, Восточно-Сибирского института МВД России, почетным доктором Житомирского государственного университета им. И. Франко. Отличник народного просвещения РСФСР, награжден знаком «Отличник народного образования Монголии». В 2007 г. его имя занесено в Российскую энциклопедию «Лучшие люди России». Награжден орденом Почета, имеет медали государственных и общественных организаций, в том числе Золотую медаль РОС.

Иван Иосифович Осинский – человек исключительного трудолюбия и преданности своему делу, честности, порядочности, скромности, истинной интеллигентности. Это отмечают его коллеги, друзья, ученики, все, кто с ним общается.

Он и сегодня старается не снижать заданного самому себе темпа научного творчества. Ежегодно им издаются монографии: «Интеллигенция в лицах» (Улан-Удэ, 2018), «Это наша с тобой биография» (Улан-Удэ, 2021), «Интеллигенция Тувы. XX век» (Улан-Удэ, 2022), «Интеллигенция Тувы. На рубеже XX–XXI вв.» (в соавт. с Б.М.-Х. Тензин, Улан-Удэ, 2023).

От лица всех социологов Бурятии желаем Ивану Иосифовичу здоровья, творческого долголетия, дальнейших успехов в научно-педагогической деятельности.

Т.Б. БАДМАЦЫРЕНОВ, М.И. ДОБРЫНИНА

Размышления над новой книгой

© 2023 г.

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ, П.А. АМБАРОВА

О ВОСПРОИЗВОДСТВЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРУДА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ДИСБАЛАНСЫ И РАЗРЫВЫ

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор-исследователь (garoldzborovsky@gmail.com); АМБАРОВА Полина Анатольевна – доктор социологических наук, профессор (borges75@mail.ru). Оба – кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия.

Аннотация. Обсуждаются основные положения новой монографии «Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ»¹. В размышлениях и критическом анализе обосновывается ее фундаментальность, раскрываются некоторые особенности, в частности решение не только теоретических вопросов, но и задач прикладного уровня. Отмечается богатый эмпирический материал, в том числе авторское исследование 2021 г. (опрос молодых специалистов, экспертный опрос). Рассматриваются вопросы профориентационной работы, взаимодействия университетов и работодателей, молодежной безработицы, роли государства в системе воспроизводства кадров. Сделан вывод о том, что решение проблемы воспроизводства специалистов интеллектуального труда сегодня возложено только на систему высшего образования, в то время как требуется кооперация усилий всех ключевых институтов общества.

Ключевые слова: воспроизводство специалистов • интеллектуальный труд • социально-профессиональная структура • профессиональные траектории • профессиональное самоопределение • профориентация • молодежная безработица • высшее образование

DOI: 10.31857/S013216250027382-3

Одна из особенностей рецензируемой монографии – единство теоретического и прикладного уровней исследования. Авторы теоретически обосновывают замену архаичного, по их мнению, понятия «интеллигенция» (специалистов с высшим образованием) понятием «специалисты интеллектуального труда». Справедливо ставится вопрос: «модернизированное производство нуждается в новом типе специалиста, способного работать в условиях высокой вариативности техники и технологии, а также в динамичной сфере услуг, где сегодня на первый план выходит коммуникативная компетентность» (с. 7).

Каждая из пяти глав начинается с теоретического анализа поставленных в ней проблем с последующим их раскрытием на эмпирических данных (социологии, экономики, демографии, статистики) и завершается выходом на прикладной уровень. Этому способствуют логика и структура монографии: анализ роли системы образования в воспроизводстве социально-профессиональной структуры, профессионального самоопределения молодежи на стадии выбора жизненного пути, условий профессиональной самореализации

---

¹ Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с.

выпускников вузов и условий труда молодых специалистов, воспроизводства отдельных групп специалистов интеллектуального труда.

Теоретическая рамка исследования представлена концепциями воспроизводства социально-профессиональной структуры социума, воспроизводства специалистов интеллектуального труда, образования (включая общее, профессиональное, непрерывное), доступности образования, образовательного неравенства, образовательных и профессиональных траекторий, профессионального самоопределения молодежи, выбора жизненного пути, молодежной безработицы, миграционного поведения.

Эмпирическая база монографии масштабна. В основе – совместный проект Института социологии ФНИСЦ РАН и Минобрнауки России в 2021 г.: опрос 4 тыс. молодых специалистов 207 предприятий и учреждений в 41 субъекте РФ; экспертный опрос 200 руководителей вузовских служб трудоустройства выпускников, 200 руководителей служб управления персоналом предприятий и учреждений. Привлекаются данные государственной статистики с 1928 по 2021 г. и результаты общероссийских исследований проблем профориентации учащихся.

Профессиональное самоопределение молодежи и профориентация. Авторы не ограничиваются анализом процесса становления специалистов в организациях профессионального образования, учитывая ранние этапы их самоопределения и выбора жизненного пути, начиная со школы.

Доказывая результатами исследований, что профессиональное самоопределение учащихся выступает сегодня одной из наиболее актуальных проблем среднего образования, авторы указывают ее внутрисистемные следствия и причины. К числу первых они относят увеличение «профессионального балласта» среди студентов и выпускников вузов, а ключевую причину видят в неэффективности профориентационной работы в школах. Такой вывод справедлив, но он формирует ожидание более развернутого анализа этой проблемы, а в книге кратко рассмотрена только советская система школьной профориентации, ее разрушение в 1990-е гг. и частично – восстановление в 2000-е.

Авторы, вслед за российскими учителями и родителями, задают вопрос: «На что ориентировать учащихся в школе: на престижную бедность или девиантный достаток?» (с. 77). Помогут ли переломить ситуацию проекты «ПроеКТОрия» и «Билет в будущее» в рамках нацпроекта «Образование»? Эти вопросы актуализирует рассматриваемая книга. Добавим еще два, навеянные выводами авторов.

Первый: конкуренция между двумя влияниями – родителей (друзей) и школьной профориентационной системой. Результаты исследования показывают, что влияние ближайшего окружения (сильное, но, возможно, неправильное) перевешивает. В условиях слабой и неинтересной профориентации в школе мнение родителей и друзей как-то решает проблему школьников, дезориентированных в мире профессий, поэтому нужно ли делать ставку и на консультирование родителей? Второй вопрос: насколько выполняет (как утверждают авторы) ранняя профилизация классов профориентационную функцию и нужно ли вводить более глубокую и более раннюю дифференциацию профилей? Эти вопросы требуют, как нам кажется, дополнительных исследований, экспертных мнений, поскольку профильность классов может сужать и горизонт выбора профориентационных инструментов, и общеобразовательную подготовку школьников, притом что осознание школьником себя в мире профессий и труда по-прежнему остается проблемой.

Несмотря на неэффективность профориентации в значительной части школ, результаты исследования показали, что 80% учащихся 9–11 классов что-то знают о будущей специальности (с. 69). Однако такие ограниченные представления, по мнению авторов, не обеспечивают профессионального самоопределения и увеличивают риск ошибочного выбора, появления «профессионального балласта». «Ошибочный выбор выпускниками школы специализации чреват неудачами в будущей работе, а может и неустроенностью личной жизни» (с. 75).

Существует и потенциальный «профессиональный балласт» – за счет выпускников вузов, которым полученная специальность «не ляжет на душу» и будет стимулировать их

поиск возможностей переквалификации (с. 77–81). По оценке авторов книги, такой резерв пополнения «профессионального балласта» составляет не меньше 25% численности студенчества. Сделанный неправильный выбор настигает молодых людей, заставляя либо переучиваться и приобретать новую профессию, либо увольняться под нажимом руководства, недовольного их работой.

Остановимся на потребности молодых специалистов в повышении квалификации. Это позволяет рассуждать, какими разными могут быть интерпретации результатов эмпирических исследований в зависимости от контекста. Прежде всего, представляются весьма ценными подсчеты того, насколько хватает вузовского бэкграунда выпускникам, чтобы быть «на плаву» в профессиональной сфере. По оценкам авторов – в среднем 14 месяцев. Возникает вопрос: речь идет о компенсации некачественного высшего образования или о норме включения молодежи сразу после вуза в систему непрерывного образования? Судя по контексту, в книге имеется в виду разрыв между качеством высшего образования и требованиями работодателя, производства, рынка труда. Этот вывод справедлив. Но полученные результаты говорят и о положительной тенденции – готовности молодых специалистов учиться, повышать квалификацию после получения диплома. Профессиональные знания, технологии, методология быстро обновляются во всех сферах, и даже самая передовая высшая школа сегодня не может уверенно гарантировать длительный срок актуальности компетенций выпускника. Тем более ценны материалы книги для методологов и руководителей российской высшей школы, указывающие на необходимость развития практик непрерывного образования для всех поколений профессионалов и продуктивности модели опережающего знания и образования.

Безработица молодых специалистов – одна из острых проблем – рассматривается в монографии многопланово. Остановимся на двух сюжетах. Первый – проблема тесной связи между ростом молодежной безработицы и быстрым экстенсивным ростом профессионального образования в стране. Ее анализ в монографии имеет серьезный теоретический срез и прикладной характер. Возникнув в 1990-е гг. в условиях кризиса, массовой ликвидации предприятий, молодежная безработица заставила государство реагировать на ее рост расширением бюджетного профессионального образования, но без предоставления выпускникам гарантий трудоустройства. С одной стороны, государственная политика сдержала давление молодежи на рынок труда, на несколько лет заключив ее в «резервацию». С другой – без решения базовых экономических проблем она стимулировала безработицу в среде выпускников вузов и колледжей. Особенно остро ее почувствовали те, кто создал собственные семьи в период обучения либо сразу после его окончания.

Авторы доказывают, что данная проблемная ситуация не разрешена по сей день: от безработицы у молодых специалистов интеллектуального труда гарантий по-прежнему нет, а их давление на социально-профессиональную структуру российского общества сохраняется. Вузы и колледжи не в состоянии сдержать рост безработицы, да они и не заботятся об этом, стремясь под давлением рыночных факторов и недостатка государственного финансирования расширять прием. В результате сохраняется значительное превышение предложения выпускников вузов (в 3,5 раза) и колледжей (в 2,5 раза) над спросом на них со стороны организаций (с. 11). Такие выводы авторов приводят читателей к пониманию того, что в экономике называется дисбалансом спроса и предложения, а в социологии – глубоким институциональным разрывом между профессиональным образованием и экономикой страны. На мезоуровне он проявляется в отсутствии системных, органичных связей между большинством предприятий и вузов, их интересами, активностью, векторами развития.

Второй интересный сюжет монографии касается характеристик безработных выпускников вуза. Среди них больше гуманитариев и людей с социально-экономическим образованием, но немало тех, кто получил инженерно-техническое образование. Больше всего безработных с дипломом бакалавра (!), меньше – среди выпускников магистратуры. При этом академические успехи студентов не гарантируют успешное трудоустройство после

вуза: 7,5% безработных имеют «красный» диплом, почти половина – дипломы с хорошими оценками. Обращает на себя внимание факт, что более 60% безработных молодых специалистов уверенно выбрали специальность при поступлении и до сих пор считают свой выбор правильным. Одна из ключевых причин их неудачи при трудоустройстве – нежелание менять профессию. Возникает вопрос: что это – негибкость и неадаптивность или же верность выбранному профессиональному пути? Вопрос требует исследования.

Обозначим любопытную и, на наш взгляд, значимую положительную характеристику безработных выпускников – стремление и готовность решать свои проблемы самостоятельно. Очевидно, современное поколение студентов лишено иждивенческих установок и не ждет помощи государства, служб занятости, вузовских центров трудоустройства. При этом оно не готово снижать уровень притязаний к заработной плате, содержанию работы.

Взаимодействие университетов и работодателей рассматривается в монографии в качестве фактора успешной адаптации студентов к миру профессий, рынку труда и условиям конкретного производства. Отметим несколько аспектов, которые авторы разрабатывают в рамках этой тематики. Прежде всего, отношение работодателей к качеству профессионального образования. По данным исследования, работодатели оценивают теоретическую подготовку выпускников на «хорошо», а практическую – на «удовлетворительно». При этом развенчивается стереотипное представление о том, что в организациях СПО подготовка студентов к реальным требованиям профессии сильнее, чем в вузах. Обобщенные оценки работодателей говорят, что это далеко не так: доля некачественно подготовленных составляет среди выпускников лица – 34,2%, колледжа – 23,6%, вуза – 19,5% (с. 116).

Авторы по-прежнему фиксируют непонимание работодателями различий между бакалаврами, специалистами и магистрантами. Почему эта проблема сохраняется? Мы видим её в неэффективности взаимодействия вузов с работодателями, о чем и пишут авторы. Со своей стороны вузы проявляют высокий уровень заинтересованности и активности в таком взаимодействии, чего не скажешь о работодателях. Доля тех из них, кто заинтересован в деятельном сотрудничестве, невелика.

Деятельное сотрудничество – это не только и не столько формальные договоры об организации практики или о партнерстве, сколько регулярное включение в образовательную повестку перечня компетенций, дизайна образовательных программ, обеспечения условий практики и образовательного процесса (занятий, внеучебной активности). Работодателей, которые готовы выделить время и ресурсы для такой глубокой интеграции с вузами, немного. Большинство предпочитает не инвестиции во взаимодействие, а рекрутинг молодых специалистов с рынка труда.

Многое здесь зависит и от вузов, которые работают в основном с ключевыми стейкхолдерами-работодателями, являющимися их партнерами. Однако традиции широкого информирования о возможностях, проблемах, особенностях подготовки специалистов того или иного уровня в публичном пространстве не сложилось. Встречи представителей вузов и работодателей, как правило, организуются на уровне топ-менеджмента и носят ритуальный характер. А налаживание реальных, тесных связей должно проводиться в режиме повседневных взаимодействий. К стати, потенциал режима взаимодействия авторы монографии показывают через обобщение опыта «правильных» производственных практик.

Еще один выход из положения авторы монографии видят в развитии корпоративных университетов. Они полагают, что сегодня «корпоративный характер сохраняют в основном педагогические университеты, образовательные учреждения силовых структур, Министерства иностранных дел..., а что касается экономики, здесь почти не осталось вузов, учрежденных крупными производственными корпорациями» (с. 127). Среди обследованных предприятий только 11,8% имеют собственные университеты. В перечне № 9 (с. 127–128) приводится список из 15 отраслей, обладающих ими: металлургическое производство, оборонная промышленность, информационные и коммуникационные технологии, химическое производство и др.

Обращение к роли корпоративных вузов в воспроизводстве специалистов актуально. Однако нам представляется, что в трактовке такого типа университетов произошло определенное смешение традиционного понятия ведомственных вузов и современного понимания образовательных структур, принадлежащих предприятиям-корпорациям. Если первые были и остаются государственными университетами, то особенность вторых – не только в их юридическом статусе негосударственных образовательных организаций или структурных подразделений корпораций, но и в их миссии – обеспечение стратегии развития и конкурентоспособности компаний путем формирования у ее руководителей и рядовых сотрудников актуальных компетенций. Ведомственные университеты работают на отрасль, корпоративные – только на свою компанию-учредителя.

В России сегодня около 300 корпоративных университетов, принадлежащих Сбербанку, Газпрому, Северстали, Норильскому Никелю, Ростелекому, Ингосстраху и др. Большая часть корпоративных университетов работает на уровне дополнительного профессионального образования. Значительно меньшая часть реализует программы высшего образования, например, Технический университет Уральской горно-металлургической компании, готовящий бакалавров для этого металлургического холдинга.

Университетские контексты воспроизводства специалистов интеллектуального труда. Один из центральных разделов монографии посвящен воспроизводству двух групп специалистов – исследователей в научных институтах и научно-педагогических работников вузов. Авторы рассматривают тему в рамках более масштабной цели – понимания влияния вузовского контекста на воспроизводство специалистов интеллектуального труда. Представлен многосторонний глубокий статистический анализ состава научно-педагогических работников (НПР) вузов. Характеристики данной общности позволяют читателю увидеть серьёзные проблемы ее качественного состояния в будущем. В этом смысле книга отражает возможности и риски программы «Приоритет-2030».

Авторы напрямую связывают численность НПР с численностью студенчества и на основе демографических данных убедительно доказывают, что сокращение численности студентов с 2010 по 2016 г. на 1 млн 285 тыс. чел. привело к сокращению числа преподавателей вузов на 35 тыс. чел. (с. 284–285). В то же время они утверждают, что с 2024 г. начнется рост студенческого контингента, который увеличит его к 2030 г. на 1 млн чел., а заодно и численность НПР на 58 тыс. чел. Если с демографами не поспоришь, то в отношении авторского прогноза насчет роста НПР есть сомнения. И связаны они не с качеством прогнозирования, а с нашим знанием и пониманием кадровых стратегий современных университетов. Опыт сокращения НПР способами кадровой «оптимизации» (переход на краткосрочные контракты, дробление и поэтапное сокращение ставок, увеличение доли онлайн-образования, а также количества студентов на одного преподавателя и пр.) показал, что даже при увеличении контингента студентов численность НПР можно не только оставлять прежней, но даже сокращать. Таким образом, классические научные прогнозы вполне могут остаться сказкой, разбившись о реалии университетских управленческих практик.

Можно ли рассматривать воспроизводство специалистов интеллектуального труда вне противоречий между современными стратегиями развития высшей школы и непрекращающимися качественными и количественными деформациями НПР – социальной общности, выступающей драйвером развития образования и науки в университетах? Вопрос, на наш взгляд, риторический.

Кстати, в книге ничего не говорится и о сокращении численности самих вузов. Только в первой главе показывается рост числа вузов за 20 лет в 2,2 раза – с 514 в 1990/1991 г. до 1115 в 2010/2011 г. Но не сказано ничего об их сокращении после 2015/2016 г. (до 710 вузов в 2020/2021 г.). Вне такого контекста «оптимизации» и «реструктуризации» высшего образования теряется понимание важнейших факторов подготовки молодых специалистов. Нужно было бы объяснить эти обстоятельства, их характер, последствия.

Процесс сокращения численности НПР вузов в последние десять лет авторы дипломатично называют «отрицательной тенденцией роста численности преподавателей вузов»

(с. 285). Одной из его причин (вузовской стратегии сокращения штата вслед за сокращением количества студентов) они считают увольнения сотрудников из-за невысокой оплаты труда. Она, действительно, не позволяет этой социальной группе приблизиться к среднему классу, особенно развитых западных стран (с. 286). Вместе с тем, как нам кажется, спектр причин такой тенденции намного шире: низкий уровень удовлетворенности НПР профессиональной деятельностью, увеличением учебной нагрузки, отношениями с административно-управленческим персоналом (численность которого постоянно растет), неопределенностью будущего, организационными и институциональными преобразованиями в высшей школе и многое другое.

При всем богатстве аспектов анализа состояния современного высшего образования в России, по нашему мнению, в нем не хватило одного важного среза, связанного с выявлением его роли в воспроизводстве специалистов вузов различных типов. Высшая школа сегодня чрезвычайно стратифицирована: существует «ядро» ведущих вузов, зона полупериферии (эффективные вузы, но не занимающие лидирующих позиций) и периферия (проблемные вузы). Очевидная демаркационная линия пролегает также между селективными и массовыми вузами. Если не учитывать фактор стратификации, то усредненные показатели ситуации по всей системе высшего образования не столько проясняют общую картину, сколько делают ее еще более запутанной. Мы полагаем, что в этой «лакуне» открывается перспектива продолжения исследования.

О воспроизводстве социологов. Читатели имеют возможность сравнить подготовку социологов по большому ряду критериев с представителями других специальностей, причем по всем группам (всего таких групп в книге рассматривается 18). Однако социология в подавляющем большинстве случаев характеризуется не отдельно, а в составе группы социально-гуманитарных специальностей (наряду с психологией, политологией, философией, СМИ, историей, языкознанием, культурой, литературой).

В таблице 65 (с. 299) представлены мнения экспертов (руководителей вузов) об общественной значимости, престижности и востребованности предприятиями и учреждениями социально-гуманитарных специальностей. 11,6% экспертов признали значимость социологии, 2,3% опрошенных руководителей полагают, что эта профессия престижна в глазах студентов и пользуется спросом у предприятий и учреждений. Лидерами по всем трем критериям эксперты признали экономику, право и менеджмент. Эти данные – косвенный ответ на вопрос о причинах невысокой популярности социологии у молодежи. Авторы монографии заключают, что у абитуриентов спрос на нашу профессию снижается прежде всего вследствие ограниченной потребности на специалистов такого профиля со стороны предприятий и учреждений (с. 300).

Одна из наиболее серьезных проблем при трудоустройстве молодых социологов – знание предприятий и учреждений, где они нужны. Созданные во многих вузах центры и службы содействия трудоустройству выпускников недостаточно осведомлены о них. Поэтому социологи оказались в группе специальностей, по которым, согласно мнению руководителей центров содействия трудоустройству, оно осуществляется наиболее сложно (с. 201, перечень 20; табл. 40).

Средний уровень зарплаты молодых специалистов социально-гуманитарного профиля составляет 39 700 руб. в месяц, достойной же для себя они считают зарплату в 70 000 руб. в месяц (с. 305). В этом плане интерес представляет табл. 52 «Ожидаемый средний размер зарплаты, на которую рассчитывают безработные молодые специалисты различной специализации в случае трудоустройства». По подсчетам авторов, средняя желаемая зарплата составила 56 500 руб. У социологов (как и у психологов, журналистов, специалистов по рекламе, социальных работников) ожидаемый размер оплаты труда не высок – 50 тыс. рублей. В книге много говорится о значении различных форм морального поощрения и стимулирования труда молодых социологов (с. 228–229, табл. 47), но ни слова – о материальном поощрении. Тем не менее установка на карьерный рост у рассматриваемой группы специалистов существует.

Закключение. Исследование рисует не очень радужные перспективы становления в нашей стране экономики знаний, развитие которой базируется на расширенном воспроизводстве специалистов интеллектуального труда. Представление об этих перспективах усиливается выводом об ущербности системы воспроизводства данного социального слоя, по сути, редуцированной к деятельности учреждений высшего образования.

Именно на вузы, как показало исследование, ложится сегодня основная забота и ответственность за этот важный социальный процесс. Между тем в систему воспроизводства социально-профессиональной структуры общества по определению должны быть включены и другие социальные институты – государство, семья, школа, организации дополнительного образования (в том числе профессионального), система довузовской подготовки и, конечно, работодатели. За цифрами и фактами, которыми изобилует книга, видна дисфункциональность всей системы, усиленная динамикой и высокой неопределенностью развития рынка труда и мира профессий.

Очевидно, многие российские вузы сегодня стремятся к тесной интеграции со школьным образованием, реализуя собственные программы профориентации школьников и абитуриентов. Вузы активно наращивают связи с работодателями в плане не только трудоустройства выпускников, интеграции практиков в научно-образовательные процессы для повышения их качества и практико-ориентированности. Однако успешность такой кооперации может быть обеспечена только взаимным движением.

В этой ситуации закономерно возникает вопрос о регулирующей и стимулирующей функции государства в системе воспроизводства кадров. Книга, собственно, начинается с постулирования роли государства в данном процессе. И хотя авторы больше к этому сюжету не возвращаются, за каждым их выводом сквозит необходимость научно обоснованной государственной политики как механизма налаживания эффективной системы подготовки специалистов интеллектуального труда.

REPRODUCING INTELLECTUAL LABOR SPECIALISTS: INSTITUTIONAL IMBALANCES AND GAPS

ZBOROVSKY G.E.*, AMBAROVA P.A.*

*Ural Federal University, Russia

Garold E. ZBOROVSKY, Dr. Sci. (Philos.), Research Professor (garoldzborovsky@gmail.com); Polina A. AMBAROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (borges75@mail.ru). Both – Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Abstract. The main provisions of the new monograph “Reproduction of intellectual labor specialists: a sociological analysis” are discussed. In reflections and critical analysis, its fundamentality is substantiated, some features are revealed, in particular, the solution of not only theoretical issues, but also problems on the applied level. There is a wealth of empirical material, including the authors’ 2021 study (a survey of young specialists, an expert survey). The following issues are discussed: career guidance, interaction between universities and employers, youth unemployment, the role of the state in the system of personnel reproduction. It is concluded that the solution of the problem of intellectual labor specialists reproduction today is entrusted only to the higher education system, while this requires the cooperation of efforts of all key institutions of society.

Keywords: reproduction of specialists, intellectual labor, socio-professional structure, professional trajectories, professional self-determination, career guidance, youth unemployment, higher education.

АЛЕН ТУРЕН

(03.08.1925–09.06.2023)

Большая потеря для французской и мировой социологии: в ночь на 9 июня скончался один из самых ярких социологов современности Ален Турен. Он был интеллектуальным лидером Франции. Своеобразной демонстрацией отношения к нему можно считать то, что его работы давно заняли значимое место на полках, отведенных литературе по социологии.

Произведения Турена переведены на множество языков. Особенно большим уважением он пользовался в Латинской Америке, с которой был тесно связан. В частности, Турен сыграл важную роль в основании Центра социологии промышленности и труда кафедры социологии Университета Сан-Паулу, поскольку проводил исследования в Бразилии, Чили и других странах. Французский социолог предложил собственное видение сути политических трансформаций в Латинской Америке. На его работы до сих пор опираются социологи стран, которые оказались в центре внимания Турена. Особенно значимой в этом ряду является монография 1988 г. «Слово и кровь».

На русском языке представлена небольшая часть его творчества – «Концепция “постсоциализма”» (1981 [1980]), «Возвращение человека действующего» (1998 [1984]), реферат одной из самых цитируемых его работ в XXI в. «Критика модерна» (1998 [1992]), а также переводы отдельных статей и докладов, в том числе в журнале «Социологические исследования». Однако они не позволяют оценить масштаб его вклада в современную социологию, хотя и позволяют судить о многообразии его творчества.

Турен всегда был готов отстаивать собственную точку зрения и не боялся критиковать даже именитых социологов. В 1952 г. благодаря стипендии от Фонда Рокфеллера он побывал в США, где познакомился со структурным функционализмом Парсонса. Однако французский социолог пришел к выводу, что общество предстает в теории Парсонса чрезмерно гармоничным и стабильным. Мировоззрение Турена было во многом сформировано Второй мировой войной, и он не был готов принять идею общества без конфликтов, предложенную американским социологом. Более того, теория действия Турена представляет собой контраргумент Парсонсу, у которого актер фактически сводится к набору ролей. Турен полагал, что если системы стремятся к интеграции и адаптации, то субъекты стремятся к большей свободе и праву на свою репрезентацию, в том числе и культурную, что предполагает неизбежную борьбу с системой. Высшей ценностью для него были достоинства каждого человека, из какой бы страны он ни пришел и какой бы путь ни выбрал. В начале творческого пути Турен осознал необходимость возвращения в социологию субъекта, способного инициировать социальные изменения, и не отказывался от этой идеи.

Исследовательский путь французского социолога начинался с изучения сферы трудовых отношений, на которые Турен смотрел преимущественно со стороны рабочих. На родине высоко оценивают его работы по социологии труда, в частности монографию 1955 г., ставшую результатом исследований на заводах концерна «Рено». В Латинской Америке широкую известность получили его исследования чилийских рабочих, занятых на угольных шахтах и в металлургии.

В мировую социологию Турен вошел благодаря поздним своим работам. События мая 1968 г. заставили его обратиться к изучению социальных движений – теме, которая оставалась для него одной из важнейших на протяжении 50 лет. Французский социолог указывал, что он старается изложить историю общества через историю конфликтов, и социальные движения позволяли анализировать социальные процессы на основе данной

перспективы. Его теория постиндустриального общества, изложенная в одноименной работе 1969 г. (*La Société post-industrielle*), предстала как теория программируемого общества, то есть как анализ социальных конфликтов и их трансформации. Исследователи его творчества называют среди главных теоретических работ монографию 1973 г. «Производство общества», название которой переключается с опубликованной годом позднее книгой Лефевра «Производство пространства». Наверное, это не случайно, учитывая, что они вместе работали в Университете Нантера.

Постепенно Турен отказался от идеи о том, что в центре внимания должны находиться рабочие движения и конфликты в сфере труда. Постепенно расширился перечень социальных движений, которые представляли для него интерес. В 1978 г. в его книге «Голос и взгляд» была предпринята попытка комплексного анализа социальных движений, среди которых социолог выделил студенческие и женские, поскольку, по его мнению, они стали важнее рабочих. Интерес к студенческим движениям был во многом обусловлен событиями 1968 г. Что касается движений женских, Турен видел в них серьезную социально-политическую силу, о которой продолжал писать на протяжении нескольких десятилетий, в частности в работе 2006 г. «Мир женщин». Да и глобальное «общество коммуникаций», описанное им в 2021 г., он характеризует как «место, занимаемое женщинами».

Он не почивал на лаврах, хотя давно получил признание. Турен продолжал работать и до последнего времени публиковал новые книги: «Новая парадигма: понять мир сегодня» (2005), «Мыслить по-другому» (2007), «После кризиса» (2010), «Конец обществ» (2013), «Мы, субъекты» (2015), «Новый политический век» (2016), «В защиту модерна» (2018), «Общество коммуникации и его действующие лица» (2021) и др. Он старался наметить основные темы для социологии XXI в. и одним из первых поставил вопрос о правомерности считать современную социологию наукой об обществе, хотя признавал, что она была таковой на протяжении большей части своей истории и представляла как критика общества модерна. Однако в условиях растущего индивидуализма французскому социологу казалось особенно важным исследование действий субъектов, в том числе через изучение социальных движений.

Турен считал, что социолог должен участвовать в социально-политической жизни общества и регулярно высказывал свою точку зрения по поводу значимых для Франции событий, в том числе в своем блоге, который вел до 2018 г. Он призывал голосовать за Макрона, рассматривая приход к власти Ле Пен как катастрофу для Франции. В последнее время он все чаще указывал на то, что мигранты, против присутствия которых в стране выступала Ле Пен, играют важную роль в общественной жизни. Социолог полагал, что только признание их прав освободит Францию от колониального наследия. Ужесточение отношения к мигрантам в мире он связывал с усилением культурно-символического изменения социальных конфликтов в «обществе коммуникаций».

С Туреном спорят, его критикуют, но он старался успеть сказать как можно больше и донести свою точку зрения до широкой общественности, поэтому продолжал активно писать, даже завершив академическую карьеру. За многие десятилетия напряженной работы ему удалось внести вклад в самые разные области социологической науки, он автор около 40 книг и множества статей. Французский социолог до конца оставался верен себе и своей теории действия, поскольку, по его мнению, только «возвращение человека действующего» может дать надежду на освобождение от оков «программируемого общества».

И.А. ВЕРШНИНА, д. социол. н.,
доц. МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия
(urbansociology@yandex.ru)

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2023 No. 8

CONTENTS

TO THE 100th ANNIVERSARY OF V.N. SHUBKIN

- 3 CHEREDNICHENKO G.A. Vladimir Nikolaevich Shubkin: Fate and Creativity
14 KONSTANTINOVSKIY D.L. The Window Opened by Shubkin: Youth in Education and the Labor Market
25 ASTAFYEV Y.U. Vladimir Shubkin as Researcher of Catastrophic Consciousness

ECONOMIC SOCIOLOGY

- 34 KARACHAROVSKIY V.V., GURULEVA M.N. Motivation Trap on Russian Labour Market
47 POPOV A.V., SOLOVEVA T.S. Employment Prospects for the Population of Russia Along the Center-Periphery Axis (the Case of Vologda Region)

SOCIOLOGY OF RELIGION

- 60 LEBEDEV S.D., BLAGOEVICH M., SHAPOVALOVA L.V. Revitalization of Religion: Toward an Understanding of the Perspectives of the Modern Religious Situation
76 BUROVA E.E., JAMANBALAYEVA Sh.E. Religious Situation in Modern Kazakhstan (a sociological reconstruction)

SOCIOLOGY OF FAMILY

- 86 DOROFEEVA Z.Y., KOZYREVA P.M. Transformation of Parental Involvement in the Children's Lives
101 BEZRUKOVA O.N., SAMOYLOVA V.A. "Unwanted" Children? Values of Parenting, Rights of Fathers and Mothers in Sociocultural Attitudes of the Russians

SOCIOLOGY OF MASS COMMUNICATIONS

- 112 GUO LIJUN, XU JIAQI, CHEN PEIJUN. Russian Media Reacts and Assesses the 20th National Congress of the Communist Party of China

HISTORY OF SOCIOLOGY

- 122 SHMERLINA I.A. "Social Form" in the Context of S.L. Frank's Social Philosophy
132 GOLOVIN N.A. World Outlook and General Scientific Prerequisites of the Logico-Meaningful Method of Pitirim Sorokin's "Dynamics": a Reconstruction

DISCUSSION. POLEMICS

- 143 MOND D.L. Trust as a Private Good in the Context of Social Capital

ACADEMIC EVENTS

- 154 AVDOSHINA N.V., BOCHAROV V.Yu. Humans in the Information Society: Continuation of the Discourse
157 ISTOMINA O.B. Social Processes in Modern Russian Society
159 NEKLYUDOVA N.P., PYSHMINTSEVA O.A. About the XIV Ural Demographic Forum

ANNIVERSARIES

- 161 Congratulations to V.V. Gavrilyuk
- 163 Congratulations to I.V. Zuravleva
- 164 OSINSKY I.I. is 90!

REFLECTIONS ON A NEW BOOK

- 166 ZBOROVSKY G.E., AMBAROVA P.A. Reproducing Intellectual Labor Specialists: Institutional Imbalances and Gaps

IN MEMORIAM

- 173 TOURAINÉ A.

- 175 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)